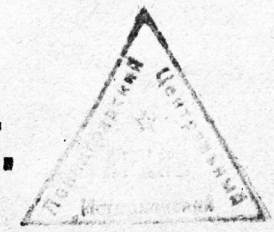
№ 88.

19

ДѢЛО

С.П.Б. Цензурнаго Комитета.

1892 г.



о недозволенной рукописи
дворянина В. И. Яковенко:
„Біографія
Т. Г. Шевченко"

Началось Іюня 23 1892 года.

Окончилось Іюля 30 1892 года.

54 л.

"Для разрѣшенія въ печать.

Обяз. Польза 1

203 т. б.

ТИПОГРАФІЯ
ТОВАРИЩЕСТВА „ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА"
Большая Подъяческая, д. № 39.

ТИПОГРАФІЯ
ТОВАРИЩЕСТВА „ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА"
Большая Подъяческая, д. № 39.

№ 2130 / 23 Іюня 1892 г.

Ж. Засѣд. 29 Іюня 92 г.
ст. 7

Біографія Т. Г. Шевченка

С. И. Коссовичу

Составилъ В. Яковенко

Оглавление.

От автора

Глава I Шевченко - крепостной: (1814-1838)

Семья: отец, мать. Ранние детские. Мачеха - Катерина - Учение грамоте и сочинение стихов - „Школьные" - В поисках за учителем живописи - Неудавшаяся переписка: поваренок, а затем каменотесный ученик - Пристальное изучение старых гравюр Гайду. Шевченко в обучении иконописному искусству и рисовании - Первая любовь - В Петербурге - Знакомство с Сошенко - Попытка попасть в среду художников общества - Работа над совершенствованием образования - Художественная литература. Вторая любовь - Свобода.

Глава II. На свободе: жизнь и художество (1838-1847)

В Академии художеств. Нужда и скитания. Украинская муза. Первые произведения: „Кобзарь" и „Гайдамаки". Отношение критики и общества. Двойная свободная художника. - На родину - Возвращение в Петербург. Творческая стихия - „Мечтатель" и критицизм - Светская стихия: княгиня Репнина, Киевской круг, Гоголь-друг - Поездка в Украину - Стихотворения, Дагерротипы и гравюры и т.д. Земляки Шевченко „Другие посланья." Жизнь в Киеве. Практика ваннах поездок заграницу. Картины - Исторические произведения.

Глава III: В ссылке: Подневольный солдат: (1847-1857)

Арест. Резолюция - Строгий приговор - Начальство - Солдатские нравы - Тоскливая экспедиция - Сравнительная свобода - Шевченко вдруг знаменитость - Оренбург - Увольняющийся унтер - офицерство - „Живые кладбища" - Военная - Исключительное угнетение - Пустыня - „Образцовый фортификационный" - Кто виноват из Шевченко тяжелому наказанию? Переписка - Строгое общество и „Дурно обедает" - Комендантша - Хлопоты - Освобождение -

Глава IV По возвращении из ссылки: (1857-1861)

Поездка в Украину - Невольная остановка в Нижнем Новгороде - Свидание с Щепкиным - Лизогуб - В Петербурге - Квартирование - Академия - Безнравственность - У сестры. Арест. Трехнедельное пребывание в Киеве - Снова в Петербурге - Жизнь его: покупка усадьбы на берегу Днепра и невеста - Освобождение родных от крепостной зависимости - В второе издание „Кобзаря" - Забота о народном образовании - Бульвар - Смерть.

Глава V: Шевченко, как поэт и художник.

Место в национальных писателей. Это только великий народный поэт? Содержание поэзии Шевченко. Основная мысль народа и его личности. Шевченко, как художник.

Отъ автора

Какъ ни многочисленны кажутся матеріалы, собранные для біографіи Шевченко, но при общей обработкѣ ихъ получаются большіе пробѣлы. Цѣлые періоды жизни ~~ост~~ поэта остаются иногда весьма слабо выясненными, а на ряду съ этимъ встрѣчаются отдѣльныя замѣтки, цѣлыя страницы, посвященныя самымъ незначительнымъ эпизодамъ. Матеріалы эти, за немногими исключеніями, носятъ очевидно случайный характеръ. Никто не позаботился въ свое время собрать все необходимое по заранѣе обдуманному плану. Конечно, вина падаетъ преимущественно на ближайшихъ друзей Шевченко. Но, увы, многіе изъ нихъ еще при жизни поэта въ годину его тяжелыхъ испытаній печальнымъ образомъ засвидѣтельствовали свою дружбу... А нашлись и такіе, которые уже послѣ смерти его, рѣзко повернули фронтъ. Такимъ образомъ, однихъ не стало, а другіе измѣнили.. И жизнь человѣка, о которомъ еще критикъ шестидесятыхъ годовъ сказалъ, что разсказы о судьбѣ такихъ людей должны получать самую широкую извѣстность, не можетъ быть обрисована съ надлежащей полнотой. Тѣмъ затруднительнѣе было положеніе автора настоящаго біографическаго очерка. Всякій сжатый очеркъ, имѣющій въ виду характернѣйшіе моменты въ жизни человѣка, опирается обыкновенно на обстоятельное и детальное изслѣдованіе, въ которомъ только и возможна критическая оцѣнка разнородного случайного матеріала. Но по отношенію къ Шевченкѣ, повторяю, такого именно изслѣдованія мы и не имѣемъ до сихъ поръ. Кромѣ того, намъ пришлось натолкнуться и на затрудненія иного рода, едва ли впрочемъ интересныя для скромнаго читателя. Въ виду всего этого авторъ не можетъ взять на себя всецѣло отвѣтственности за неполноту въ однихъ случаяхъ и недостаточное освѣщеніе въ другихъ различныхъ сторонъ жизни и дѣятельности нашего народного поэта.

Мнѣ остается еще замѣтить, что въ большинствѣ случаевъ цитаты на малорусскомъ языкѣ переведены на общелитературный

II

языкъ, за исключеніемъ отрывковъ изъ стихотвореній Шевченко и еще нѣкоторыхъ выдержекъ.

Вотъ главнѣйшіе источники, которыми авторъ пользовался при составленіи предлагаемой біографіи; ~~[illegible]~~

1. Автобіографія, написанная Шевченко для журнала „Народное Чтеніе"
2. Дневникъ за 1857-1859 г.г.
3. Письма къ Бр. Залескому, М. Лазаревскому, Я. Кухаренко, М. Щепкину, С. Артемовскому, А. Козачковскому, Н. Осипову, Г. Тарновскому, С. Сирановскому, Маркевичу, П. Кулишу, В. Репниной, В. Шевченко и др.
4. Кобзарь. Т. Г. Шевченко
5. Похмы, повѣсти и разсказы Т. Г. Шевченко, писанныя на русскомъ языкѣ.
6. Воспоминанія о Т. Г. Шевченко А. Чужбинскаго, Н. Костомарова, С. Тургенева, М. Микѣшина, Н. Усковой, М. Кибальчичъ и др.
7. На Сыръ-Дарьѣ у ротного командира Н. Д. Н.
8. Первые четыре года ссылки Шевченко. Н. Стороженко
9. Шевченко въ ссылкѣ, Е. Таршина.
10. Матеріалы для біографіи Т. Г. Шевченко, А. Лазаревскаго
11. Жизнь и произведенія Тараса Шевченко, М. Чалаго
12. Шевченко, его жизнь и произведенія, Пискунова
13. Т. Г. Шевченко, С. Н. Кулябка.
14. Т. Г. Шевченко, біографическій очеркъ В. Маслова
15. Литературное наслѣдіе Н. Костомарова
16. Очерки исторіи украинской литературы XIX столѣтія Н. Петрова
17. Исторія новѣйшей русской литературы, А. Скабичевскаго
18. Сочиненія Добролюбова, т. III.
19. Русскія сочиненія Шевченко, А. Пыпина.
20. Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка. В. Семевскаго.
21. Шевченко въ отзывахъ о немъ иностранной печати. Т-
22. Разныя мелкія замѣтки, помѣщенныя въ „Кіевской Старинѣ"

Глава I.

Шевченко - кріпосний.
(1814 - 1838 г.г.).

Семья: отецъ, дядя. Ранніе годы. Мачеха. Пастухъ-
ство. Ученіе грамоты и слова написанія. „Школяръ-по-
пыхачъ". Въ поискахъ за учителемъ живописи. Необыкно-
венная перемѣна: повѣренный, а затѣмъ компаніонъ вора-
чей. Призваніе опредѣляется первую пору. Шевченко въ
обученіи живописному искусству и фигурамъ. Первая лю-
бовь. Въ Петербургъ. Знакомствовъ съ Сошенко. Школа
попадаетъ въ среду просвѣщенной общества. Работа надъ
собственнымъ образованіемъ. Горячащая дагерротипія.
Вторая поѣздка въ Вильно. Свобода.

Это было въ самомъ концѣ царствованія Александра
Павловича, а, можетъ быть, и въ первые дни
вступленія на престолъ Николая I. Событіе, о которомъ
я хочу напомнить, происходило въ деревнѣ Кириловкѣ
Каневскаго уѣзда. Вѣрнѣе, никакого это не событіе: о немъ
знали только кириловцы. Это не событіе а обрядъ
„мелочь жизни" или скорѣе мелочь смерти. Такъ нарочно,
не надъ ожидаясь. Въ одинъ „поганый" старый, бѣлый корч
въ полотняной сорочкѣ кровавой и черной дамаской
умирающій деревни Кириловки умираетъ старый Шевчен-
ко. Тяжело несетъ свою долю, крѣпостной рабъ, „хлоборъ",
такъ и умеръ онъ не замѣченный ни современниками, ни
потомствомъ, если не косвенно напоминаетъ, тутъ же всѣмъ
повторяющій подлый смертный образъ не стать умышленно-
мъ. Тогда вспомнимъ о грамматическихъ пророческихъ словахъ,
ожиданныхъ отцемъ по адресу необыкновеннаго сына.
Умирая Шевченко оставилъ двухъ крупныхъ сиротъ
и притомъ на рукахъ немолодой мачехи: нужно было
своевременно позаботиться между ними разное добро. И
вотъ когда очередь дошла до сына Тараса, онъ сказалъ:
„сиротѣ Тарасу изъ моего наслѣдства ничего не треба;
вінъ не буде обижать головіющей: зъ его буде або цуть
буде добре, або велике нещасте, дитячее щастя
або съ него ничого не буде тягнуть, або никого не поможе".
Тарасу было тогда всего шесть. И вотъ по прошествіи
этой поры отца видятъ въ немъ что-то необычайное. Его
не видятъ достаточно, чтобы провидѣть великое
дарованіе въ творцѣ и удушить имъ крѣпостничест-
во, нужно было имѣть самому не „обижать" мухъ, ро-
бить „не переходъ", чтобы „буде добре" до „велике нещасте".

1) нечаянно

совершенно естественен въ устахъ человѣка, прекрасно понимавшаго, до чего можетъ дойти всякій даровитый юноша въ положеніи крѣпостнаго. Въ семьѣ Шевченко была еще одна замѣчательная личность: столѣтній дѣдъ, современникъ гайдамачины, лично знавшій главныхъ дѣятелей этой кровавой народной расправы, — и у этого дѣда „слово за словомъ сміялось, лилось", а „столѣтній очи якъ зори сіяли" когда онъ, по просьбѣ Тарасова отца, начиналъ разсказывать про дѣла минувшихъ дней. Слово лилось, сміялось, а собравшіеся въ хату сосѣди нѣмѣли отъ страха и жалости. И мени, малому (говоритъ про себя Тарасъ) не разъ довелось за тытаря плакать и никто не бачивъ, що мала дытына у кутичку плаче". Дѣдъ умеръ въ 40-хъ годахъ 115 лѣтъ; слѣдовательно, Тарасъ успѣлъ взять отъ него все, что только тотъ могъ дать, и онъ въ „Гайдамакахъ" добромъ поминаетъ своего стараго дѣда:

„Спасибо, дидусю, що ты заховавъ
Въ голови столитній ту славу козачу:
Я іи онукамъ теперь разсказавъ."

Объ отцѣ кобзаря мы знаемъ еще, что онъ былъ человѣкъ грамотный, любилъ читать, охотно пересказывалъ жизнь святыхъ и разныхъ подвижниковъ благочестья; для своей среды это былъ довольно начитанный человѣкъ. Но къ сожалѣнію этимъ и ограничиваются всѣ наши свѣдѣнія о двухъ личностяхъ въ которыхъ, повидимому, уже просвѣчивалось великое дарованіе Тараса. Вѣдь и украинскій кобзарь дѣлалъ собственно тоже, что и его дѣдъ: слово у него также „лилось и сміялось", только аудиторія, слушавшая его, была уже неизмѣримо болѣе обширная. Самъ поэтъ не оставилъ воспоминаній о нихъ, а первые собиратели матеріаловъ для біографіи не потрудились тотчасъ же выяснить всѣ тѣ семейныя условія и тѣхъ личностей, которыя окружали поэта съ колыбели. Впослѣдствіи было уже невозможно возстановить то, о чемъ всѣ позабыли. Матери Тарасъ лишился еще раньше, чѣмъ отца; этимъ обстоятельствомъ вѣроятно и объясняется тотъ странный на первый взглядъ фактъ, что о ней самъ поэтъ нигдѣ не вспоминаетъ, даже въ своихъ явно субъективныхъ повѣстяхъ и стихотвореніяхъ, хотя онъ и питалъ, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, большую привязанность къ своимъ роднымъ. Собиратели же матеріаловъ совсѣмъ умалчиваютъ о его матери.

По наблюденіямъ врача Талько-Грынцевича въ родѣ Шевченковъ выдѣляется два особыхъ антропологическихъ типа. Одинъ изъ нихъ представляетъ смуглое лицо, темныя глаза и волосы, небольшой ростъ и крѣпкое тѣлосложеніе; у другаго, напротивъ, тѣло бѣлое, волосы

темнорусые, но глаза ясноголубые, ростъ высокій, тѣлосложеніе болѣе умѣренное." По собраннымъ мною свѣдѣніямъ, продолжаетъ г. Талько-Грынцевичъ, а во многомъ я могъ убѣдиться лично, въ родѣ Шевченковъ явно выступаетъ наслѣдственность съ нервопатическими вліяніями: случаи мозговыхъ болѣзней въ дѣтствѣ, у значительнаго числа членовъ семейства болѣзнь рефракціи, дальнозоркость съ расходящимся косоглазіемъ, значительное расположеніе при плохомъ питаніи хрусталика къ образованію его помутнѣнія въ раннемъ дѣтствѣ." Эти замѣчанія врача относятся собственно къ послѣдующимъ поколѣніямъ, но глазами, напримѣръ, страдала уже одна изъ сестеръ Тараса, а неустойчивость нервной системы наблюдается до извѣстной степени и у самого поэта. Вообще же Шевченко былъ человѣкомъ плотнымъ, средняго роста, крѣпкаго, почти желѣзнаго здоровья.

Родители Шевченка, какъ крѣпостные крестьяне, принадлежали помѣщику Энгельгардту; этимъ положеніемъ опредѣлялась, конечно, и вся будущая судьба ихъ дѣтей. Человѣкъ, рожденный крѣпостнымъ, могъ быть живописцемъ, музыкантомъ, поэтомъ, могъ быть чѣмъ угодно, но тѣмъ не менѣе онъ оставался крѣпостнымъ своего господина и чѣмъ даровитѣе онъ былъ, тѣмъ невыносимѣе становилась его жизнь. Чтобы выбиться изъ такого положенія, нужно было обладать не только недюжинными дарованіями, но и желѣзной силой воли и еще, какъ говорится, родиться въ сорочкѣ, т. е. нужны были особенно благопріятныя обстоятельства. Правда, одинъ изъ родственниковъ поэта и близкій къ нему человѣкъ, Варѳоломей Шевченко, вынутился на волю еще въ молодости, но при этомъ ему пришлось продать все свое имущество дочиста и остаться "вбогимъ" "мовъ той Лазарь"; какъ человѣкъ даровитый, онъ "выбрался" изъ этой второй бѣды, нищеты, и по своему уму и развитію значительно возвышался надъ рядовымъ крестьянствомъ. Григорій же Шевченко, отецъ поэта, оставилъ своимъ дѣтямъ очень жалкое имущество; матеріальныхъ средствъ для выкупа у нихъ не было ровно никакихъ и только у одного Тараса душа горѣла тѣмъ особеннымъ огнемъ, который долженъ былъ или вырваться на волю или натворить великихъ бѣдъ въ неволѣ.

Итакъ положеніе крѣпостнаго — вотъ что, повидимому, судила судьба всѣмъ членамъ семьи Григорья Шевченка. Самое больше, — онъ могъ еще обучить своихъ дѣтей

грамоте и ремеслам; он сам занимался "колодей-
ством" (колесничеством), а дядя был швецом (сапож-
ником), откуда произошла и самая фамилия Шевчен-
ко. Он очень немногим был старше своих дочек, но ему не мешало
будущая жизнь этой семьи обрисовывалась в очень мрач-
ных красках. Но своим юным читателям Тарас смело
в будущее. Мрачным ударом, омрачившим [illegible] жизнь
довольную жизнь незнакомого мирка, была смерть ро-
ной матери. На руках отца остались дочери Ека-
терина, Ирина, Мария и сыновья: Никита, Тарас и
Осип, из которых Тарасу, родившемуся в 1814 г.,
было в ту пору около 9 лет. Поэт родился в
с. Моринцах Звенигородского уезда Киевской губернии,
но рос в с. Кирилловке того же уезда, которую и счи-
тал своей родиной. Что до появления в доме мачехи
и [illegible] маленького Тараса она довольно крепко
этому свидетельствуют воспоминания поэта в поэ-
ме "Княгиня", имеющие несомненно автобиографический
характер. "Взял в каких-то [illegible] красках рисует-
ся картину своего раннего детства..... и вот стоит
передо мною наша чудная старая, [illegible] хата
с почерневшей соломенной крышей и черными дымарями,
а около хаты на [illegible] яблони с красноватыми
яблоками, а вокруг яблони цветник, любимец моей
недавней сестры, моей шестилетней, моей покойной матери,
у ворот стоит старая разлапистая верба с раски-
нутой верхушкой, а за вербой стоит клуня, окружен-
ная снопами гнета, пшеницы и всякого хлеба; а
клуней по косогору идет уже сад, да какой сад!..
И за садом левада, за левадой поляна, а в доли-
не пруд, едва брезжит ручей, уставленный вербами
и камышом и окутанный прохладительными, темно-
зелеными лопухами, а в этих ручьях под нави-
сшими лопухами купается кудрявый мальчуган,
а накупавшись перелезет опять долину и левады, вой-
дет в тенистый сад и ляжет под первой гру-
шею или яблоней и заснет навеянный некото-
рыми снами. Проснувшись он спустится на проти-
воположную гору, посмотрит, посмотрит и спросит сам
сам у себя: а что же там за горою? Там должна
быть огромная сила, что поддерживает небо. А
что если бы пойти да посмотреть, как это они его
там подпирают? Пойду да посмотрю, куда, мол, небо
идет." Сказано и исполнено, только он через до-

1) ~~с боку~~ нарушил стройность [illegible], соответствующую внутренней [illegible]

шину и шляху, прямо на гору. И вот находить она за село, прошла [illegible], прошла с полверсты пыли, на почтовой высокая черная точка; ищет вскарабкалася на нее чтобы с нее посмотреть, далеко ли еще до этих проклятых столбов. Стоит мальчуган на точке и смотрит во все стороны: и по одну сторону села, и по другую сторону села и там, где-то далеко садов вишневых белеет древняя церковь, блестит оцинкованная крыша, и там вдали виднеется церковь и где-то среди садов и вишен блестит красная крыша. Мальчуган задумался. Ведь, думает она, сегодня поздно, не дойду я до этих проклятых столбов, а завтра бить будет с которого. И она, скатившись кубарем с точки, встала на ноги и пошла не оглядываясь в сторону села... На дворе уже смеркалось, когда я (потому что курчавый мальчуган был никто иной, как застенчивая автор сего, хотя и не сентиментальная, но очень не менее печальной развязки) подошел к нашему перелазу, смотрю через перелаз на двор, а там, около хаты, на темной зелени барахтаются [illegible] в пыли наши сидять себе в кружок и вечеряють, только моя старшая сестра и девочка Катерина не вечеряють, а стоять сзади около дверей, подперши голову руки и как будто посматривают на перелаз. Когда я высунул голову из-за перелаза, то она вскрикнула: "Тришка, Тришка!" и подпрыгнув коленки, схватила меня на руки, понесла через двор и посадила в кружок вечеряти, сказавши: "сидай вечеряй, прибудо!" Я вечеряю, сестра повела меня спать и уложивши в постель, перекрестила, поцеловала и, уходячи, погасила мою прибудою"...

Но скоро этому курчавому мальчику пришлось забыть мечты о "прибудах", подергивающих его, и задуматься больше о том, как бы увернуться от обильно посыпавшихся на его розог. Когда появилась в хате с мачехой. Отец Тараса не мог долго оставаться в одной с своей многочисленной семьей, причем самому младшему ребенку было всего только 1½ года, сейчас необходимость заставила его взять в дом хозяйку и приходилось быть особенно разборчивым. Очередная на которую [illegible] Григорий Шевченко, были свои дети, он зажил вошли в его семью, и между сводными братьями и сестрами завязалась тотчас же целая борьба. Не проходило часа без слез и драки между этими двумя, вечно начатая поэтом, и не проходило часу без слез и драки между ними отцом и мачехой." Особенно восставался от поведения Тараса, который, часто тузил его, по выражению Степанко. "Эти раздоры" заронили в его душу неизгладимое чувство озлобления против случайных пришельцев в его родную семью, а также против родной дочери Павлы, неправедно учинявшей расправу по поводу мачехи, а с другой стороны они обидели гонялись детей; на [illegible]

1) лихо на выдумки проказ; 2) мелкая подачки

почву вырвана, например, чрезмерная привязанность Тараса к своей сестре Ирине. Да и вообще со всеми сестрами и братьями, о которых он заботился до конца дней своих. Один отцов кровать раскрыла особенно ясные в детских головках; ее разглядывала эта самая Ирина уже после смерти попа. Как-то раз у солдата, стоявшего у них на квартире, пропало три злотых. Солдаты подняли целую бучу, отняли деньги. Мачеха, недолго думая, указала на Тараса как на виновника пропажи. Принялись за мальчика. Тот божился и клялся в своей невинности, но мачеха одно твердила: "Грай украл Тарасик." Предчувствуя, что не видать ему добра, не кончив Тарасик бросил и спрятался на заброшенном огороде. Он просидел там весь сухой, ужасный день, слушая, как плакала его сестра, как ругалась мачеха, как хлопала дверьми, как искали его повсюду, как звали. Но ни разу не вышел он из своего убежища. Только на другой день, когда все успокоилось, он тихонько пробрался в избу и улегся спать. На третий день отец мачехи отвез Тараса в Тульчин. Но сначала его привели на допрос и на суд, где дознание было ведено уже по всем правилам. Так как виновной не оказалось, то мачеха потребовала, чтобы мальчика записали в "ясыр", дядя Павло. Три дня он был в небольшом переулке мальчика, наконец, поступил не в дворецкие, чтобы прекратить мучения, сказал, что действительно он украл деньги. Тогда его развязали и потребовали, чтобы он указал место, где спрятал деньги. Но Тарасик отвечал на этот вопрос, что не он виноват. Арестанта освободили, но результата не было. Тарасик был очень худой, не здоровый. Претензии солдата удовлетворили, продав его кожу покойной матери. И только впоследствии обнаружилось, что деньги украл сын мачехи Степан и спрятал их в дупле старой вербы.

Отца повидимому не было дома во время этих неприятностей. Едва ли он допустил их. По крайней мере видим, что вскоре после этого печального события он отослал Тараса учиться грамоте к некоему Турскому. Любопытно, что хотя грамота давалась мальчику скоро, но он терпеть не мог учителей и повсюду рад был случаю посмеяться над ними. Живой и шустрый ребенок не выносил неподвижности и однообразного обращения, самовольно бросал учителя и при случае учинял ему какую-нибудь расправу и отправлялся искать себе других. В этих первых шагах по пути грамотности сказалась уже характерная особенность будущего художника, как человека. Он шел своим собственным путем и не умел никаких проторенных дорожек; ему повсюду чувство мало особенная стезя

который приковывает человека ко всему грешному и заставляет содрогаться при одной мысли отступить от его завещанного отцами и дедами образа жизни и мысли, — и словно какой-то инстинкт подсказывал ему, что какова бы ни была неудача и трудность пути, он не должен смущаться и ~~не доверять~~ малодушно взывать ко сна отвлеченности на внешний авторитет. Он чувствовал, присмотрелся внимательно к первым шагам этого крепостного адвоката, и ка убедился, что у него есть своя путеводная звезда, то его взгляд бессознательно устремлялся к ней.

Со смертью отца Тарасу, теперь уже крепкому сорок, пришлось возвратиться домой, и неповинующая мачеха заставила его пасти телят и свиней. Так прошло время до зимы. Зимой же, 26 ноября, взяли с рук задорного мальчика, его снова отдали в школу к дьяконщине ку Григорию. Чуть он выучит с другими учениками подпись правилом, регламентированной акции, с субботами, раздающей почти перед роспуском по домам, всех наук, и правил, и виновных, сложив причитовая четвертую заповедь. Обязанности эти исполнял конечно, т.е. старший в классе. Я никогда не ходил в отпуск по когда сделать быть конечно, то зафра отлично: без меня приносили чуть всю говядину, тобы не только сыт и скоро и обратился на строгание ду точника. Кто приносил меня довольно, тому давалась бо лее одной или двух мелких розг, вместе которых учи вали скороговорки прочитывали обычную заповедь; но кто приносил много или ничего не приносил, надо всем я ск чувствовал и разделывал приговорки: почини... день... субботу... и т.д." В повести "Княгиня" вспоминая об этих обе ка кущих, Шевченко говорит: "Ну, чтобы еще ничего, идеже бы себя кормить: наши хаты были в обыкновение; а то вот где, можно сказать, настоящее мученье: быть, бывало, а самому играть весть, да не кричать и, не горячея, явственно самому читать четвертую заповедь... бывало, когда дойдет до меня очередь, то я уже не прошу о помиловании, а прошу только тебя, чтобы учитель дольше надо мной, вместе меня субботы ради взять, придержать хоть немножко..." В этих трогательных детских воспоминаниях Шевченко рисует нам и свое образование, и учителей. Тарас закончил свое образование, выучив часослов и псалтырь, а священник научил его читать. Тогда он остался при школе в качестве школяра-попыхача. Не редко ему с своим учителем приходилось голодать по нескольку дней кряду, только одни покойники кормили. Если же таковых долго не оказывалось, то они брали "торбу" и "сосуд сидельный" (ложку и другие принадлежности) и шли "как-то грустным казаком и просили" Христа ради "в окна" "богом убранную". "Это стояние под окна" "богом убранную" "

"

получил за имение политиров надъ покойниками поступки въ пользу девочка и тотъ уже отъ щедротъ своихъ удѣлилъ Тарасу пятака на пуговицы. Ходилъ я вмѣстѣ онъ въ "хвостики" постоянно въ стѣженкѣ, бархатъ свитки и въ "вочно грязной рубашкѣ, а о шапкѣ и сапогахъ и помину не было ни летомъ, ни зимой; однажды онъ имѣлъ какой то мудрикъ для прочтенія политиря на прилавкѣ* да и тотъ отъ меня учились а вообще, какъ всѣ собственность." Безконечная порки и мученія мишенія и порки окончились въ концѣ серединѣ сосѣдняго подростка, онъ покончилъ свои отношенія съ дѣдскимъ шкафъ, "какъ всѣмъ осточертѣвшимъ выведенная изъ терпѣнія иногда - молчаніемъ и бѣгствомъ." Найдя его однажды безчувственно-пьянымъ, разочаровавшись" поэтъ въ своей автобіографической замѣткѣ, я употребилъ противъ него собственное его оружіе - розги и полностью квитался отцомъ сынъ, отплатилъ ему за всѣ его жестокости."

Здѣсь же, въ школѣ Бугорскаго, продолжалась у Тараса страсть къ рисованію. Когда ему становилось не въ мочь отъ порокъ, онъ обыкновенно убѣгалъ и по полямъ бѣгалъ скрывался въ садъ, прячется заплаканная бѣдняга а при случаѣ не прочь былъ стащить и пятака у дѣвочки. Изъ бумаги онъ дѣлалъ маленькую книжечку и потомъ ее приклеивался обводилъ ее "крестами и виньетками съ квѣтками" или списывалъ "сковороду." Такъ и на этотъ разъ. Отомстивъ своему мучителю, онъ покупилъ у него книжечку съ картинками[1] и бѣжалъ въ с. Лысянку къ матери радостную. Но черезъ четверо дня онъ снова бѣжитъ уже въ Стеблевъ (Каневскаго уѣзда), а оттуда въ Тарасовку къ дѣдушкѣ, къ "матушку", которой, посмотрѣвши на его новую рубку, признавъ его ни къ чему негодность, ни къ шевству, ни къ гончарству." Этими нападками и скитаніями, вмѣсто своего внѣшкольнаго - онъ перешелъ смотрѣлся и сошелъ съ матушку въ родъ конкурентки - Тарасъ обращалъ вниманіе на себя своихъ односельчанъ. Но похожденія не кончились мирно и онъ вскорѣ былъ водворенъ. Умная была въ виду скромно говорить онъ, скромная угадчица, которой мое воображеніе придавалось, однакожъ, какую то прозрѣвшую прелесть: я хотѣлъ сдѣлаться какъ вы разсказ Гомеръ, тогда есть надъ непогодой." Старшій братъ Никита, "пробовалъ пріучить его къ земледѣльческому труду. Но ни "матюрано" ни "гончарство" не улыбалось будущему" поэту Украйна." но волновали неопредѣленныя еще дѣтскаго ума фантазія и стремленія къ простору природы, къ свободѣ, и онъ просилъ волосъ въ поле и уходилъ рвать и мечтать о шляхетно. Наконецъ, онъ еще разъ рѣшился попытать счастія и отправился въ с. Кантовку славившуюся своими мастерами. На этотъ разъ одинъ мастеръ признанъ въ немъ недурныя

---

1) Простая кора на головки и сапожки.
2) съ картинками

способности и согласился взять его к себе; но Тарасъ былъ крѣпостной; у него не было никакого разрѣшенія отъ помѣщика, нѣтъ и паспорта; поэтому мастеръ, боясь отвѣтственности за укрывательство крѣпостнаго мальчика, отправилъ его къ управляющему имѣніемъ Энгельгардта въ Вильчаку, чтобы онъ добылъ ему нужное разрѣшеніе. Судьба, однако, рѣшила иначе. Вмѣсто разрѣшенія заинтересовался юнымъ художникомъ Тарасомъ тотъ самый панъ, который пріѣхалъ въ Вильчаку и онъ попалъ въ штатъ дворовой челяди, какъ разъ въ это время, направившейся по приказанію молодого помѣщика. Внимательный панъ, обращавшій на себя вниманіе ~~всѣхъ~~ умѣньемъ выражаться изящно и своей вѣжливостью, могъ несомнѣнно какъ нельзя лучше удовлетворять непремѣннымъ потребностямъ барина, обрѣвшаго на широкую ногу. Изъ него можно будетъ выдрессировать добраго раба, — такъ рѣшилъ управляющій. ~~Такъ рѣшили въ то время и не одни только управляющіе.~~ Въ это мгновеніе для Тараса началась новая жизнь. Больше онъ и родился, онъ въ удушливой атмосферѣ крѣпостничества, однако, какъ ребенку ему приходилось страдать больше отъ нищеты и дикой грязности своей среды, чѣмъ ~~отъ крѣпостного права~~ своего господина и своего крѣпостного ~~права~~. Горькое сознаніе полной нищеты онъ удачно замѣнилъ мечтами о лучшемъ будущемъ да ласкою ласковую матери и своихъ учителей птицъ. Мирная, тихая природа Украины нашла въ ребенкѣ, а потомъ навѣки воспоминаніе о тѣхъ временахъ, когда такая же тихая, какъ она, стала вдругъ грозою объятая... Природа, тюрьма и разгулъ о дѣтствомъ прошлись наконецъ какое-то тайное, непонятное и необъяснимое предубѣжденіе, надежда добыть натуру на лучшее будущее — все это смѣшалось горечь настоящаго. Но теперь мертвенное оцѣпеніе крѣпостничества дохнуло ему прямо въ лицо. Природа, тюрьма, свободное скитальчество — теперь для него недоступно. Мастерская — вотъ міръ, въ которомъ онъ долженъ жить; прихоти изнѣженнаго барина — вотъ тотъ ключъ, которымъ будетъ вѣчно открываться двери и которымъ во всѣ стѣны будетъ наглухо заперта дѣтская безпечность. Такъ, тюрьма и порки пройдены; теперь Тарасу предстояло пройти школу ласковой, такой не пренебрегавшей никакими средствами. Нѣкоторые біографы находятъ, что наиболѣе комфортное житье было выпадомъ ~~на~~ для Шевченко, потому что" оно, приставивъ его къ господамъ, доставило ему больше средствъ удовлетворять стремленіямъ и желаніямъ, а впослѣдствіи помогло къ

совершенной перемѣны его жизни. "~~Такъ могутъ думать~~ конечно, лишь тѣ, для которыхъ и свѣту что только въ окнѣ „господъ". Развѣ не господа* - крѣпостники, нарядившіе будущаго поэта въ* лакейское обличіе, держали великую душу въ постыдномъ рабствѣ? Развѣ не они именно хотѣли заставить ее служить своимъ прихотямъ, тогда какъ его прямое назначеніе было работать на пользу великаго общенароднаго дѣла освобожденія отъ рабства? Развѣ не они именно доводили несчастнаго юношу до мысли о самоубійствѣ?.. Оставимъ же это, ~~по истинѣ благодушныя размышленія о благодѣяніяхъ~~".

Положеніе комнатнаго козачка дѣйствительно приблизило Тараса къ господамъ, но такое сближеніе, какъ это всякому хорошо извѣстно, являлось обыкновенно отравой для простаго деревенскаго человѣка и только организмъ, обладавшій далеко недюжинными силами, могъ переработать ее, эту отраву; оно не только не доставило ему больше средствъ заняться чтеніемъ и рисованіемъ* но даже лишило и того досуга, которымъ онъ пользовался раньше. Что же касается „совершенной перемѣны его жизни", то она совершилась вопреки желанію „господъ", нарядившихъ его въ шиковую куртку и шаровары... ~~Вообще на переходъ~~ Шевченко отъ просторныхъ полей съ ихъ могилами и дикаго заросшаго сада къ душнымъ и развратнымъ хоромамъ пана Энгельгардта слѣдуетъ смотрѣть скорѣе, какъ на своего рода испытаніе, какъ на горнило, черезъ которое въ то доброе старое время приходилось проходить всякому дарованію, имѣвшему несчастье появиться ~~среди крѣпостнаго люда~~.

Однако Тарасъ не сразу еще попалъ въ комнатные козачки. Управляющій, набравъ около дюжины мальчиковъ, прежде, чѣмъ отправить ихъ къ помѣщику въ Вильно ~~[illegible]~~ произвелъ испытаніе, дабы выяснить, къ чему каждый изъ нихъ болѣе всего способенъ. Тараса приставили сначала къ повару: онъ чистилъ кастрюли, носилъ на кухню дрова, выносилъ помои и т. д. Это было еще менѣе привлекательное занятіе, чѣмъ „пастырство" или чтеніе псалтиря по покойникамъ. Влеченіе къ рисованію оставалось совершенно неудовлетвореннымъ; а между тѣмъ оно не давало покою юношѣ. На всякій попавшійся къ нему случайно грошъ онъ покупалъ у захожаго корабельника произведенія суздальской кисти, воровалъ картинки и со всѣмъ этимъ добромъ прятался въ какомъ нибудь глухомъ углу сада, гдѣ развѣсивъ свои картины, принимался котировать ихъ, натѣвая пѣсни. Конечно, эти самовольныя отлучки не проходили ему даромъ, и онъ нерѣдко терпѣлъ побои отъ ментора-повара.

Наконецъ, настало время отправлять „~~[illegible]~~

въ Вильну. Отъ вниманія управляющаго не ускользнула страсть Тараса къ рисованію, и онъ отмѣтилъ его „годнымъ на комнатнаго живописца." Но помѣщикъ рѣшилъ иначе: онъ нарядилъ его казачкомъ и посадилъ въ передней, „вмѣняя мнѣ, говорить почти, въ обязанность только молчаніе и неподвижность въ углу передней. Но по врожденной мнѣ продерзости я нарушалъ барскій приказъ, напѣвая чуть слышнымъ голосомъ унылыя гайдамацкія пѣсни и срисовывая украдкой картины суздальской живописи." Баринъ мой былъ человѣкъ дѣятельный; онъ безпрестанно ѣздилъ то въ Кіевъ, то въ Вильну, то въ Петербургъ и таскалъ за собою въ обозѣ меня для сидѣнія въ передней, подаванія трубки и т. п. надобностей." Этотъ періодъ жизни Шевченко до встрѣчи его въ Петербургѣ съ Сошенко менѣе всего извѣстенъ, а между тѣмъ въ это именно время, можно сказать, безповоротно рѣшалась его судьба. Пастухъ, школяръ-попыхачъ, чтецъ по покойникамъ, поваренокъ, комнатный козачекъ, — нѣтъ, все это не то. Онъ долженъ быть маляромъ, живописцемъ, художникомъ. Похитическое дарованіе тогда еще дремало въ немъ. Страсть же къ рисованію совершенно овладѣла имъ. Она ~~(а не господа)~~ то благодѣяніе, которое онъ получилъ изъ рукъ самой природы и которое спасло его. Она вела его къ великой цѣли, расчищала путь другому, болѣе могучему дарованію ~~и господа Энгельгардты и прочіе должны были такъ или иначе ремировать~~. Однажды въ концѣ 1829 года (дѣло происходило въ Вильно или Варшавѣ), Энгельгардтъ съ семействомъ отправился на балъ, а нашъ козачекъ, дождавшись той пары, когда все въ домѣ заснуло, забрался въ пустую комнату, зажегъ свѣчку и, разложивъ свои картины, принялся за рисованіе. Онъ и не замѣчалъ, какъ время пролетѣло. Вдругъ растворяется дверь и оторопѣвшій козачекъ видитъ передъ собой разъяреннаго барина, который бросается на него, „немилосердно рветъ его за уши и даетъ нѣсколько пощечинъ, внушая неосторожному художнику, что сидя съ зажженой свѣчей среди бумагъ, онъ могъ бы сжечь не только домъ, но и весь городъ." На слѣдующій день кучеръ Сидорка выпоролъ его съ достодолжнымъ усердіемъ." Но помѣщикъ, повидимому, убѣдился, что изъ Тараса не выйдетъ путнаго козачка и въ своихъ собственныхъ интересахъ рѣшилъ сдѣлать изъ него комнатнаго живописца. Этотъ моментъ, какъ я говорилъ выше, весьма важенъ въ жизни Шевченка. Такъ или иначе онъ выступалъ на дорогу своего призванія. На каждомъ человѣкѣ лежитъ обязанность опредѣлить себѣ то дѣло, которое онъ станетъ дѣлать, и то мѣсто, которое онъ займетъ среди общества. Человѣкъ фальшивый, неискренній рядится обыкновенно въ чужіе наряды, выдаетъ себя

за то, что она не есть одним словом представить ворону в павлиньих перьях, а цвет шакалье брюхо. Люди, как они есть, если не объективно считать то бо́льшею видят, что считают его за настоящего павлина. Она непременно же человека опозорит и ненавистна прежде всего, всякая такая ложь, все переговаривание всякое сидение рядом с тем не по ней было. Она прямо смотрит в лицо действительности и поступается совсем своему разумению. Если она при этом падучей той искры в голове, которая называется вдохновением, шаманством, чем-нибудь тоже не будет знать какая, пока не выведет на свою дорогу. Сведомая мысль зеркала Шевченка в своем шаманстве в самого низкого взгляда; но она, оборванка, вся с головы до ног, умывается грошем, ворует, [illegible] пачкает свою сирость к рисованию его сокуп и сокупа, а она всякая рисует. По-нашему творческий и предпосылки испытаний она завоевать себе право на такое деликатное занятие, как рисование. Много признанных художников, по моему мнению, в действительности призвания к этому делу; можем ли оправдать она призвание такими испытаниями и горькой ценой на долю украинского поэта? И вообще мысль Шевченка не вышла первоклассной художник. Что же, она разменяла свои силы в пустяках? Нет. Люди выдающиеся в провидении, сами ли, что оно всем [illegible] своими мудрыми путями; крепостной мальчик, поэт не мог вступить в борьбу с окружающей его людской неправдой на почве ткани, его негодующей силы, первое же проявление его сердца и внимания муза вы вылетит с ним и последним. Создать Тарасу Шевченку вовсе не нужно; в нужном случае - поэту пришлось бы отдать и пристать к числу бандитов-гуляйполов, которых по-тут считают еще в Украине под начальством людей подобных Карпенко; сутарся бы нанять помощь в своих родных маленьких неприятностях - но она ему в Шевченко не было ровно никаких задатков. Другое дело - рисование" могло украсить свои комнаты картинами, "воспоминаниями" произведений Шекспира, портретами собственных особ и своих друзей и т. д.; это было им, по крайней мере, можно было до поры до времени не отправлять на почву. Нужно было только показать пану, что из его "дитя" ничего, кроме художника, не выйдет - и сам этот пан не сознать уже был в своем разуме, он сдавался принимать в расчет собственные интересы и давать возможность своему "дитя" сделаться крепостным художником. Так случилось и с Шевченка: он подарил одну вещь, [illegible] на-

дорогу своего призвания. Но другой врач, не менее старый, в отряде крепостнического, загораживает ему дорогу к свободному развитию, свободному вдохновению, свободной фантазии.

Шевченко было 16 лет, когда его отдали в науку к какому-то комнатному живописцу, по указанию одних биографов в Вильно, а по указанию других в Варшаву. Здесь он научился растирать краски, грунтовать холсты и т. п. На деньги, вырученные за проданных учителем, которые скоро убедились, что его ученик превосходит находящихся при господах крепостных и что ему надлежит быть не простым мастером. Они благословили свое детище Академию и поручили его попечению к художественному Варшавскому покровителю Лампи. Какими мотивами руководились Академия, мы не знаем, но в тот же время они, несомненно, уже сами понимали, что его дивный талант в глазах Тараса Шевченко будет расти настолько ясно и отчетливо на почве данного ученья. Тарасу придется, и он станет искать мастерскую и работать под руководством настоящего художника. Около двух лет прошло в таких занятиях, что собственно высшее Шевченко, мы не умеем определить, мы не знаем. Но в это время произошло одно важное для его внутренней жизни событие: он полюбил в первый раз. Она была панна, имя ее, с неизвестными окружающими нас, а они — "хлопак", "хлоп" в отрепьях, но гордый и уже еще не сознанной духовной к свободе. В то время Варшава как раз готовилась к возвышению и на новом поприще представляет, что она волнующаяся девушка, покрывающаяся румянцем. Эта любовь разбудила в нем, сильную Шевченко весь трепет его безграничной поэзии. Хотя уже и в детстве он с завистью прислушивался к разговорам о гайдамаках, боровшихся за свою свободу и напевал их вольные песни; однако, занятый и запуганный он едва ли [illegible], едва ли, несмотря на это внимание. Конечно, он был еще слишком молод. Новая увлекла его всего, она заставила его серьезно взглянуть на собственное положение, и, как истинная [illegible] и правдивая она не могла не отразиться в душе его. Вот, она такая же молодая, как и все "наши панны", а между ними он не находит [illegible]. Первая любовь, вдохновенная ею, пробуждается в душе всеми самыми лучшими порывами и стремлениями на новое поприще, она будет сопровождать [illegible]. Она первая приобщила его к "общим вопросам" всей нашей [illegible]. Мы говорим о действительной любви, а не о платонической [illegible], которой горит обыкновенно немецкий [illegible]

менемъ. Для многихъ и юношеская любовь бываетъ только взрывомъ проснувшихся животныхъ страстей; о такихъ можно смѣло сказать, что они и въ жизни своей не пойдутъ дальше животныхъ страстей, въ лучшемъ случаѣ утонченныхъ культурой и образованіемъ. И вотъ любовь открыла Шевченко, что не только онъ самъ, какъ рабочая сила, принадлежитъ своему помѣщику, но что и его „святая святыхъ" находится также въ полномъ распоряженіи этого послѣдняго. „Я въ первый разъ пришелъ тогда къ мысли, вспоминаетъ поэтъ, отчего и намъ крѣпанамъ не быть такими же людьми, какъ другія свободныя сословія." Къ сожалѣнію, мы располагаемъ очень скудными свѣдѣніями объ этой первой любви поэта. Полька была, повидимому, образованнѣе своего возлюбленнаго уже одно то, что она была свободнымъ человѣкомъ, давало ей преимущество. Она научила Тараса польскому языку и тотъ, по крайней мѣрѣ, впослѣдствіи свободно читалъ въ подлинникѣ Мицкевича и эстетику Либельта. У насъ нѣтъ ровно никакихъ основаній думать, что Шевченко отказывался при этомъ отъ чего бы то ни было въ пользу шляхетской національности, какъ то утверждаетъ г. Петровъ. Это — поклепъ. Мы вѣроятно будемъ недалеки отъ истины, если скажемъ, что Шевченко дѣйствительно отрекся, но отъ чего? Отъ рабства въ пользу свободы. И невозможность осуществить это отрѣченіе немедленно на дѣлѣ доводила юношу до мысли о самоубійствѣ. Этимъ, повидимому, и исчерпываются всѣ глубокія послѣдствія первой любви нашего поэта.

Въ 1832 году мы находимъ Шевченко уже въ Петербургѣ, куда его препроводили вмѣстѣ съ другой прислугой Энгельгардта этапнымъ порядкомъ. Дорогой у него отвалилась подошва на одномъ сапогѣ, и онъ долженъ былъ, чтобы не отморозить ноги, переобувать цѣлый сапогъ съ одной ноги на другую. Въ Петербургѣ Энгельгардтъ отдалъ его на выучку животныхъ дѣлъ мастеру Ширяеву, который соединялъ въ себѣ всѣ качества дьячка спартанца, дьячкова маляра и другаго дьяка-хиромантика; но, несмотря на весь гнетъ тройственнаго его генія, я, говоритъ поэтъ въ своей автобіографіи, въ свѣтлыя осеннія ночи бѣгалъ въ лѣтній садъ рисовать со статуй. Какъ раньше, настойчивое копированіе рисунковъ, не смотря на всѣ запреты и побои, вывело мальчика на дорогу его призванія, такъ и теперь тоже упорное стучаніе въ дверь искусства привело юношу къ столь желанной свободѣ, безъ которой немыслимо было дальнѣйшее развитіе его дарованія.

У Шевченко не было, конечно, никакихъ знакомыхъ въ Петербургѣ, кромѣ дворовой челяди да такихъ же злополучныхъ учениковъ и наемныхъ рабочихъ ма-

пера Ширяева. На его поощрение украдкой клал
сюда свою скромную работу Шевченко. Она вскоре,
художником, Сошенко. Эта вторая, имевшая
большая последствия для Шевченко, передала
биографам в разных вариантах. Вероятнее всего,
что дело происходило именно таким образом,
как вскользь упоминается Шевченко в своей автобио-
графии и гораздо подробно рассказывается в автобио-
графической повести "Художник", где даже имя, при-
нимавшее участие в его освобождении, названо сов-
ершенно иным именем. Однажды, ранним утром, когда
Петербург еще спит, а Шевченко по своему обык-
новению отправился тайком в Летний сад срисо-
вать статую, на него случайно наткнулся Сошенко.
Юноша сконфузился, увидав перед собою незнакомого
человека и поспешно спрятал за пазуху рисунок.
Сверху книги прощупать было приблизительно разо-
брать. — Что ты здесь делаешь? спросил его Сошенко. — Ни-
чего не думая, ответил растерянно юноша, идя
на работу, да по дороге в сад решил — и немного
помолчав, прибавил: Я рисовать. — Покажи, что ты
рисовал. Долго вынул юноша из-за пазухи тетрадку с сер-
ыми листами бумаги и робко подал художнику; на тетрад-
ных листках довольно верно контуры Самсона. Эти-
го Сошенко держал рисунок в руках и внимательно
изучал манеру автора, в неправильном лице его было
что-то привлекательное, особенно в глазах умных и вдум-
чивых, как у девочки. — Ты часто ходишь сюда рисовать?
спросил, наконец, он. — Каждое воскресенье, ответил
юноша; а сам тихо где-то радовался, что в будничную
форму — Ты учишься академическому мастерству? — И ответ-
ному прибавил тоже. — Забрав он поспешно в
одну руку ведро с грязной краской, а в другую треногую
с обтертую кисть и собрался идти. Сошенко приго-
сил его к себе. В первое же воскресенье робкий юноша
воспользовался этим приглашением. Вскоре один
уже первый шаг был сделан и Шевченко пошел в
то течение русской общественной жизни, которое одно
только могло по условиям того времени вывести его
простор свободы и привести к берегу передовых людей
эпохи. Всего этого он достиг почти таким же путем,
как его предшественники и современники, настойчиво,
упорно борясь с нищетой и обстоятельствами. И он
победил, правда, тогда, когда силы его были уже не полны

да. Онъ доказалъ, что въ немъ дѣйствительно таится дарованіе. Дальнѣйшій исходъ борьбы зависѣлъ теперь уже не отъ него одного, а и отъ тѣхъ людей, которые признали въ немъ „даръ Божій". Какъ отнесутся къ нему эти люди и что сдѣлаютъ они, чтобы загорѣвшаяся искра не потухла въ безпросвѣтномъ мракѣ нужды, ~~крѣпостничества~~ и равнодушія?

Сошенко, познакомившись ближе съ жизнью юноши, былъ тронутъ до глубины души: все пережитое имъ, было такъ непривлекательно, а будущее выстатривало еще сумрачнѣе. Нужно спасти человѣка отъ неминуемой гибели; но какъ сдѣлать это и что можетъ сдѣлать онъ, Сошенко, заурядный художникъ? Однако этому именно, невидному, обыденному, сѣренькому человѣку мы обязаны тѣмъ, что драгоцѣнный украинскій самородокъ не погибъ ~~въ кучѣ навоза~~. Сошенко обласкалъ его, какъ сына; онъ водилъ его по картиннымъ галлереямъ, снабжалъ необходимыми рисовальными принадлежностями, книгами, слѣдилъ за его успѣхами и наставлялъ. Наконецъ, онъ познакомилъ его съ ~~маро~~ малороссійскимъ писателемъ Гребенкою, принявшимъ также теплое участіе въ положеніи многообѣщавшаго юноши, немало содѣйствовавшемъ, повидимому, расширенію его литературнаго горизонта, и съ конференцъ-секретаремъ академіи художествъ Григоровичемъ, котораго убѣдительно просилъ помочь ему освободить юношу отъ невыносимаго гнета маляра Ширяева, съ знаменитымъ художникомъ Брюловымъ; а черезъ этихъ лицъ Шевченко сталъ скоро извѣстенъ придворному живописцу Венеціанову и Жуковскому. Послѣдній, желая ближе ознакомиться съ дарованіемъ самоучки маляра, попросилъ его однажды написать сочиненіе на тему: жизнь художника. До насъ не дошло это юношеское произведеніе Шевченко, и мы не знаемъ, какъ отнесся Жуковскій къ нему; извѣстно только, что вскорѣ послѣ этого онъ сталъ усиленно хлопотать о выкупѣ поэта.

Итакъ, наша образованная среда 30-хъ годовъ встрѣтила, какъ видимъ, радушно и участливо великое дарованіе, найденное случайно среди закабаленныхъ Ширяеву, учениковъ-маляровъ. Какъ же воспользовался этотъ „найденышъ" улыбнувшейся, наконецъ, ему судьбою? Онъ не измѣнилъ себѣ, но еще съ большей энергіей принялся за свое самообразованіе. Все свободное время ~~онъ~~ Шевченко проводилъ или за рисованіемъ, или за чтеніемъ, или, наконецъ, въ кругу людей, отъ которыхъ могъ почерпнуть для себя что либо въ образовательномъ смыслѣ. Но много ли бываетъ свободнаго времени у наемнаго чернорабочаго? Оставалось одно: урывать часъ досуга отъ сна. Пробывъ цѣлый день на работѣ, взятой хозяиномъ съ подряда и состоявшей въ покраскѣ оконныхъ рамъ, дверей, а иногда и заборовъ, — ночью, возвращаясь

на черняк. Жарясь поспешно читать, читать все, что ни попадется ему под руку. Он успевал следовательно, делать сразу два дела: работать на хозяина и учиться, причем успехи его во последнем отношении удивляли бедного Жарья и покровителя Сошенко. Как-то раз ему вздумалось однако разлениться от столь усидчивого труда, и он тайком не спросив позволения у хозяина, убрался с работы на Пестрогорское гуляние. Но невиданное зрелище, о коем он разсказывал ему чудеса, не произвело на него ожидаемого впечатления, и он, возвратившись в полк своего хозяина, поторопился вооружиться палкой. Но мысль того, как развертывалась молодая сила под ударами бичующих и провоцирующих окриков и перед Жарясом на возе и запачканные отрисовывался образ свободного человека и художника, поборение его, как подневольного ученика Жарясева и какого "хрохлака", вообще, становились все невыносимее и невыносимее. Сам, молодой, испытывший вовсе не творческого бытия хрохлацкого права, трудно даже представить себе, каким образом молодой человек, одаренный громадным талантом, вращающийся в лучшем обществе, вместе с тем продолжал оставаться хрохлацким подневольным помощником. Это значило что он из рабочего кабинета художника Брюллова или из дома придворного фрейлины Жуковского мог попасть по самому ничтожному капризу своего властелина прямо на конюшню под розги экзекутора из своей же братии. А между тем именно чуть чуть не случилось с Шевченко. Законтрактованный Жарясевым, он порвал вообще всякия отношения с дворней своего помещика, но когда Сошенко рисовал портреты с дам, смотрителя помещичьего дома и иногда время проводил в квартире последнего по Шевченко продолжал навещать своего друга и здесь. Сошенко, что он сталкивался при этом с дворовыми людьми, и ~~хорошо~~ что он говорил с ними об их общем дворовом положении и говорил в большом духе". Это удивило ему, заявляя о своих человеческих правах. Все это дошло конечно до смотрителя и привело его в бешенство. Кучеру был отдан приказ приготовить на конюшне все необходимое для экзекуции и схватить смутителя, проповедника человеческих прав, как только он покажется во дворе. И едва только вошел Шевченко, на него накинулись и потащили на расправу. Не успей во время на выручку Сошенко, ему пришлось бы перенести одну из самых тяжких минут, как как в ту пору в нем уже вполне пробудилось сознание собственного человеческого достоинства. Сошенко сначала сам умолчал освободить его друга от столь унизительного наказания, а когда со слезами негодования,

обратился къ посредничеству молоденькой жены смотрителя; та успокоила расходившіяся страсти супруга и Шевченко получилъ на этотъ разъ помилованіе, но съ тѣмъ, чтобы онъ не велъ бесѣдъ и не видѣлся съ дворовыми людьми. Не трудно понять, въ какомъ страшномъ, раздирающемъ душу противорѣчіи находились подобныя дикія выходки, одна ихъ возможность, съ мечтами Шевченко о свободѣ и совсѣмъ тѣмъ, что онъ видѣлъ и встрѣчалъ въ лучшемъ обществѣ. И его молодая душа была потрясена до глубины. Счастье еще, что положеніе его у Ширяева въ качествѣ ученика, спасало его отъ частаго повторенія подобныхъ сценъ и даже нѣсколько отдаляло отъ крѣпостнической атмосферы вообще. И еще большее счастье, что онъ имѣлъ возможность, хотя урывками, совершенствоваться въ рисованіи. По совѣту Сошенко, онъ сталъ рисовать портреты съ натуры акварелью; его работу случайно увидѣлъ Энгельгардтъ, остался ею очень доволенъ и заставилъ рисовать портреты съ своихъ любовницъ, за что иногда награждалъ своего неудавшагося козачка цѣлымъ рублемъ. Но высшей утѣхой для Шевченко была посѣтившая его въ это время муза. Вотъ что онъ пишетъ самъ по этому поводу: „Украинская строгая муза долго гуждалась моего вкуса, извращеннаго жизнью въ школѣ, въ помѣщичьей передней, на постоялыхъ дворахъ и городскихъ квартирахъ. Но когда предчувствіе свободы возвратило моимъ чувствамъ чистоту первыхъ лѣтъ дѣтства, проведенныхъ подъ убогой батьковской стрѣхой, она, спасибо ей, обняла и приласкала меня на чужой сторонѣ." Первые литературные опыты были написаны Шевченко въ томъ же лѣтнемъ саду.

Такимъ образомъ образованные и изманные люди просвѣщали талантливаго самоучку, поддерживали его словами, а при случаѣ и деньгами и подавали надежды на лучшее будущее; а самоучка, не жалѣя силъ, работалъ надъ собою. Онъ, казалось, говорилъ: „я, какъ видите, оправдалъ себя; я, крѣпостной маляръ, доказалъ вамъ, что достоинъ лучшей участи; теперь дѣло за вами: ~~вы теперь должны, и вы~~ вы можете снять съ меня позорныя цѣпи рабства и открыть доступъ къ свободному развитію таланта; если вы не сдѣлаете этого, то на вашей совѣсти останется тяжелый грѣхъ: вы дали потухнуть, неразгорѣвшись, искрѣ, вспыхнувшей въ самомъ сердцѣ народа." Въ дѣтствѣ онъ одинъ, не сознавая того, вступилъ въ бой съ крѣпостнымъ ~~правомъ и неуклонно~~ слѣдовалъ своему влеченію. Теперь

ему помогали „хорошіе люди." Неужели онъ не побѣдитъ? Прошло однако 6 мучительныхъ и томительныхъ лѣтъ, прежде чѣмъ эти хорошіе люди сдѣлали рѣшительный шагъ. Хотя Энгельгардтъ, убѣдившись въ необычайныхъ дарованіяхъ своего крѣпостнаго, и самъ не прочь былъ бы помѣстить его въ академію художествъ, чтобы всегда имѣть подъ рукой хорошаго домашняго художника, но въ то время доступъ крѣпостнымъ людямъ въ академію былъ уже закрытъ. Причиною тому была несчастная судьба многихъ крѣпостныхъ художниковъ, которые, получивъ образованіе въ академіи и возвратясь къ своимъ помѣщикамъ не переносили ихъ обращенія съ ними, оканчивая жизнь самоубійствомъ: рѣзались, вѣшались, топились." Отпустить же Шевченко на волю было не въ интересахъ помѣщика. Юноша переживалъ снова тяжелыя минуты, какъ въ Варшавѣ подъ вліяніемъ первой любви; но на этотъ разъ гнѣвъ его обращался уже на помѣщика и онъ, уходя отъ Сошенко домой на свой грязный чердакъ, грозилъ страшной мѣстью своему поработителю. Одинъ случай, вызывающій у насъ теперь смѣхъ, но едва было не погубившій спортиваго художника, ускорилъ, повидимому, развязку. Какой то генералъ заказалъ Шевченко свой портретъ за 50 руб.[1], но работа ему не понравилась, и онъ не принялъ ее. Раздосадованный художникъ, чтобы наказать скупаго генерала, продалъ портретъ, намалювавъ на немъ намыленную бороду, цирюльнику для вывѣски, у котораго тотъ генералъ имѣлъ обыкновеніе стричься и бриться. Видѣвъ свой портретъ на такомъ необычайномъ мѣстѣ, генералъ пришелъ въ бѣшенство, тотчасъ его купилъ и, въ порывѣ гнѣва, обратился къ Энгельгардту съ просьбой продать ему крѣпостнаго художника. Злоба сдѣлала его щедрымъ, и онъ предлагалъ Энгельгардту хорошія деньги. Тотъ готовъ былъ уже согласиться, какъ Шевченко, узнавши, какая опасность угрожаетъ ему, бросился къ Брюлову и умолялъ спасти его. Брюловъ въ это время рисовалъ портретъ Жуковскаго, который уже ранѣе предположено было разыграть въ лотерею и на вырученныя деньги выкупить Шевченко. Онъ поторопился окончить работу. Въ лотереи приняли участіе лица императорской фамиліи (что, вѣроятно осадило нѣсколько и злобнаго генерала, и жестокаго помѣщика). Такимъ образомъ, собрано были 10.000 руб. ассигн. сумма предложенная Энгельгардту генераломъ; но по словамъ самого Шевченко, онъ былъ выкуп-

[1] Впрочемъ, самъ Шевченко по словамъ Костомарова, отрицалъ этотъ анекдотическій разсказъ.

20

ленъ всего за 2.500 руб. ассигн.

День 22 апрѣля 1838 года долженъ быть памятенъ всѣмъ почитателямъ народнаго южнорусскаго поэта: это былъ день его освобожденія отъ крѣпостной зависимости, т. е., такъ сказать, вторичнаго рожденія на свѣтъ Божій. Въ теченіи ~~почти~~ почти всѣхъ прожитыхъ 24-хъ лѣтъ, за исключеніемъ первыхъ годовъ дѣтства, его преслѣдовала безобразная нищета и лишенія, ~~дикое~~ насиліе и произволъ мачехи, родныхъ, учителей, помѣщика и, наконецъ, страшное отчаяніе, что придется безслѣдно погибнуть въ неравной борьбѣ, погибнуть даже отъ собственной руки, такъ какъ временами не хватало силы выносить участь ~~безотвѣтнаго раба~~. Но суровыя испытанія кончились; они не загубили дарованія; Шевченко вынесъ изъ нихъ незамѣнимый личный опытъ, какимъ едва ли обладалъ кто либо изъ его современниковъ, выступавшихъ на защиту закрѣпощеннаго народа, и раздавшаяся скоро изъ его устъ пѣсня была всецѣло — этотъ выстраданный опытъ.

Глава II.

На свободѣ: поэтъ и художникъ. (1838-1847 г.)

Въ Академіи Художествъ. Нужда и свѣтское общество. Украинская муза. Первыя произведенія: "Кобзарь" и "Гайдамаки". - Отношеніе критики и общества. Званіе свободнаго художника. - На родину. Восторженная встрѣча. Тѣсная семья: "Мочегарды" и крѣпостники. Сѣрыя будни: княгиня Репнина, Ковалевскій, Куторга, Семенадзе. Поѣздка въ Кириловку. - Стихотвореніе: "Доля". Мертвецы и призраки и пр. Земляки. "Сватанье на Гончаровке". Живопись въ Кіевѣ. - Проектированная поѣздка заграницу. - Кирилло-Меѳодіевское братство. —

"Свобода, свобода," кричалъ Шевченко, врываясь въ комнату своего пріятеля и бросаясь къ нему на шею. Свобода отъ цѣпей крѣпостничества, свобода отъ жестокаго издѣвательства надъ тѣломъ и душею, свобода послѣ своего рода 24 лѣтняго заключенія, свобода человѣка въ первый разъ въ своей жизни вздохнувшаго полной грудью... Какъ передать глубину чувствъ, испытанныхъ поэтомъ! Вспомните Лермонтовскаго Мцыри... "Изгнанникъ

Безъ этихъ трехъ благословенныхъ дней
Была бъ печальной и мрачной
Безсильной старости твоей...."

А что была бы жизнь Шевченко безъ этой свободы? По всей вѣроятности онъ такъ же не вынесъ бы неволи и погибъ, не испытавъ даже "трехъ благословенныхъ дней"! Теперь же передъ нимъ открывалась цѣлая жизнь, въ которой онъ могъ дѣйствовать, какъ свободный человѣкъ. ~~Полюбить его теперь что-свобода того времени была жестокой породой; но для крѣпостного человѣка она, естественно, казалась недосягаемой.~~ И такъ, борьба кончилась, цѣль достигнута, настало время плодотворной работы. На первомъ планѣ стояла всѣ еще живопись: она вывела на дорогу свободы, ей и надлежало быть отдать свои силы Шевченко. Онъ поступилъ въ академію художествъ, усердно посѣщалъ классы и въ особенности студію Брюлова, который скоро полюбилъ и приблизилъ къ себѣ своего высокодаровитаго ученика. Занятія шли успѣшно, но матеріальное положеніе Шевченко было не изъ завидныхъ. По видимому, онъ получалъ какую-то стипендію, во всякомъ случаѣ - незначительную: кое-что зарабатывалъ на портретахъ и рисункахъ. Но всего этого было, конечно, недостаточно и ему приходилось нерѣдко голодать вмѣстѣ съ другими товарищами, такими же бѣдняками, какъ и онъ самъ, что видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго курьезнаго эпизода. Получивъ "вольную", Шевченко поселился на первыхъ порахъ у своего пріятеля Сошенко, но прожилъ съ нимъ только четыре мѣсяца; разница въ характерахъ, возрастѣ, образѣ жизни, наконецъ въ стремленіяхъ скоро разсорила другъ Сошенко, какъ вообще посредственность, держался обѣими руками за свое ремесло-художества и не могъ простить Тарасу, что тотъ вмѣсто "настоящаго" дѣла, сталъ всѣ болѣе и болѣе увлекаться своими "никчемными виршами." Полный же разрывъ, завершившійся изгнаніемъ Шевченко, вызвала племянница квартирной хозяйки, которую любилъ Сошенко и которую отбилъ у него юный поэтъ. Изгнанный съ позоромъ Шевченко поселился сначала одинъ, но скоро тяжело заболѣлъ и его пріютилъ у себя товарищъ по академіи Пономаревъ, занимавшій казенную квартиру въ академическомъ зданіи. Рядомъ съ нимъ помѣщался другой молодой художникъ Петровскій и всѣ трое, ученики одного учителя, "Великаго Карла" (Брюлова) жили между собою дружно, какъ братья.

Однажды, рассказывает Пономарев в своих воспоминаниях, мы все трое пустили на пустяки наших арендаторов, так как сидели буквально без куска хлеба, не имея ни гроша наличных и ни на копейку кредиту. Петровский предложил нам пойти с ним обедать к его матери на Пески, но мы дружно были отказаться от такого радушно-приглашения, боясь опоздать к вечернему классанс. Оставшись с Тарасом в мастерской Петровского, мы с горя начали петь малороссийские песни. От матери Петровский возвратился с пятью уже с рублем серебра в кармане. Проголодавшемуся Тарасу пришла в голову злая мысль: минуя меня запереть двери и держать Петровского за руки, он моментально вынул у него из кармана завязанный узловый и мы бегом пустились прямо в трактир Рыкунова. Так как злосчастный рубль был принесен Петровским совсем не для биштекса, а для приобретения птицы (которая нужна была для скопирования крыльев), то нужно было во что бы то ни стало добыть ее. Шевченко озарила счастливая мысль: у полицмейстера академии Соколова на заднем дворе жила небольшой табунок гусей, и мы с Шевченком отправились на охоту. Накрыв одного гуся шинелью и зарезав ему клюв, мы потащили его в мастерскую Петровского. Крылья ангелу были срочно написаны, а гуся солдат-истопник зажарил для нас в самоварной трубе. Шевченко скоро разбогател так, что по уплате Соколову за гуся рубля, у него осталось еще столько же. "Вот, — прибавляет Пономарев, очень гордился нашей продукцией из любви к искусству!" [Что же тут стыдного, скажут, пожалуй, люди ставящие благопристойность превыше всего: в такой короткий промежуток времени три предосудительных дела: грязный роман, грабеж, воровство. А раньше мы слышали о взяточничестве и воровстве пятаков.... Да не смущайтесь души вашей (о, если бы они были так же чисты, как чиста была душа юноши-поэта!) Отвыкнем мы этим строгим блюстителям внешней добропорядочности. Хорошо, это недостатки, назовите их даже пороками, но разве вы не видите, что они не имеют ровно ничего общего с великим дарованием поэта, и свидетельствуют лишь о той эротической школе, какую пришлось пройти ему не по своей воле. Кто же уловил в нем эту тяжкую? Кто поддерживает крепостное право не только грубым, прямым образом, но и тонко-лживым, косвенным, пользуясь трудом своих крепостных? Кто поддерживает и ныне всякого рода социальное неравенство, заставляя истинное дарование идти низкими словами проходить тернистый и нелегкий торный путь страданий?] Восторги свободы сменились не только голодовками но, что еще хуже, „артистическими кутежами" и „артистическими развлечениями", а по простому сказать пьянством

с Крымской выставки

бумаги. Однажды кто-М—ъ подшил в тому ключек
исписанной бумаги; это оказались стихи изъ „Тарасовой
ночи." Слово за слово выяснилось, что у Шевченко цѣлый
ящикъ такихъ стиховъ. М—ъ попросилъ просмотрѣть ихъ,
и, приведя въ порядокъ вмѣстѣ съ Гребенкой, рѣшили
напечатать. Знаете что, Тарасъ Григорьевичъ, сказалъ
онъ ему при свиданіи, я прочиталъ всѣ стихи,
очень очень хороши! Хотите напечатаю? — Ой, нѣтъ
отвѣчалъ тотъ, не хочу, не хочу, право все не хочу! Что бъ
еще побили! Ну, ихъ! — Много труда, говоритъ М—ъ,
стоило мнѣ уговорить Шевченко. Наконецъ онъ согласился
и я въ 1840 г. напечаталъ „Кобзаря." Сюда вошли кромѣ думъ:
„Найтичка" „Причина" „Утопленка" „Перебендя" „Тополя".
До Основьяненка (?), „Иванъ Пидкова" „Тарасова ночь"
Катерина". Появленіе „Кобзаря" встрѣчено было въ Малороссіи
съ восторгомъ, но критика столичныхъ журналовъ,
въ толѣ чаще даже Бѣлинскій, отнеслись какъ къ этому
сборнику стихотвореній, такъ и къ появившейся вскорѣ
за тѣмъ въ 1842 г. цѣльной поэмѣ „Гайдамаки", неодоб-
рительно; Бѣлинскій, по обыкновенію своему, произнесъ очень
рѣзкій приговоръ: „Хороша та литература, восклицаетъ
онъ, которая только и умѣетъ, что простонародностью
крестьянскаго языка и дурнаковъ-крестьянскаго ума!"
Но дѣтскій суровый приговоръ былъ смягченъ: тѣмъ
авторъ призналъ, и ему совѣтовали только писать
на общелитературномъ языкѣ и выбирать сюжеты
болѣе возвышенные. Въ самомъ-дѣлѣ, нѣтъ сомнѣнія,
чистый народный языкъ и при столь мощной и чисто народной
содержаніе поэзіи порою стѣсняетъ приверженныхъ
критикѣ, и нѣкоторые изъ нихъ, не-самые чуткіе,
позволили себѣ сдѣлать автору уроки слишкомъ грубыя
наставленія. Шевченко не задумался имъ отвѣтить;
такъ въ „Гайдамакахъ" читаемъ:

„Коли хочешъ грошей,
Та щей славы, тогда дуйва,
Спивай про „Матрешу",
Про „Парашу-радость нашу",
Сультанъ, поркетъ, шторы, —
Отъ-де слава!....
. . . . . .
Спасибі за раду!
Теплий кожухъ, тильно кода,
Не на мене шитий;
А розумне ваше слово
Брехнею підбите.
Вибачайте! Кумитись собі —
Я слухать не буду,
Та й до себе не пущу.

урроки

атмосферѣ, среди родной природы и родного народа; одна за другой встаютъ въ его воображеніи картины изъ славнаго прошлаго и мучительнаго настоящаго. Но пусть поэтъ говоритъ самъ за себя: „Передъ его (Брюлова) дивными произведеніями, говоритъ Шевченко, я задумывался и лелѣялъ въ сердцѣ своемъ слѣпца-кобзаря и своихъ кровожадныхъ гайдамаковъ. Въ тѣни его изящно-роскошной мастерской, какъ въ знойной дикой степи наддніпровской, передо мною мелькали мученическія тѣни нашихъ бѣдныхъ гетмановъ. Передо мною растилалась степь, усѣянная курганами, передо мною красовалась моя прекрасная, бѣдная Украина во всей непорочной, меланхолической красотѣ своей.... И я задумывался, я не могъ отвести своихъ духовныхъ очей отъ этой родной, чарующей прелести"... Однимъ словомъ, какъ позже, въ Киргизскихъ степяхъ, такъ и теперь въ Петербургской свѣтской пустынѣ у Шевченко была одна святыня, которой онъ и поклонялся, это его Украина; думами о ней онъ собственно жилъ серьозно и любовь къ ней вызвала наружу его лучшія душевныя силы, его, поистинѣ, удивительное поэтическое дарованіе. Мы не знаемъ порядка и времени, въ какомъ появлялись его первыя произведенія; повидимому, Шевченко въ началѣ не разсчитывалъ даже, чтобы они могли быть напечатаны. Да это и не особенно важно для насъ; талантъ не развивается по часамъ и днямъ и для того, чтобы судить о его постепенномъ развитіи, намъ достаточно знать, къ какому изъ періодовъ жизни относится то или другое произведеніе поэта. Что же касается до связи каждаго даннаго произведенія съ жизнью поэта, то въ нашемъ случаѣ и это не имѣетъ серьознаго значенія, такъ какъ почти всё содержаніе поэзіи Шевченко лежитъ внѣ той сферы жизни, въ которой ему пришлось вращаться въ зрѣломъ возрастѣ, и здѣсь точныя даты можно свободно замѣнить періодами. По этимъ же соображеніямъ мы предпочли выдѣлить и представить въ отдѣльной главѣ краткій отчетъ о поэзіи Шевченко, и въ разсказѣ о его жизни ограничиться лишь нѣкоторыми необходимыми указаніями. Первыя поэтическія произведенія Шевченко относятся къ 1838 г.; изъ наиболѣе раннихъ онъ самъ называетъ „Причинну", написанную еще въ лѣтнемъ саду въ предчувствіи свободы. Произведенія эти читались обыкновенно Гребенкою, приходившимъ въ восторгъ отъ нихъ; онъ же и напечаталъ нѣкоторыя изъ нихъ въ своемъ сборникѣ. Шевченко писалъ безпорядочно на клочкахъ

Вы розумни люде,
А я дурень....."

„Москали зовуть мене, пишетъ Шевченко видномъ письми энтузіастомъ, сиречь дурнемъ... Нехай я буду мужицкій поэтъ, аби тілько поэтъ, то мині бильше нічого и не треба... Ви, спасибе вамъ, бо йтеся мині росказувать про людей. Цуръ імъ! Покоштувавъ уже я цёго меду, щобъ винъ скисъ!" За то Украина и вообще малороссы сразу угадали въ авторѣ „Кобзаря" своего народнаго поэта. „Въ то время, говоритъ А. Чужбинскій въ своихъ „Воспоминаніяхъ", кромѣ „Энеиды" Котляревскаго, которой дѣвицамъ читать не давали, на украинскомъ языкѣ были уже: повѣсти Квитки, Полтова, „Приказки" Гребенки, имѣлись вездѣ рукописныя сочиненія Гулака-Артамовскаго; но все это читалось какъ то вяло высшимъ кругомъ. Появленіе „Кобзаря" мигомъ разбудило апатію, вызвало любовь къ родному слову, ~~изгнанному изъ употребленія не только въ обществѣ высшаго сословія, но и въ разговорѣ съ крестьянами, которые старались, и конечно, смѣшно, выражаться по великорусски~~." Въ особенности понравилась „Катерина"; она ходила въ тысячахъ рукописныхъ экземпляровъ, и была заучена почти каждымъ украинцемъ на память. „Всѣ были поражены, говоритъ В. Масловъ, глубиною и свѣжестью чувства поэта, вѣрнымъ изображеніемъ малороссійской народной жизни и небывалой до того времени прелестью малороссійскаго стиха. Имя Шевченко вдругъ пріобрѣло громкую извѣстность и сразу заняло первое мѣсто въ ряду украинскихъ поэтовъ. Наконецъ, такой крупный представитель Малорусской интеллигенціи того времени, какъ Основьяненко (Квитка) въ письмѣ къ автору выражаетъ свой восторгъ такими словами: „А книжку, якъ разгорнувъ, — дивлюсь „Кобзарь", та вже дуже вычитанный. Дарма! я ёго притуливъ до серця, бо дуже шанувъ васъ, и ваши думки кріпко лягаютъ на душу. А що „Катерина" такъ, такъ-що „Катерина"! Гарно, батечку, гарно! Бильшъ не вмію сказати..... Ні, вже такъ, що ваши думки! Прочитаешъ и по складамъ и по верхамъ, то впьять упершу; а сердце такъ и іока!" Естественно, что горячій и единодушный восторгъ земляковъ былъ принятъ Шевченко ближе къ сердцу, чѣмъ неодобреніе — присяжныхъ критиковъ и не потому только, что тамъ восторгъ, а здѣсь неодобреніе. Дальнѣйшее

показано, на чьей стороне была правда. Шевченко
~~Шевченко~~ принесет в умные отъ нападокъ критиковъ;
онъ отвлекутъ ихъ, какъ мы видели, въ настоящемъ только, а чтобы доказать, что онъ владеетъ
такъ и общелитературнымъ языкомъ задумалъ
писать повести не этомъ последующемъ. ~~Шевченко~~
Шевченко не только издалъ образомъ чувствовалъ Украину
и въ Украине, онъ не забывалъ, что связанъ съ
нею и самыми непосредственными кровными
узами, что у него есть братья и сестры, которые
продолжаютъ тянуть лямку крепостного.
Выбившись на дорогу, онъ вспоминаетъ о нихъ
и на просьбу брата Никиты уделить ему въ
зимній день отвечаетъ истинно братскою
любовью: посылая деньги, онъ пишетъ: "Ты знай,
що мини грихъ позычать братам" грошей,
коли трапляется[1], то так дай, и коли ни,
то выбачайте.[2] ... Дожидай сестру Марусю ....
Поклонъ бидній Ярыни .... Кланяйся сестри
Катерини .... Поцилуй старого дида Ивана."
Обо всемъ имъ больша душа поэта и что это
были не пустыя любезности, обнаружилось въ
переписке передъ родными, показавъ душевный
тактъ. И еще онъ проситъ брата, чтобы тотъ
писалъ ему обязательно на чистомъ малорусскомъ
языке: "~~щоб я хоть в твоимъ письмови побачивъ~~
~~якъ на чистій стороні языкомъ людскимъ~~"
Въ занятіяхъ поэзіею, усовершенствуясь въ рисованіи,
принятъ, несмотря даже на Брюловскія
"грехи", имелъ объ Украине овладевала поэтомъ
и художникомъ все больше и больше, прошло
около 5 летъ. Въ 1843 г. Шевченко получилъ званіе
свободнаго художника и могъ оставить
школьную скамью. Ему было тогда подъ 30 летъ.
Въ полной развитыхъ силъ и окрыленныхъ
надеждами на будущее, въ немъ поддерживаемъ
его громадный успехъ первыхъ начинаній,
рвется онъ на родину. „Ах, пишетъ онъ о себе
около этого времени, ... горитъ уся-що: не то
роблю що, не то думаю, сновигаю[3] по отцовому
городовому болоту, та дуже-таки Украину
Ахъ, якъ бы то мени добре було приихать до-
соловья! Весело бъ було, та не знаю. Стаття[4]
мене пробувати кидаетъ, так-що не знаю, якъ
и выпручаюсь[5]. Та вирвусь якъ небудь вирвусь!"
Желаніе поэта осуществилось скоро. Въ тотъ
же 1843 г. мы видимъ его уже въ Малороссіи, на

---

1) случается; 2) не выпускайте; 3) скучаю; 4) встрѣтимся; 5) вырваться.

балу въ знаменитой Москвѣ, куда съѣзжались
помѣщики изъ Полтавской, Черниговской и
Кіевской губерній; собиралось ихъ здѣсь въ тор-
жественныхъ случаяхъ человѣкъ до 200 и гостили
отъ трехъ недѣль нѣсколькихъ дней подъ рядъ. "Балы,
устраиваемые ветхой старухой, благодѣтельницей
Москвы, были, говоритъ А. Чудинскій, своего
рода Версальи для Малороссіи: туда ѣздили
на показъ самыя модныя платья, новѣйшія
фигуры мазурки, знаменитѣйшіе каламбуры,
и тамъ же бывали иногда первый выѣздъ
дѣвицы..... Огромная въ два свѣта зала едва
могла помѣстить общество, хотя немалая
часть гостей занимала другія комнаты
и много мужчинъ играло въ карты по своимъ
квартирамъ. Старинная мебель, цвѣты,
тронловыковыя зеркала и дагерротипы всѣ это-
при освѣщеніи и новѣйшихъ костюмахъ, подъ
звуки музыки представляло необыкновенно-
интересный видъ. ..... Дамы и дѣвицы сада
передъ другой цѣлыми любезностью, краснорѣчіемъ,
любезничали съ дамами, плясали, играли въ
карты и кокетствовали. Но самый удивительный
экземпляръ въ этой двѣнадцать представляла сама
хозяйка, 80-ти-лѣтняя старуха въ это время, уже
почти ослѣпшая: страстная охотница до
карть, она уже не могла играть сама и
только-просидѣвала далеко за полночь водя-
правившихъ, удивляя слухъ свой пріятными
тогда возгласами и утѣшаясь какимъ-
нибудь казусомъ." Большей части гостей своихъ
она не знала, даже никогда и не слыхала о-
нихъ. Что они? Текутъ что? Текутъ и! Старухѣ
тогда была умирать, да видно, карты не пускали
на тотъ свѣтъ; а гости, всегда готовые
отозваться на приглашеніе, пріѣзжали, радуясь
тѣшились въ аппартаментахъ, и, навеселившись
вдоволь, какъ бы сдѣлавши свое дѣло, разъѣз-
жались по домамъ. Старинная, на нашъ взглядъ
хозяйка, и странные гости, и еще болѣе стран-
ный и непонятный весь строй ихъ жизни!
Мы не [illegible] бы, многострадальныхъ
тѣней" этихъ картежниковъ, плясуновъ и тѣхъ
если бы судьба не разбросала въ ихъ средѣ и
людей совершенно другого склада. Такъ, на-
прим балу въ Москвѣ мы встрѣтили вмѣстѣ съ

Шевченко писательницу З., самаго разсказчика Чуж-
бинскаго, — Гребенку. Въ настоящемъ случаѣ
насъ интересуетъ Шевченко. Какъ отнеслась къ нему
это общество, и что онъ чувствовалъ ~~окунувшись~~
~~снова съ головой въ болото крѣпостничества~~?
Его втрѣтили съ распростертыми объятіями,
какъ давно желаннаго гостя. „Вѣсть о пріѣздѣ
Шевченка мигомъ разлилась по всему дому.....
Всѣ гости толпились у входа и даже чопорныя
барыни, которыя иначе не говорили, какъ по
французски, и тѣ съ любопытствомъ ожидали
появленія поэта." Его знали уже по „Кобзарю"; —
Внѣшность его производила также благопріят-
ное впечатлѣніе: „онъ былъ средняго роста,
плотный; на первый взглядъ лицо его казалось
обыкновеннымъ, но глаза свѣтились такимъ
умнымъ и выразительнымъ свѣтомъ, что
невольно (Чужбинскій не зналъ, что это Шевченко)
я обратилъ на него вниманіе"... Цѣлый день онъ
былъ предметомъ всеобщаго вниманія, за исклю-
ченіемъ двухъ, трехъ личностей, которыя
не признавали не только украинской, но и русской
поэзіи". [Вчерашній крѣпостной, которому любой
и любая (за ничтожнѣйшимъ исключеніемъ) изъ
толпившихся теперь въ кругъ него гостей, съ
легкимъ сердцемъ далъ бы „зуботычену", явился
теперь передъ ними въ образѣ поэта, такъ неожи-
данно и такъ сильно заговорившаго похороненнымъ
уже было языкомъ; вся эта толпа, ~~[illegible]~~ бонвиванъ,
какъ бы на зло собственной жизни, чувствовала
что-то родное въ поэзіи своего крѣпостнаго
дѣтища и при звукахъ ея она какъ бы смутно-
смутно начинала вспоминать о своемъ давнемъ
прошломъ. Шевченко представлялъ любопытную
диковинку, на которую хотѣлось взглянуть
каждому. Здѣсь повторялось тоже, что было
и въ Петербургѣ; только естественно, удивленіе
и восторгъ принимали болѣе восторженныя и болѣе
рѣзкія формы. Но любопытство насыщается ~~[illegible]~~
~~[illegible]~~ бонвиванъ: принимаются за свои дѣла; они
развлеклись, натѣшились. А поэтъ?.... Какое дѣло
намъ до поэта, скажутъ болѣе откровенные изъ
нихъ.... Чужбинскій говоритъ, что Шевченко „види-
мо былъ тронутъ блистательнымъ пріемомъ", что
онъ скоро сдѣлался „какъ свой со всѣми и былъ
точно дома". Едва ли этому ~~[illegible]~~ однако можно
повѣрить. Очень возможно, что Шевченко „не

надѣялся встрѣтить такого радушія отъ помѣщиковъ" что онъ „былъ въ духѣ", что ему по сердцу ~~пришелся~~ пришелся родной говоръ, родныя пѣсни, которыя онъ услышалъ здѣсь; но онъ слишкомъ много перезжилъ и слишкомъ хорошо зналъ помѣщичій бытъ, чтобы принять тотчасъ же „блистательный пріемъ" за чистую монету и чувствовать себя въ кругу обрисованнаго нами общества, „какъ дома". Наконецъ, самъ же авторъ „Воспоминаній" разсказываетъ, съ какимъ кружкомъ изъ этого многочисленнаго общества Шевченко сошелся поближе и на какой почвѣ произошло это сближеніе. Упомянутый кружокъ, былъ въ своемъ родѣ знаменіемъ времени, знаменіемъ разложенія помѣщичьяго крѣпостнаго быта, а для Шевченко лично продолженіемъ Петербургскихъ пьяныхъ оргій. Восторговъ и удивленія, разъ они не имѣютъ никакой реальной связи съ самой жизнью восторгающихся и удивляющихся, надолго не хватаетъ. Многочисленное украинское помѣщичье общество, въ концѣ концевъ, не могло предложить своему народному поэту ничего лучшаго, какъ карты или пьянство. Онъ выбралъ послѣднее, извѣданное уже. Самъ Шевченко, скажутъ, тяготѣлъ къ такого рода удовольствіямъ. Это — неправда, или вѣрнѣе, та полуправда что бываетъ хуже неправды. По крайней мѣрѣ въ описываемую пору Шевченко предавался излишествамъ только въ обществѣ людей, съ которыми ему собственно нечего было дѣлать и которые смотрѣли на него, какъ на диковинку и забавлялись имъ ради мимолетнаго развлеченія. Но возвратимся къ кружку, который увлекъ за собой Шевченко въ ~~Москвѣ~~ Москвѣ. Мы уже сказали, что онъ представляетъ весьма характерное явленіе. Познакомимся же съ нимъ поближе по описанію Чужбинскаго. Кружокъ этотъ, говоритъ онъ, назывался „обществомъ мочемордія"; „мочить морду" означало пьянствовать, а „мочемордой" признавался всякій удалой питухъ; неупотребленіе спиртныхъ напитковъ называлось „сухомордіе или сухорыліе". Члены, смотря по заслугамъ, носили титулы: мочемордія, высокомочемордія, пьянѣйшества и высокопьянѣйшества. За усердіе раздавались награды: сивалдай въ петлицу, бокалъ на шею и большой штофъ черезъ плечо. Въ извѣстные дни или просто при съѣздахъ они совершали праздневство въ честь Бахуса; собрани

созывалось слѣдующими возгласами: басъ гудѣлъ: „ромъ! пуншъ! ромъ! пуншъ". Тенора подхватывали „полтиво! полтиво! — глинтвейнъ! глинтвейнъ!" а дисканты выкрикивали: „бѣла, красна, сладка водка!" За тѣмъ великій магистръ произносилъ приличную рѣчь, и мочеморды предавались своимъ возліяніямъ. Истый мочеморда, могъ употреблять какіе угодно горячіе напитки; честь общества требовала только, чтобы онъ воздерживался отъ простой водки, въ крайнемъ случаѣ, когда подъ рукой не было никакой настойки, мочеморда пилъ гривенниковку, т. е. простую водку, въ которую, за неимѣніемъ никакой спеціи, бросали гривенникъ и она сходила за настойку. Старѣйшиной, великимъ магистромъ, въ ту пору былъ отставной гусаръ Закревскій, умный и благородный человѣкъ, душа общества, по словамъ Чужбинскаго. Впрочемъ онъ всѣхъ мочемордъ называетъ умными, благородными и гуманными людьми: мало того онъ находилъ, что „слабость эта — извиняемая въ дворянскомъ быту", а въ то время заслуживавшая даже особенную похвалу, не вредившая никому, не мѣшала членамъ упомянутого кружка быть пріятными собесѣдниками"...

[Мы отказываемся, однако, понять, какимъ образомъ общество, организованное ради безпробуднаго пьянства и проводящее все время въ пьянствѣ, могло состоять изъ порядочныхъ людей. Конечно порядочный человѣкъ могъ сюда попасть случайно и могъ „мочить морду"; но, какъ общество, оно представляло верхъ уродства и безобразія. Въ тѣ времена, говорятъ, порядочные люди не могли найти себѣ дѣятельности и предавались пьянству; это ложь и ложь злостная, ибо чѣмъ хуже времена, тѣмъ больше дѣла для каждаго человѣка; нужно только умѣть взяться за него. Итакъ, мы не можемъ согласиться, что Шевченко попалъ въ кружокъ порядочныхъ людей. Мочемордія была прямымъ продолженіемъ брюловскихъ оргій, злополучіемъ, испытаніемъ болѣе тяжкимъ и гибельнымъ, чѣмъ перенесенная нищета, ссылка и т. д. Не добромъ привѣтствовала родина своего поэта!

„Ромъ! Пуншъ! полтиво! Глинтвейнъ!" и т. д. — вотъ что раздалось вдругъ неожиданно въ его ушахъ. Но, полно, развѣ это родина?.... Скоро онъ нашелъ дѣйствительно достойныхъ людей, связалъ съ ними свою судьбу, а родина, принявъ его въ свои горячія объятія

разожгла въ немъ поэтическое вдохновеніе до высшей точки. Всякій же разъ, когда ему приходилось бывать въ Мосевкахъ и т. п. кругахъ, онъ, несомнѣнно, спрашивалъ себя внутренно: „..... зачѣмъ я тутъ? И что-мнѣ дѣлать между ними? Они всѣ пляшутъ и поютъ, Они родня между родными. Они всѣ равны между собой, А Я!..... („Тризна").

Если Шевченко снисходительно относился къ времяпровожденію своихъ новыхъ знакомыхъ и принималъ даже въ немъ участіе, то онъ былъ чрезвычайно чутокъ ко всякому проявленію насилія и самодурства со стороны помѣщика къ своимъ крѣпостнымъ. Вотъ два характерныхъ случая. Одинъ помѣщикъ пригласилъ къ себѣ Шевченко на обѣдъ. „Мы пришли, разсказываетъ Чужбинскій, довольно еще рано. Въ передней слуга дремалъ на скамейкѣ. Къ несчастію хозяинъ выглянулъ въ дверь и, увидѣвъ дремавшаго слугу, разбудилъ его собственноручно по своему, не стѣсняясь нашимъ присутствіемъ. Тарасъ покраснѣлъ, надѣлъ шапку и ушелъ домой. Никакія просьбы не могли заставить его возвратиться." Въ Головѣ Шевченко промелькнуло, вѣроятно, Вильно, такая же передняя и казачекъ, увлекшійся рисованіемъ далеко за полночь, и подобная же собственноручная расправка..... Какъ онъ былъ далекъ теперь отъ всего этого! И вдругъ на его глазахъ повторяется таже исторія. На счастье помѣщика, онъ овладѣлъ еще своимъ гнѣвомъ; онъ только поворотился и ушелъ домой. Но за то помѣщикъ, который, не случись этого казуса, оказалъ бы, вѣроятно, также „блистательный пріемъ" поэту, не остался въ долгу: „темная личность эта, (говоритъ Чужбинскій, намекая вѣроятно на доносы), дѣйствуя во мракѣ, приготовила немало горя нашему поэту....." Другое столкновеніе у Шевченко на той же почвѣ произошло съ извѣстнымъ собирателемъ малороссійскихъ пѣсенъ, „гуманнымъ" и „благороднымъ" Лукашевичемъ. Однажды, въ суровую зиму онъ посылаетъ пѣшкомъ своего крѣпостнаго человѣка по какому-то неважному дѣлу къ Шевченко, находившемуся тогда въ Яготинѣ, за 30 верстъ, и строго приказываетъ ему возвратиться съ отвѣтомъ въ тотъ же день. Шевченко не хотѣлъ было вѣрить такому безчеловѣчному приказанію со стороны „большого либерала," какъ онъ думалъ о Лукашевичѣ. Но фактъ былъ на лицо. Не имѣя права удерживать посланца, онъ написалъ Лукашевичу письмо, исполненное желчи и негодованія, объявилъ вмѣстѣ съ тѣмъ о прекращеніи всякаго знакомства съ нимъ. Тотъ не устыдился

однако и отвѣчалъ поэту въ томъ тонѣ, что у него 300 душъ такихъ же олуховъ, какъ Шевченко. Разсказывая подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ объ этомъ случаѣ Репниной Шевченко рыдалъ, какъ ребенокъ. Вообще даже біографъ М. Чалый, ставящій въ заслугу нѣкоторымъ лицамъ, что они „снисходили съ высоты своего общественнаго положенія къ плебею Шевченко", находитъ, что „большинство новыхъ знакомыхъ Тараса Григорьевича не отличалось ни особенными нравственными качествами, ни горячею любовью къ родному языку, ни привязанностью къ родной старинѣ." Благодаря постояннымъ переѣздамъ, у Шевченко завязалась масса такихъ знакомствъ. На сколько это были темныя явленія для поэта, мы знаемъ ихъ; обратимся теперь къ свѣтлымъ. Отдѣльно приходится поставить его дружбу съ княжной Репниной, дочерью бывшаго украинскаго Генералъ-Губернатора. Шевченкѣ было заказано сдѣлать копію съ портрета старика Репнина. Онъ познакомился со всѣмъ семействомъ, прожилъ довольно долго въ Яготинѣ и сошелся особенно близко съ Варварой Репниной, для которой написалъ на русскомъ языкѣ и которой посвятилъ стихотвореніе „Тризна". Съ чисто женскимъ инстинктомъ, она сразу угадала, что за человѣкъ авторъ „Кобзаря" и какъ дѣвушка образованная, серьезная, добрая, религіозно-настроенная всѣми силами старалась отвлечь его отъ „мочемордъ" и „сухомордъ", вообще всякого рода „мордъ". Такъ напримѣръ она пишетъ ему: „О не говорите, что на васъ нападаютъ люди: здѣсь не завистники, не подлецы — ваши обвинители; Я, я — сестра ваша, вашъ искреннѣйшій другъ — ваша обвинительница. Я не сужу о васъ по разсказамъ, я не осуждаю васъ, но я съ смѣлостью, которую должна бы имѣть гораздо прежде, ибо вы давно уже въ числѣ друзей моихъ, говорю вамъ, какъ брату, что не разъ, что слишкомъ часто я васъ видѣла такимъ, какимъ не желала бы видѣть никогда.... Простите моей искренности, моей докучливости и поймите безкорыстное чувство, которое водитъ моимъ перомъ." И, несомнѣнно она имѣла благотворное вліяніе на Шевченко; онъ называлъ её своимъ „добрымъ ангеломъ", и благоговѣлъ передъ нею; но увы, и она не могла отвлечь его отъ „полтавскихъ и черниговскихъ безобразниковъ." Тутъ нужно было кое что посущественнѣе, хорошаго, добраго, участливого слова. Покинувъ Петербургъ, поэтъ снова сталъ лицомъ къ

лицу съ крѣпостнымъ правомъ; мысль о положеніи народа, на служеніе которому онъ отдалъ всѣ лучшія свои силы, мучила его неотступно; тѣмъ болѣе, что его родные братья и сестры, тутъ же, на его, такъ сказать, глазахъ, несли на себѣ это тяжелое иго. Виноватъ ли Шевченко, что онъ встрѣчалъ болѣе человѣчное отношеніе къ крѣпостнымъ среди „мочемордъ", чѣмъ среди даже иныхъ помѣщиковъ рекомендуемыхъ его вниманію княжной Репиной? „Отъ грустнаго вашего письма, пишетъ княжна, у меня навернулись слезы. О, увѣдомьте меня, когда вы будете совершенно спокойны на счетъ братьевъ вашихъ!" Когда, онъ будетъ совершенно спокоенъ на счетъ своихъ братьевъ! Да, развѣ, это не совершенно ясно! Очевидно, когда они будутъ свободны. Никакіе компромиссы тутъ невозможны. Неужели Репнина, зная Шевченко, не понимала этого? Болѣе успѣшной оказалась ея дѣятельность по части распространенія произведеній поэта. Она брала на коммиссію не только такія произведенія какъ „Кобзарь" и „Живописная Украина" (рисунки Шевченко), но также и такія, какъ „Тризна", и распродавала ихъ между знакомыми, во время дворянскихъ съѣздовъ и т. д. Наконецъ, она вступила было въ переписку съ Шевченко, когда онъ находился въ опалѣ и принялась хлопотать о смягченіи его участи, но объ этомъ мы разскажемъ въ своемъ мѣстѣ. Затѣмъ Шевченко начинаетъ переѣзжать съ мѣста на мѣсто, гоститъ у разныхъ помѣщиковъ; побывалъ, повидимому, въ Петербургѣ и въ 1845 г. мы видимъ его снова въ Кіевѣ, откуда онъ дѣлаетъ поѣздки въ разныя мѣста Кіевской, полтавской и черниговской губерніи. Здѣсь онъ вмѣстѣ съ Кулишемъ становится во главѣ молодежи, задавшейся цѣлью проповѣдывать среди украинскихъ помѣщиковъ идею объ освобожденіи народа отъ крѣпостничества, а въ самомъ народѣ распространять просвѣщеніе. В. Шевченко, нареченный братъ Тараса, разсказываетъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ", что осуществленіе второй задачи, по словамъ поэта, предполагалось достигнуть слѣдующимъ путемъ: „каждый изъ участниковъ сообразно съ своими достатками назначалъ сумму, какую онъ можетъ внести въ общественную кассу. Кассой заправляетъ выборная администрація; касса пополняется, какъ взносами, такъ и процентами, а как

возрастетъ достаточно, тогда и будутъ изъ нея выдавать бѣднымъ людямъ, которые, окончивъ курсъ гимназическій, не въ состояніи поступить въ университетъ. Тотъ, кто бралъ это вспомоществованіе, обязывался, по окончаніи университетскаго курса, служить шесть лѣтъ сельскимъ учителемъ. Сельскимъ учителемъ предполагалось у казны и у дворянъ помѣщиковъ выхлопотать плату; а если эта плата окажется не достаточной, то прибавлять изъ кассы." Со стороны правительства не предвидѣлось никакихъ затрудненій, такъ какъ оно не запрещало заводить школы среди казаковъ и государственныхъ крестьянъ; что же касается помѣщиковъ, то необходимо было конечно склонить ихъ къ тому. Дѣло это задумано было года за три-за четыре до катастрофы 1847 г., но мы не знаемъ, имѣло ли оно какія нибудь практическія послѣдствія, или погибло въ самомъ зародышѣ. Шевченко же, какъ бы, ожилъ; это было то, о чемъ онъ мечталъ; не всё-то, но для начала вполнѣ достаточно. Посѣтивши родное селеніе Кириловку, онъ разсказывалъ братьямъ о своихъ планахъ и надеждахъ, декламировалъ стихи и, повидимому, чувствовалъ себя вполнѣ „на родинѣ." Молодые батюшки изъ окрестности, узнавши о пріѣздѣ такого дорогого гостя, также собрались провести съ нимъ время и наперерывъ старались занять его разговорами въ „современномъ духѣ." Но Шевченко почти не обращалъ на нихъ вниманія и весь вечеръ бесѣдовалъ больше со „старенькимъ" батюшкой, котораго онъ зналъ, когда еще учился у дьяка, нещадно дравшаго его розгами. Ему надоѣли уже модные разговоры. Привѣтливый и разговорчивый съ простыми людьми, онъ поворачивается спиною къ тѣмъ, отъ кого слышитъ пустыя и неискреннія рѣчи. Тѣ недоумѣваютъ и произносятъ свой судъ: „Якій винъ дурный." Но простая баба Лымириха, подвернувшаяся тутъ кстати, объясняетъ имъ, въ чемъ дѣло: „Вѣрятно, батюшка, говоритъ она или съ вами ему не о чемъ было говорить, потому что съ нами простыми людьми, онъ всегда бываетъ неистощимо говорливъ и забавенъ." Пребываніе на родинѣ едва не кончилось непріятной „исторіею." Родные Тараса проводили до ближайшей корчмы за селомъ и здѣсь выпили на прощаніе. Собралась довольно порядочная кучка народа; началась, какъ это обыкновенно бываетъ, изъ за какого то пустяка, перебранка съ шинкаремъ-евреемъ и тотъ нанесъ одному изъ

крестьянъ грубое оскорбленіе. Шевченко не вытерпѣлъ и закричалъ: „А нуте, хлопцы, дайте погоному — жидовьи хлосту!" Евреи моментально схватили и высекли. Но дѣло этимъ не кончилось: тотчасъ донесли, что Шевченко проповѣдуетъ Коліивщину и дѣло начало набравъ сто человѣкъ посѣчь, хотѣли вырѣзать всѣхъ жидовъ въ Кирилловкѣ. Полиція приняласъ за разслѣдованіе и уже готова была довести до свѣдѣнія высшаго начальства о „бунтѣ", если бы Тарасовы братія, приявъ на себя всю вину, не откупились. Не слѣдуетъ однако думать что-Шевченко страдалъ ѳедофобствомъ. Онъ, какъ вообще и вся масса малороссовъ, не питалъ симпатій къ евреямъ, но въ серіозныхъ и рѣшительныхъ случаяхъ умѣлъ сохранять безпристрастіе. Такъ однажды онъ бросился спасать имущество изъ горѣвшей лачуги еврея, въ то время, какъ собравшійся народъ смотрѣлъ и толпился равнодушіемъ на пожарѣ и горячо упрекалъ крестьянъ, говоря, что человѣкъ въ бѣдѣ и нуждѣ какой бы онъ ни былъ націи и какую бы не исповѣдывалъ религіи становится намъ самымъ близкимъ братомъ. [Ко времени этихъ перекочевокъ относится замѣчательное по силѣ и содержанію произведеніе Шевченко: „До мертвихъ и живихъ и нерожденихъ земляковъ моихъ, въ Украйни, и не въ Украйни сущихъ, моє єдиноє послѣднєє!" Онъ далекъ здѣсь отъ всякихъ узкихъ національныхъ стремленій и гнушается тѣхъ людей, которые отвернувшись совершенно отъ жизни своего народа, продолжаютъ, однако, „и куру дерти" „и брехливъ нездячихъ гречкосѣвъ." Притчемъ, говоритъ онъ, свои думы іи (Украину) роспитываютъ." А передумавъ сколько „гвалту" и „крику", подписываютъ они. Какъ за другими они повторятъ, что-языкъ малорусскій — „и гарнюня, и сыла, мужики та й годи! А исторію позвавъ вольнаго народу!" ..... „Отакъ воля вмерла, говорятъ они, фигурой умивалась, у головы поры клала, стелючи укрывалась!" ..... „Кровью вона умивалась отъ Шевченко, а стала на купахъ, на козацькихъ вольныхъ трупахъ, окраденныхъ трупахъ!...." Перечитайте слова исторію своего народа, совѣтуетъ имъ поэтъ, отъ слова до слова, перечитайте внимательно и тогда спросите себя: кто-же такіе вы, „чіи сини? Якихъ батькивъ?..... Отямитесь, грозитъ имъ онъ, станьте людьми; „умийтеся, образъ Божій[1] Богомъ не скверните; не дурите дитей вашихъ, не вбивайте на свитки на те тильки, щобъ панувать, тому что „роскуются недаромъ" заковани люде;

1) скаро.

настане судъ, заговорять и Днипро, и горы, и потече стариками кровь у сыне море дитей вашихъ....."
Въ заключеніе онъ снова обращается съ словомъ примиренія:

„Обнимите жъ, браты мои,
Найменьшаго брата, —
Нехай маты усмихнеться,
Заплакана маты;
Благословить дитей своихъ
Твердыми руками
И обмытыхъ поцилуйте
~~Вольными устами.....~~"

Путешествія и перекочевки Шевченка приняли съ теченіемъ времени нѣсколько иной характеръ; онъ не только знакомился съ людьми, но и сталъ изучать старину, срисовывалъ древнія зданія, церковную утварь, раскатывалъ могилы и т. д. Главнымъ мѣстопребываніемъ его оставался Кіевъ и отсюда онъ дѣлалъ болѣе или менѣе продолжительныя поѣздки въ Нѣжинъ, Черниговъ и другія мѣста. Особенно радушно встрѣтили его нѣжинцы; въ его квартирѣ постоянно былъ кто-либо изъ посѣтителей, а студенты не давали ему просто покою. Тутъ произошолъ маленькій, но любопытный эпизодъ. Шевченко отправился въ собраніе и вошелъ, не снимая своей бархатной шапочки, которую носилъ послѣ перенесенной недавно горячки: какой то чинъ, строгій блюститель порядку не хотѣлъ было пускать его, но ему объяснили, что Тарасъ Григорьевичъ въ какомъ бы онъ ни былъ костюмѣ дѣлалъ честь собранію своимъ посѣщеніемъ, и тотъ ретировался. Въ Кіевѣ Шевченко велъ самую простую жизнь; ему не подушѣ были всякія свѣтскія приличія и церемоніи и онъ избѣгалъ, насколько могъ, „большого свѣта". Поселившись вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ Сажинымъ въ квартирѣ Чужбинскаго, они по цѣлымъ днямъ пропадали, срисовывая разныя достопримѣчательности древняго города, и вечеромъ всѣ трое сходились и обмѣнивались видѣннымъ и слышаннымъ. „Ничего не бывало пріятнѣе, говоритъ Чужбинскій, нашихъ вечеровъ, когда возвратясь усталые домой, мы растворяли окна, усаживались за чай и передавали свои дневныя приключенія." Въ этой простой обстановкѣ, вдали отъ рѣжущихъ глазъ общественныхъ диссонансовъ чуткое сердце поэта находило успокоеніе и онъ является передъ нами во всей прелести своего искренняго и чистаго существа. Вмѣсто чиннаго салона они отправлялись къ Днѣпру, садились надъ обрывомъ и при видѣ великолѣпной панорамы пѣли пѣсни или думали каждый свою думу. Любилъ также Шевченко просиживать

по долгу у порки какого-нибудь мужика и щупать его
недотыкомковые ноги и обычаи. Они дощипать —
хотят и ценят от умных мальчишек, а этих
мелкотравчатых привязанных на верёвку, покупал у хозяев и выпу-
скал на свободу. Однажды он наткнулся на такую
сцену: „Гнидель" (приводарь, обязанность которого-то
в то время в Киеве на полицейской) схватил боль-
шую собаку за ребро и, надорвав её, потащил
по улице. Шевченко не выдержал и стал упрекать
приводаря; тот грубо ответил и стал еще больше
еще больше тиранить собаку, которая визгом
раздирающим образом. Шевченко бросился к нему и
вцепился ему руке зубами..... Было много неприятностями, но поэтик всё уладил. Со-
бенным расположением поэта пользовались дети,
он любил „водить с ними компанию"; собрав вокруг
себя кружок ребят и ярмарок собак, он начинал
обыкновенно рассказывать сказки, тут детский
которых знал много, учил птичьи и вскоре
приобретал привязанность маленькой толпы.
Раз, идя в Киев Шевченко встретил, он нашел забав-
ную девушку маленькую девочку и после тщетных поис-
ков отыскать мать, то есть было её за себя
уголой и нечтать уже, как будет воспитывать
её, но на дороге встретилась мать и взяла ребенка
Шевченко совершенно не умел, как говорится обра-
щаться с детьми; они у него никогда не гармонировались,
он всегда готов был поссориться с каждым встречным
и потерпеть. Нищий, пропойца, промотавшийся юнкер,
все они свободно могли обращаться к нему и он
делился своим достатком; подающему, его мысли
не спускала мысль о завтрашнем дне. Поэтому, когда
он шел в компании, то денежными делами его
заведовал обыкновенно кто-либо из товарищей.
В Киеве Шевченко чувствовал себя связанным в
обществе „которых денди и баринъ"; да это в прос-
той семейной кругу он бывал необычайно разговорчив
любил рассказывать смешные происшествия, не
анекдоты, и непременно что-либо из действительно
жизни в чем он подмечал комическую сторону.
Костомаров в своих „Воспоминаниях" о Шевченко говорит
также, что хотя „недостаток образования часто
проглядывал в нем, но дополнялся всегда сжатостью и
богатым природным умом, так что беседа с Шевче
никогда не могла навести скуки и была необыкновенно
приятна: он умел кстати шутить, острить, пот
мать собеседников веселыми рассказами и никогда по

въ обществѣ знакомыхъ не проявлялъ того меланхолическаго свойства, которымъ проникнуты многія изъ его стихотвореній." Удивительно, какъ онъ могъ сохранить эту способность къ простосердечному, неподдѣльному смѣху, безъ малѣйшаго оттѣнка язвительности, послѣ столькихъ годовъ ~~истязаній и~~ суровыхъ жизненныхъ испытаній. Онъ богато надѣленъ былъ юморомъ, этимъ даромъ избранныхъ натуръ, который смягчаетъ горечь жизни и спасаетъ человѣка отъ черствости въ обыденной жизни и отъ излишней суровости, доходящей до изувѣрства, въ серьезныхъ вопросахъ и тяжелыхъ положеніяхъ. А такое именно положеніе скоро снова настало для поэта.... И какъ странно, громъ грянулъ надъ головой нашего поэта именно въ то время, когда передъ нимъ раскрывались самыя заманчивыя перспективы. Онъ былъ утвержденъ учителемъ рисованія при Кіевскомъ Университетѣ и такимъ образомъ пріобрелъ хотя сколько нибудь обезпеченное положеніе. Но не въ томъ дѣло. Одна „щирая украинка," восторженная поклонница, ~~Шевченко~~ поэта, предложила ~~поэту~~ ему черезъ посредство Кулиша (оставаясь сама неизвѣстной), всё свое состояніе, чтобы доставить ему возможность провести года три въ Италіи. „Онъ обрадовался этому, говоритъ Кулишъ, съ дѣтской простотой и согласился не знать, откуда возьмутся на то денежныя средства." Въ концѣ 1846 г. и началѣ 1847 г. Шевченко объѣзжалъ своихъ знакомыхъ помѣщиковъ и собиралъ свои рукописи оставленныя имъ въ разныхъ домахъ, предполагая, вѣроятно, въ скоромъ времени отправиться за границу. Случайно онъ попалъ, между прочимъ, на свадьбу той самой украинки, которая предложила къ его услугамъ свое состояніе. Свадьба была превращена имъ, замѣчаетъ Кулишъ, „въ національную оперу". Не обращая вниманія на обычную процедуру свадебныхъ пиршествъ, онъ пѣлъ свои излюбленныя пѣсни, отрывалъ женщинъ отъ танцевъ, отводилъ ихъ въ дальній уголокъ и училъ пѣсни „Ой зійди, зійди ти зиронько та вечирняя." Хотя поэтъ, читаемъ мы въ одномъ воспоминаніи про этотъ вечеръ, явно нарушалъ своимъ поведеніемъ условныя свѣтскія приличія, тѣмъ не менѣе онъ очень нравился молодымъ женщинамъ своею оригинальностью и онѣ безъ сожалѣнія оставляли кавалеровъ и слѣдовали за нимъ." Наконецъ ранней весной, собравъ рукописи, Шевченко двинулся въ обратный путь въ Кіевъ. Тогда уже ходили вѣроятно слухи объ арестѣ Костомарова и другихъ и объ угрожавшей опастности Шевченко. Напрасно Лизогубъ просилъ его не брать съ

собой бумагъ и оставить ихъ у него. А одинъ изъ его поклонниковъ, мелкопомѣстный дворянинъ Р—овъ, хотѣлъ даже увезти поэта за границу, подъ видомъ слуги и съ этой цѣлью розыскивалъ его у разныхъ помѣщиковъ. Но Шевченко отправился прямо въ Кіевъ съ рукописями своихъ стихотвореній въ чемоданѣ. Здѣсь необходимо разсказать, хотя въ общихъ чертахъ о дѣлѣ, имѣвшемъ такія печальныя послѣдствія для автора „Кобзаря". Мы уже упоминали о Кіевскомъ кружкѣ молодежи, мечтавшей о просвѣщеніи народа и освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Съ переѣздомъ Костомарова въ Кіевъ, интересъ къ этимъ вопросамъ еще болѣе оживился, но на первый планъ уже выступила идея о „славянской взаимности." — „Наши дружескія бесѣды, говоритъ Костомаровъ, обращались болѣе всего къ идеѣ славянской взаимности. Чѣмъ тусклѣе она представлялась въ головахъ, чѣмъ менѣе было обдуманныхъ образовъ для этой взаимности, тѣмъ болѣе было въ ней таинственности, привлекательности, тѣмъ съ большой смѣлостью создавались предположенія и планы, тѣмъ болѣе казалось возможнымъ всё то, что при большей обдуманности, представляло тысячи препятствій къ осуществленію. Взаимность славянскихъ народовъ въ нашемъ воображеніи не ограничивалось уже сферой науки и поэзіи..... Мимо нашей воли сталъ намъ представляться федеративный союзъ подобно древнимъ греческимъ республикамъ или соединеннымъ Штатамъ Сѣверной Америки..... Федерація только по однимъ народностямъ не оказалась для насъ вполнѣ удобной по многимъ причинамъ..... Такимъ образомъ составилась мысль объ административномъ раздѣленіи земель, населяемыхъ славянскимъ племенемъ, независимо отъ того, къ какой изъ народностей принадлежитъ это племя въ той или другой полосѣ обитаемаго имъ пространства..... Во всѣхъ частяхъ федераціи предполагались одинакіе основные законы и права, равенство вѣса, мѣръ и монеты, отсутствіе таможенъ и свобода торговли, всеобщее уничтоженіе крѣпостнаго права, и рабства, въ какомъ бы то ни было видѣ, единая центральная власть, завѣдующая сношеніями внѣ союза, войскамъ и флотамъ, но полная автономія каждой части по отношенію къ внутреннимъ учрежденіямъ, внутреннему управленію, судопроизводству и народному образованію. Ближайшимъ и вѣрнѣйшимъ путемъ къ достиженію этой цѣли предполагалось воспитаніе общества въ духѣ такихъ идей..... Съ этой цѣлью явилась мысль образова-

общество, котораго задачи были бы распространение идей славянской взаимности, какъ путемъ воспитанія, такъ и путями литературными." Такъ, по воспоминаніи главнаго лица, складывалась мысль объ учрежденіи Кирилло-Меѳодіевскаго братства. Костомаровъ составилъ даже проэктъ устава, главнымъ положеніемъ котораго было: полнѣйшая свобода вѣроисповѣданія и національностей и отверженіе іезуитскаго правила объ освященіи средствъ цѣлями, а по тому заранѣе заявлялось что такое общество ни въ какомъ случаѣ не должно покушаться на что нибудь, имѣющее хотя тѣнь возмущенія противъ существующаго общественнаго порядка и установленныхъ предержащихъ властей." Наиболѣе дѣятельное участіе въ этихъ бесѣдахъ, принимали, кромѣ самого Костомарова, Шевченко, Гулакъ, Бѣлозерскій, Марчевичъ, Пильщиковъ и др... Случайно ихъ подслушалъ, „какой то неизвѣстный человѣкъ"; разговоръ о славянской взаимности онъ спуталъ съ разговоромъ о козацкой эпохѣ и изъ мирного общества, не допускавшего „даже" тѣни возмущенія противъ предержащихъ „властей", создалъ цѣлый политическій заговоръ. Такимъ образомъ возникло дѣло о Кирилло-Меѳодіевскомъ братствѣ. Нѣкоторые изъ упомянутыхъ лицъ были арестованы тотчасъ же, а Шевченко, какъ выбывшаго изъ Кіева, предписано розыскать. Возвращаемся къ нему.

Глава III

В ссылке: под надзором и без надзора.
(1847–1857)

Арест – Резолюция – Орская крепость – Начальство – Семейные поляки – Тоска – Аральская экспедиция – Сравнительная свобода – Шевченко в роли раскольничьего попа – Оренбург – Ульянувшееся унтер-офицерство – „Рыбье хладнокровие" – Доход – Новопетровское укрепление – Пустыня – „Образцовый фрунтовик". Подвергался ли Шевченко телесному наказанию? – Перемена – Офицерское общество – „Душа общества" – Комендантша – Хлопоты – Освобождение.

Мы оставили Шевченко при переправе через Днепр. „Только что я вошел на паром, чтобы переправиться (писал он одному приятелю), как со мной случилось такое, что и неследовало бы рассказывать на ночь. Меня арестовали и, посадивши с тяжкой следует на возок, отправили в самый Петербург". На этом же пароме находился, между прочим, один царский офицер большой поклонник „Кобзаря". Сообразивши в свой ум, и рассудивши, что в чемодане поэта вероятно есть произведения, которые могут повести к неприятным последствиям, он хотел было столкнуть „вещественное доказательство" в воду, но Шевченко не позволил. Тогда он попробовал подкупить полицейского агента, предложивши деньги за уничтожение некоторых стихотворений, но и это не удалось. Таким образом, Шевченко был предоставлен по начальству с полным, что значительно отягчило его вину.

Сопровождался ли Шевченко после ареста в Киев и дальше, это неизвестно. По дороге в Петербург он был чрезвычайно весел, шутил, пил чаи. Бодрое настроение не покидало его и во время производства следствия. Какой-то жандармский офицер перед допросом говорит ему: „Бог милостив, Тарас Григорьевич, вы оправдаетесь и вот тогда-то запоет ваша муза!" – „Не дай Господи" – „Не дай черт нас всех запеть, коли не от бисова муки", – отвечал ему поэт.

После допроса, говорит Костомаров, идя рядом со мною в свою комнату, Тарас Григорьевич проговорил: „не журися, Миколо, доведется еще нашей укупи жить!"

Вы как истинный поэт, простым инстинктом, чутьем понимает, что чувство – смертных грех; ему не нужно было для этого никаких логических выкладок. ~~Да и какая логическая выкладка, усвоенная теория, если она не вытекает из родников собственной мысли и не согрета жаром собственного сердца, может устоять перед холодной и страшной тюремной стыдь... Не мало мы знали людей, исповедовавших прекрасные теории, но подло и скверно поступавших, когда им приходилось сталкиваться с суровой, а иногда и коротким, ласковой действительностью.~~ Шевченко испытал и суровую, и ласковую действительность; теперь ему предстояло встретить

быть можетъ, еще болѣе суровую, и онъ ожидалъ ее съ веселымъ лицомъ. Онъ, можно сказать, побывалъ уже въ аду и его нельзя было запугать никакими страхами.

„30-го мая, говоритъ далѣе Кастамаровъ, выглянувши въ окно, я увидѣлъ, какъ вывели Шевченко и посадили въ экипажъ; его отправляли въ военное вѣдомство. Увидивши меня, онъ улыбнулся, снялъ картузъ и привѣтливо кланялся. Приговоръ надъ собою онъ выслушалъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ..

(Въ другомъ мѣстѣ историкъ говоритъ: Онъ улыбался прощаясь съ друзьями. Я заплакалъ, глядя на него, а онъ не переставалъ улыбаться, снялъ шляпу, садясь въ телѣгу, а лицо было такое же спокойное, твердое".

„Черезъ полгода, говоритъ уже самъ ~~Шевченко~~ поэтъ, вывели меня на свѣтъ божій, посадили снова „на чортопхайку" и отвезли въ далекій Оренбургъ, и тамъ, не водивши даже къ пріему, надѣли на меня солдатскую амуницію, и я сталъ солдатомъ"....

Изъ всѣхъ арестованныхъ Шевченко поплатился самымъ жестокимъ образомъ; ему въ вину были поставлены, сверхъ общаго для всѣхъ обвиненія въ составленіи противозаконнаго сообщества, нѣкоторыя его стихотворенія, именно „сочиненіе пасквиля и каррикатуры на одно высокопоставленное лицо"; вслѣдствіе чего онъ и былъ „зачисленъ въ отдѣльный оренбургскій корпусъ рядовымъ съ правомъ выслуги, но съ запрещеніемъ писать и рисовать ~~и чтобы отъ него, какъ сказано въ бумагѣ отъ военнаго министра къ командиру оренбургскаго отдѣльнаго корпуса генералу Обручеву — ни подъ какимъ видомъ не могло исходить возмутительныхъ и пасквильныхъ сочиненій~~".

Десять лѣтъ поэтъ томился въ пустынныхъ киргизскихъ степахъ. Томился, но это слово еще недостаточно рельефно обрисовываетъ его положеніе. Онъ не только былъ отрѣзанъ отъ всего живого и лишенъ возможности, даже права заниматся тѣмъ дѣломъ, которому посвятилъ себя (живописью и поэзіею), но его насильно заставили надѣть солдатскую амуницію и отдать десять лучшихъ лѣтъ своей жизни дѣлу, къ которому онъ питалъ отвращеніе. Слѣдовательно тутъ вопросъ идетъ не только о пассивномъ состояніи, но и объ активномъ, о положительномъ содержаніи жизни; его приходится обозначить вовсе не нулемъ, ~~а минусомъ и громаднымъ минусомъ~~. Обратимся же теперь къ этой жизни поэта въ сѣрой шинели солдата и постараемся, по крайней мѣрѣ, обрисовать внѣшнія условія, такъ какъ внутренняя жизнь Шевченко за это время выяснена, къ сожалѣнію еще недостаточно полно.

Оренбургъ, Орская крѣпость, Раимское укрѣпленіе, Аральское море, Новопетровское укрѣпленіе — вотъ этапные пункты десятилѣтнихъ невольныхъ странствованій Шевченко. Въ Оренбургѣ у него нашлись земляки и поклонники его таланта; они первымъ дѣломъ стали хлопотать о смягченіи горькой участи поэта и имъ было обѣщано „сдѣлать все, что только можно". Затѣмъ одинъ изъ нихъ навѣстилъ Шевченко въ казармахъ. Онъ засталъ его лежащимъ ничкомъ въ одномъ бѣльѣ на нарахъ и углубленнымъ въ чтеніе библіи, полученной еще въ Петропавловской крѣпости, когда онъ, умирая отъ скуки, просилъ дать что нибудь почитать. Поэтъ встрѣтилъ весьма сдержано и недовѣрчиво посѣтителя, но скоро его подозрительность разсѣялась и онъ тѣсно сошелся съ своими земляками. Однако пребываніе его въ Оренбургѣ было очень кратковременное. Зачисленный рядовымъ въ 4-ый оренбургскій линейный баталіонъ, онъ немедленно долженъ былъ отправиться въ Орскъ къ мѣсту своего служенія. Относительно положенія Шевченко въ этой крѣпости существуютъ противоположныя указанія. Г. Чалый говоритъ: „По мѣрѣ пониженія степеней военной іерархіи, пріемы дѣлались грубѣе и когда очередь дошла до ротнаго, какого-то пьянаго поручика, тотъ пригрозилъ поэту даже розами, если онъ дурно поведетъ себя. Чтобы оградить себя отъ опасности, Шевченко прибѣгнулъ къ простой и какъ оказалось, весьма дѣйствительной мѣрѣ: купилъ порядочное количество водки и немного закуски, пригласилъ ротнаго командира и нѣкоторыхъ офицеровъ на охоту и упоилъ ихъ. Съ тѣхъ поръ дѣло пошло, какъ по маслу, и когда угощеніе начало забываться, онъ повторилъ его." Г-нъ же Стороженко утверждаетъ, что положеніе Шевченко въ этомъ захолустьѣ, благодаря хлопотамъ друзей, было сноснѣе, чѣмъ можно было бы ожидать. „Правда, говоритъ упомянутый авторъ, юридически онъ былъ простой поднадзорный солдатъ, котораго не только офицеръ, но любой фельдфебель могъ отдуть по щекамъ, но на самомъ дѣлѣ онъ находился въ исключительномъ положеніи; офицеры обращались съ нимъ, какъ съ товарищемъ, и если Шевченко тѣмъ не менѣе страдалъ нравственно, то это происходило, главнымъ образомъ, вслѣдствіе тоски по родинѣ, мучительнаго сознанія безправности своего положенія и тяготѣвшаго надъ нимъ запрещенія писать и рисовать". Впрочемъ оба эти свидѣтельства можно примирить такимъ образомъ: Шевченко дѣйствительно пользовался въ Орской крѣпости сравнительно, (будетъ хуже)

~~сносным положеніемъ, но не благодаря товарищескому обращенію офи-~~
~~церовъ, а высильному дѣйствію вина....~~ Такъ, несмотря на запреще-
ніе, онъ могъ заняться и здѣсь рисованіемъ, какъ только получилъ отъ Лизо-
губа необходимыя принадлежности. Снисходительное отношеніе
начальства въ положеніи Шевченко обстоятельство весьма важное
для него, но еще большее значеніе имѣло то, что онъ встрѣтилъ ~~тутъ~~
здѣсь ссыльныхъ поляковъ и сошелся съ ними. Все это были люди
просвѣщенные и съ благородными стремленіями. Они получили
свободу раньше Шевченко и сохранившаяся переписка ихъ по-
казываетъ, какъ тѣсно они сошлись съ поэтомъ и какъ цѣнили его.
Въ нихъ Шевченко нашелъ не только товарищей по ссылкѣ, но, что
еще важнѣе, людей, раздѣлявшихъ, по крайней мѣрѣ, основныя
его убѣжденія. Это былъ, въ своемъ родѣ, неожиданный даръ
случая. Тѣмъ болѣе, что многочисленные нѣкогда друзья не скоро
вспомнили о немъ. „Прежде, пишетъ онъ къ Лизогубу, бывало на
собаку брось, такъ попадешь въ друга, а какъ пришлось плохо, такъ Богъ
знаетъ гдѣ они дѣлись! Не поумирали ли ужъ?... Нѣтъ, здраствуютъ;
да только отказались отъ злополучнаго друга своего... А если бы
они знали, что одно ласковое слово для меня теперь больше вся-
кой радости!.. Такъ что-то недогадливы они...."
Безденежье, испытанное Шевченко на первыхъ порахъ, пока нѣкото-
рые изъ его друзей не вступили съ нимъ въ переписку, сопровожда-
лось рядомъ болѣзней и недомоганій: ревматизмомъ, цингой, вос-
паленіемъ глазъ и т. д. А службу нужно было отбывать неукоснитель-
но. Отсутствіе книгъ, рисовальныхъ принадлежностей, даже бу-
маги, представляло для него весьма чувствительное лишеніе.
Внутреннее состояніе поэта во время пребыванія въ Орской крѣ-
пости лучше всего рисуютъ его собственныя письма. Приводимъ
изъ нихъ нѣкоторыя выдержки:
„Вы непремѣнно разсмѣялись бы, пишетъ онъ Репниной, если бъ
увидѣли теперь меня: вообразите себѣ самого неуклюжаго гарнизон-
наго солдата, растрепаннаго, небритаго, съ чудовищными усами, —
и это буду я! Смѣшно, а слезы катятся. Что дѣлать?... Горько, не
выносимо горько! И при всемъ этомъ горѣ мнѣ строжайше запре-
щено рисовать что бы то ни было и писать (окромѣ писемъ). А здѣсь
такъ много новаго; картины такъ живописны, оригинальны и
наивны, сами просятся подъ карандашъ, — и я одурѣваю, когда

смотрю на нихъ. Мѣстоположеніе здѣсь грустное, однообразное: то-
щія рѣчки Уралъ и Орь, обнаженныя сѣрыя горы и безконечная киргиз-
ская степь. Иногда эта степь оживляется бухарскими караванами
(на верблюдахъ), какъ волны моря зыблющимися вдали и своею жизнью
удваивающими тоску. Я иногда выхожу за крѣпость къ караванъ
сараю или мѣновому двору, гдѣ обыкновенно бухарцы разбиваютъ свои
разноцвѣтные шатры. Какой стройный народъ! Какія прекрасныя голо-
вы! И какая постоянная важность безъ малѣйшей гордости.....
Смотрѣть и не рисовать — это такая мука, которую пойметъ толь-
ко истинный художникъ". „Вчера, пишетъ онъ въ другомъ письмѣ къ
ней, я не могъ кончить письма, потому что солдаты товарищи кон-
чили ученіе; начались разсказы, кого били, кого обѣщались бить; шумъ,
крикъ, балалайка — выгнали меня изъ казармъ. Я пошелъ на квартиру
къ офицеру... и только что расположился кончить письмо... Вообра-
зите мою муку — хуже казармъ, а эти люди (да проститъ имъ Богъ!)
съ большей претензіею на образованность и знанія приличій, потому
что нѣкоторые изъ нихъ присланы изъ западной Россіи. Боже мой!
Неужели и мнѣ суждено быть такимъ? Страшно!.... Вчера я проси-
дѣлъ до утра и не могъ собраться съ мыслями, чтобы кончить письмо.
Какое-то безотчетное состояніе овладѣло мною. Пріидите всѣ тру-
ждающіеся и обремененные и Азъ упокою вы"....
Въ первомъ письмѣ къ Лизогубу Шевченко, иронизируя надъ своей
судьбой, Шевченко пишетъ: „... надо нагибаться, куда клонитъ доля. Еще слава
Богу, мнѣ какъ то удалось укрѣпить свое сердце такъ, что „муштрую-
ся" себѣ и нечего"... Но уже въ слѣдующемъ письмѣ читаемъ: „И врагу
моему лютому не пожелаю такъ казниться, какъ я теперь казнюсь...
Я страшно мучаюсь, потому что мнѣ запрещено писать и ри-
совать! А ночи, ночи! Господи какія страшныя и долгія, да еще
въ казармахъ!..." „Нельзя, конечно, и безъ того, чтобы иногда не дать
волю и слезамъ: кто не тоскуетъ и не плачетъ, тотъ никогда и
не радуется. Богъ съ нимъ, съ такимъ человѣкомъ. Будемъ плакать и
радоваться!"...
Я уже замѣтилъ, что, не смотря на запрещеніе, Шевченко писалъ
также и стихи, даже на первыхъ же порахъ ссылки, будучи въ Орской
крѣпости. По словамъ Тургенева, у него была маленькая переплетен-
ная въ дегтярный товаръ книжечка, которую онъ всегда носилъ при
себѣ и въ которую вписывалъ тайкомъ стихи. Такъ въ стихотвореніи

„А. О. Козачковскому", написанномъ въ Орской крѣпости онъ говоритъ:

„И довелося знов мени
На старість съ вирлами ховаться,
Мереснать книшенькы, спиватъ
И плакатъ у бурьяни,
И тяжко плакать!...

Стихотворенія, написанныя здѣсь, или посвященныя Украйнѣ, воспоминаніямъ о ней, или изображающія душевныя состоянія, переживаемыя поэтомъ и являются такимъ образомъ прекрасными иллюстраціями къ его письмамъ. [Какъ мнѣ жить на чужбинѣ, говоритъ онъ въ этихъ стихахъ и что удержать вздохи? Если бы можно было перегрызть, то я грызъ бы понемногу.... Такъ не такія мы кузницы ковали и не такое желѣзо поставили, чтобы ихъ можно было перегрызть. Горемъ, осиротѣлымъ невольникомъ, въ безпредѣльной степи за Ураломъ. Не для людей и не для славы пишу я теперь эти стихи, а для себя, милые братья. Мнѣ легче становится въ неволѣ, когда я пишу ихъ и они разгрузятъ мою бѣдную, убогую душу. Мнѣ съ ними такъ хорошо, какъ богатому отцу съ своими маленькими дѣтьми... Въ неволѣ тяжело, хотя сказать по правдѣ и воли то не было настоящей. Но все-таки какъ то легче. Теперь же я точно самого Бога молю такъ, и высматриваю и свой тихій умъ проклинаю за то, что онъ дураками задумалъ себя и въ горе всего утопить!...»

Вспоминая о своихъ единомышленникахъ, поэтъ спрашиваетъ: „встрѣтимся ли мы еще когда нибудь, или навѣки уже разошлись... Пусть и такъ, пусть разошлись, но будемъ вспоминать одинъ о другомъ, будемъ свою Украйну любить, потому что время-то такое.... И въ послѣднюю тяжелую минуту будемъ за нее Господа молить!..."

Княгиня Репнина, убѣдившись изъ писемъ, что ея другъ пишетъ однако не рекрутно, написала графу Орлову письмо, въ которомъ просила его облегчить участь поэта-художника, дозволить ему рисовать, прибавляя при этомъ, что правосудіе переходитъ здѣсь границы, становится жестокостью. „Переписка"*) ваша съ Шевченкомъ отвѣчаетъ ей шеф-жандармскій бумагой, равно какъ и то, что Ваше сіятельство еще прежде обращались ко мнѣ съ ходатайствомъ объ облегченіи участи упомянутому рядовому, доказываетъ, что вы при-

*) При обыскѣ произведенномъ у Шевченко въ Оренбургѣ, о которомъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ, было найдено нѣсколько писемъ княгини.

нимали въ немъ участіе, неприличное по его порочнымъ и развратнымъ свойствамъ." Въ заключеніе ей предлагалось не вмѣшиваться въ дѣла Малороссіи (?), а въ противномъ случаѣ, она сама будетъ причиной непріятныхъ для нея послѣдствій. Конечно такой отвѣтъ не убѣдилъ Репнину въ томъ, что Шевченко-человѣкъ съ „порочными" и развратными свойствами," но она прекратила переписку съ нимъ. Въ особенности страшилъ Шевченко предстоявшій походъ къ Сыръ-Дарьѣ, гдѣ въ то время возводилось Раимское укрѣпленіе, Коссъ-Аральскій фортъ, строились Бутаковымъ шкуны для плаванія въ Аральскомъ морѣ и вообще „утверждалась власть". Не столько страшна была предстоявшая тяжелая работа и лишенія походной жизни, сколько неизбѣжное отрѣшеніе отъ всякаго умственнаго общенія съ людьми; приходилось отказаться даже отъ той переписки, какую поддерживали съ опальнымъ поэтомъ не успѣвшіе еще забыть его друзья. Туда почта ходила всего только два раза въ годъ. Однако жизнь Шевченко въ этомъ походѣ сложилась совершенно иначе, чѣмъ онъ предполагалъ. Вмѣсто тяжелаго похода онъ совершилъ просто экскурсію, хотя и довольно продолжительную, но не сопряженную для него съ лишеніями. Кромѣ устройства укрѣпленій проектировалась еще морская экспедиція съ цѣлью изслѣдованія и описанія Аральскаго моря. Во главѣ этой экспедиціи стоялъ упомянутый Бутаковъ. Онъ попросилъ начальника края Обручева назначить къ нему въ отрядъ Шевченко, что и было исполнено. Бутаковъ же отнесся въ высшей степени гуманно къ нашему поэту и освободивъ его совершенно отъ солдатской службы, предложилъ заняться во время экспедиціи рисованіемъ береговыхъ видовъ Аральскаго моря. Конечно, Шевченко не могъ на этотъ разъ пожаловаться на свою „долю". Въ его положеніи едвали и можно было бы придумать что либо лучше. Слѣдуя примѣру своего начальника и низшіе офицеры относились къ нему любезнѣе, а одинъ изъ нихъ пріютилъ его даже въ своей палаткѣ и обѣдалъ вмѣстѣ съ нимъ. Шевченко шелъ отдѣльно отъ роты, въ партикулярномъ платьѣ, отростилъ себѣ бороду, такъ что пересталъ даже походить на солдата. Но даже подъ прикрытіемъ Бутакова, онъ не всегда могъ быть спокоенъ на счетъ злыхъ выходокъ противъ него со стороны сердитаго или разнузданнаго начальства. Такъ въ Раимскомъ укрѣпленіи какой то подпоручикъ хотѣлъ присвоить себѣ 68 р. 30 к. взятыхъ у Шевченко и когда послѣдній пожаловался, то тотъ не только отрицалъ долгъ ном, просилъ поступить съ рядовымъ Шевченко по

всей строгости законовъ, будтобы за ложныя предъявленія претензій". Но онъ былъ увезенъ во мнѣ своимъ же родственнымъ комендантомъ, что и спасло Шевченка отъ „всей строгости законовъ".

Въ іюлѣ мѣсяцѣ начались плаванія, которыя продолжались съ перерывами около полутора года. Шевченко помѣщался въ офицерской каютѣ и занимался исключительно рисованіемъ видовъ акварелью. Если онъ здѣсь и тосковалъ, то по отсутствіи писемъ отъ близкихъ людей. „Вотъ, говоритъ онъ въ одномъ стихотвореніи, привезли съ „Ватаги" письма и всѣ принялись потихоньку читать, и мы съ Л.... ушли въ сторонку и стали о чемъ то разговаривать. И я думалъ: гдѣ бы мнѣ того добра достать - письмо или хлѣба?.... Но чаще онъ уходилъ въ такихъ случаяхъ на берегъ моря, пѣлъ заунывныя украинскія пѣсни или вынималъ изъ голенища сапога завѣтную книжечку и вписывалъ въ нее стихи.

Изъ однообразной жизни во время плаванія отмѣтимъ экспедицію этнографическую. „Въ 1848 г., пишетъ Шевченко въ „Дневникѣ", послѣ трехмѣсячнаго плаванія по Аральскому морю, мы возвратились въ устье Сыръ-Дарьи, гдѣ урочищемъ Джильди провести зиму. У форта на островѣ Косъ-Аралъ, гдѣ занимали гарнизонъ уральскіе казаки, вышли мы на берегъ. Уральцы, увидѣвъ меня съ широкою, какъ лопата бородою, тотчасъ смекнули, что я непремѣнно мученикъ за вѣру. Донесли тотчасъ своему командиру, а тотъ не будучи дуракъ, увидѣвъ меня въ камышахъ, да бацъ передо мною на колѣни: „Благословите, говоритъ, батюшка! Мы, говоритъ, уже все знаемъ". Я тоже, не будучи дуракъ, смекнулъ въ чемъ дѣло, да и хватилъ самымъ раскольническимъ благословеніемъ. Восхищенный казакъ облобызалъ мою руку и вечеромъ задалъ намъ такую пирушку, какая намъ и во снѣ не грезилась. На другой разъ тѣ же уральцы казаки преподнесли мнѣ 25 руб., отъ которыхъ я, ~~пишетъ онъ въ томъ же дневникѣ~~, небольно радушно отхаркался, и этимъ, по ихъ понятіямъ, безпримѣрнымъ безкорыстіемъ поразилъ благочестивую душу старика, предлагавшаго деньги отмолиться въ табунѣ, въ кибиткѣ, по секрету, и, если возможность подвернетъ, причастишься отъ такого безпримѣрнаго чудотворца, какъ я. Чтобы не навлечь себѣ хлопотъ съ этими сѣдыми безпримѣрными дурнями, я поскорѣе оставилъ укрѣпленіе и уѣхалъ аккуратно, каждую недѣлю два раза обрѣзывая себѣ бороду".

По окончаніи экспедиціи Бутаковъ взялъ Шевченка съ собою въ Оренбургъ, гдѣ предполагалъ окончить работы по описанію Аральскаго моря. Здѣсь онъ прожилъ около полугода, пользуясь широкой свободой

Формально онъ считался, конечно, солдатомъ, но въ дѣйствительности не несъ никакой службы, сбросилъ даже солдатскую шинель, жилъ не въ казармахъ, а въ флигелѣ, предоставленномъ въ его распоряженіе адъютантомъ Обручева, гдѣ устроилъ настоящую мастерскую. Мало того, не смотря на неотмѣненное запрещеніе рисовать, Бутаковъ рискнулъ формально представить работу Шевченко (альбомъ видовъ береговъ Аральскаго моря) главному начальнику края Обручеву, и аттестовалъ его, какъ въ высшей степени полезнаго работника въ дѣлѣ исполненія порученія, возложеннаго на экспедицію. Обручевъ также остался доволенъ альбомомъ. Но дальнѣйшія хлопоты Бутакова о производствѣ Шевченко въ унтеръ-офицеры, что составляло для разжалованнаго первый шагъ къ дальнѣйшему облегченію положенія, окончились большими непріятностями. ~~Обручеву выразили изъ Петербурга неудовольствіе, что вопреки Высочайшему повелѣнію, Шевченко дозволено было рисовать; а Бутакова подвергли тайному надзору III отдѣленія. Шевченко же на этотъ разъ не пострадалъ; онъ получилъ только обратно свой альбомъ.~~

О своемъ душевномъ состояніи въ это время, онъ говоритъ въ письмѣ къ Репниной: „[... не много прошло времени, а какъ много измѣнилось; по крайней мѣрѣ сами вы уже не узнали бы во мнѣ прежняго глупо восторженнаго поэта. Нѣтъ, я теперь сталъ слишкомъ благоразуменъ. Вообразите! въ продолженіи почти трехъ лѣтъ ни одной идеи, ни одного письма вдохновленнаго... Проза и проза или, лучше сказать, степь и степь. Да, В. Н., я самъ удивляюсь моему превращенію; у меня теперь почти нѣтъ ни грусти, ни радости; за то есть миръ душевный, моральное спокойствіе до рыбьяго хладнокровія. Грядущее для меня, какъ будто не существуетъ. Ужели постоянныя несчастія могутъ такъ печально поработить человѣка? Да, это такъ. Я теперь совершенная изнанка бывшаго Шевченко и благодарю Бога"... [Однако тотчасъ мы будемъ имѣть случай убѣдиться, что поэтъ только напускаетъ на себя „рыбье хладнокровіе". Стихи, которые онъ и здѣсь продолжаетъ писать, звучатъ все тою же горячею любовью къ родинѣ и тоскѣ по ней. Да развѣ и могутъ лишенія, одиночество, пустыня, „суровая ружистика" и „шагистика", ~~даже самыя сильныя~~, развѣ могутъ утушить жаръ искренней пылкой души? Обстоятельства, конечно, вліяютъ, человѣкъ можетъ замолкнуть, даже, такъ сказать, перегорѣть отъ сжигающаго его внутренняго

жара, не находящего себе выхода, но приобретшего „рыбье хладнокровие" в виду. Воспитанник неправедных такой человек не может.... Если родовому бывшему мундиру дворянин преграждает его естественный путь, он находит себе другой, скрывается подъ землею, но во всякомъ случае не пропадает до тех поръ, пока не иссякнут источники, питающие его. Шевченко и во сне оставался все тем же Шевченко, что он был и раньше и от его „рыбьего хладнокровия" не оставалось и следа, всякий разъ, когда он натыкался в мыслях или в жизни на безобразие. Один из таких именно взрывов негодования имел для него весьма печальныя последствия. По словам Ф. Лазаревскаго, его оренбургскаго друга, дело происходило следующимъ образомъ. У общаго приятеля Шевченко, оказавшаго ему много услугъ, была хорошенькая жена, за которой ухаживал какой-то прапорщик И. Для других это не была тайна, но мужей не обманывается. Вот тут-то и начинается возмущение Шевченко: как, я, приятель его, вижу, как надъ моим несчастным его же жена, как его позорят, и буду молчать! Лгать и молчать в данном случае это значит быть соучастником обмана. Я должен раскрыть ему глаза, решил Шевченко и, несмотря на советы друзей не мешаться в это дело, подыскивал только удобный случай. Заметив однажды, что прапорщик прокрался тайком в свой возлюбленной, он отыскал мужа и привел его к дверям комнаты, где происходило свидание. Что последовало затем нас не интересует. Но вот, что важно и что имело печальныя последствия для Шевченко: на другой день Обручев получил донос, что Шевченко содержит в частном доме и, несмотря на Высочайшее запрещение, пишет стихи и занимается рисованием. Конечно Обручев прекрасно это знал и сам; он студентом бывало не раз, когда Шевченко рисовал портрет его жены в его доме. Донос можно было бы бросить в корзину непрочтенных бумаг.... А если одновременно послали такой же донос и шефу жандармов, с которым Обручев был в натянутых отношениях?... Выйдут новыя неприятности. Он почему-то даже уверен, что донос послан и туда. Нет, решает генерал, надо арестовать, несмотря на неохоту, быстро и решительно. Он прикажет своему адъютанту взять с собою жандармского штаб-офицера и предъявит немедленно обыск на квартире у Шевченко, и о результатах донесет ему. Дело происходит в субботу на страстной неделе, накануне великаго христианскаго праздника. „Добрый" генерал не стеснялся этим; он арестует как бы в виду чрезвычайной опасности, угрожающей неприкосновенности

~~общественнаго порядка...~~

Упомянутый адютантъ, которому поручено было произвести обыскъ, водилъ также знакомство съ Шевченко. Получивъ приказанія, онъ направился сначала къ Лазаревскому и просилъ его предупредить Шевченко, что не далѣе, какъ черезъ полтора часа у него будетъ обыскъ. На силу Лазаревскій разыскалъ своего друга и они поспѣшили на квартиру, гдѣ при содѣйствіи еще одного пріятеля ~~они~~ начали поспѣшно уничтожать разныя бумаги, письма и рисунки. Наконецъ, Шевченко, зная хорошо, что у него не найдется ничего предосудительнаго въ политическомъ отношеніи, запротестовалъ: „довольно, сказалъ онъ, закрывая рукою пачку писемъ, оставьте хоть что нибудь для инквизиторовъ, а то они подумаютъ, что добрые люди меня и знать не хотятъ". Такимъ образомъ въ руки жандармовъ попало два альбома съ стихами и около 20 писемъ отъ разныхъ лицъ. Все это отправлено было въ Петербургъ, а оттуда пришло распоряженіе: впредь до окончанія слѣдствія отправить Шевченко по этапу въ Орскую крѣпость и тамъ заключить въ казармахъ, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ получилась и окончательная резолюція по этому „дѣлу"; именно: политическаго преступника Шевченко препроводить въ Новопетровское укрѣпленіе подъ строгій надзоръ ротнаго командира, а его ближайшимъ начальникамъ Мѣшкову и Бутакову сдѣлать строгій ~~выговоръ~~.

Семилѣтнее прибываніе поэта въ Новопетровскомъ укрѣпленіи исполнено трагизма, но не шумнаго, бьющаго въ глаза трагизма, а того, который вытекаетъ изъ ежедневной и ежечасной необходимости быть настороже въ виду возможнаго посягательства на самыя примитивныя права человѣка, и который въ конецъ подтачиваетъ силы человѣка. Это самый безплодный періодъ въ его поэтическомъ творчествѣ и самый гибельный для его нравственнаго существа. Онъ написалъ здѣсь вообще очень мало, а первые годы даже ничего и не рисовалъ. Его послали сюда, конечно, не для того, чтобы онъ оживлялъ голую и тоскливую пустыню своими трогательными пѣснями. Нѣтъ, изъ него задумали сдѣлать настоящаго „фрунтовика", ~~изъ него по 8 часовъ въ сутки „тянутъ жилы"~~! И такъ изо дня въ день. „Живу я, пишетъ онъ въ письмѣ къ одному пріятелю, можно сказать жизнью публичною, сирѣчь въ казармахъ. Муштруюсь ежедневно, хожу въ караулъ и т. д. Одно слово солдатъ, да еще солдатъ какой-просто пугало вороны! Усища огромные, лысина-что твой арбузъ... Живу, можно сказать, однимъ воспоминаніемъ". Въ этихъ словахъ вы слы-

шите еще шутливую нотку. Они тоже еще шутят. Но вот в утрошних письмах читаем: „Я — нищій в полномъ смыслѣ этого слова не только матеріально, но и душою и сердцемъ обнищалъ.... А если бы ты посмотрѣлъ среди какого народа я нахожусь теперь! А я учусь в кадетской школѣ; давятъ, безъ всякого милосердія давятъ, и я дрожащей еще маленькая, а то вырвется и раздавитъ сразу, какъ вошь между ногтями. Тутъ уже не слышно шутки. Человѣкъ сталъ лицомъ къ лицу съ своимъ безвыходнымъ положеніемъ: „родился я и выросъ в невольи, говоритъ онъ, да и умру, кажется, солдатомъ. Какой нибудь да былъ бы конецъ, а то право нехорошо..." Не удивляйтесь, что это — вдругъ такъ смѣшно вырвавшіяся слова. Мысль о „концѣ", какъ желанной развязкѣ, очевидно, крѣпко сидѣла в головѣ поэта. Дѣйствительно, къ чему ждать, если у него отнято все, чѣмъ онъ жилъ, если и в будущемъ не предвидится ничего кромѣ „образцовой фрунтовки" — вѣдь это жесточайшее издѣвательство надъ всѣми его завѣтными убѣжденіями. Какъ всякій отважный человѣкъ, онъ не страшится тяжестей, выпавшихъ на его долю, не ищетъ случая постыдно укрыться отъ нихъ и не станетъ искусственно приближать къ себѣ „конецъ"; но онъ готовъ принять его, какъ избавленіе отъ пустой и мучительной жизни. „А что, братъ Тарасъ, хотѣлъ сказать ему какъ-то одинъ молодой офицеръ послѣ ученья, вѣдь лучше было бы, если бы тебя опять послали на морекую службу или назначили в казаки?!" Вѣдь стрѣла на чайки или на коня больше была заморожена-то у тебя руки, чѣмъ в пяткѣ!" А еще лучше было бы имъ или совѣсти не родиться, или умереть поскорѣе, отвѣчалъ на это, понуря голову Тарасъ, и въ крупныя слезинки, вотъ какъ теперь вижу, превращались раскаленныя осколки, — такъ и скатились у него съ глазъ."

Что же такое Новопетровская укрѣпленія, в какія условія былъ тамъ поставленъ Шевченко и среди какого общества ему пришлось жить?... Новопетровская укрѣпленія во времена Шевченко представляли небольшой укрѣпленный пунктъ съ девятью или десятью орудіями, расположенной на обрывистой известковой скалѣ, западной оконечности полуострова Мангишлака, верстахъ в трехъ отъ берега Каспійскаго моря. Небольшая каменная церковь, комендантскій домъ, карауленый домъ, госпиталь и нѣсколько каменныхъ офицерскихъ домовъ помѣщенія нижнихъ чиновъ и офицеровъ, — вотъ и вся крѣпость, а около нея, подъ горой, нѣсколько офицерскихъ саклей. Кругомъ же — голая степь и ни признака растительности. „Песокъ

да камень, пишетъ Шевченко; хоть бы травка, хоть бы деревцо, — ничего нѣтъ!.. Смотришь, смотришь да такая тебя тоска возьметъ, просто хоть удавись, да удавиться нечѣмъ...."

Вотъ въ эту то пустыню и былъ присланъ Шевченко, а въ препроводительной бумагѣ говорилось: считать рядоваго Шевченко записаннымъ въ солдаты за политическія преступленія, и имѣть за нимъ особый надзоръ: не дозволять ему ни писать, ни рисовать, ни даже имѣть при себѣ какія либо письменныя или рисовальныя принадлежности. „Помѣстили его въ казарму, разсказываетъ бывшій его начальникъ (изъ доброжелательныхъ), приставили для надзора за нимъ особого дядьку изъ солдатъ, стали водить на фортовыя роботы, на мунштру. Все это для Шевченко, хотя онъ былъ не изъ нѣженекъ, ~~что~~ и не изъ баловней, ~~[illegible]~~ было тѣмъ тяжелѣе, что, на бѣду свою, онъ попалъ подъ начальство ~~[illegible]~~ П-ва. Необразованный, не сердечный.... часто ~~[illegible]~~ грубый и строгій былъ этотъ человѣкъ.... Донималъ онъ Шевченко не тѣмъ, что не дѣлалъ для него исключеній или послабленій, о чемъ тотъ и не помышлялъ, — а всякими мелочными да просто таки ненужными придирками, — точно онъ будто бы надсмѣивался надъ человѣкомъ и безъ того уже терпѣвшимъ. То бывало, ни съ того, ни съ другого, начнетъ у него выворачивать карманы, чтобы посмотрѣть, нѣтъ ли у него тамъ карандаша, либо чего писаннаго или рисованнаго. То станетъ издѣваться надъ нимъ за несовсѣмъ громкій и солдатскій отвѣтъ на вопросъ, или за опущенные внизъ при этомъ глаза и д. т. д. Но больше всего онъ изводилъ Тараса требованіемъ тонкой выправки, маршировки и ружейныхъ пріемовъ, которые составляли тогда идеалъ солдатскаго образованія, и которые Тарасу, при всемъ даже его стараніи, не давались никакъ!.. „Не постичь мнѣ этой премудрости, — хоть тутъ ложись и помирай!" съ отчаяніемъ говаривалъ бывало послѣ ученія бѣдняга самъ неоднократно мнѣ. Да и дѣйствительно, стоило только на ученьи взглянуть бывало на его фигуру подъ ружьемъ, чтобы васъ разобрали и смѣхъ и горе! Ну, видимо, что человѣкъ совсѣмъ какъ есть, неспособенъ къ тому!.." Вполнѣ согласно съ этимъ и Шевченко въ дневникѣ своемъ, вспоминая недавнее прошлое, пишетъ: „съ трепетнымъ замираніемъ сердца я всегда фабрилъ усы, облачался въ броню и являлся передъ лицо отца-командира сдать экзаменъ въ пунктахъ, ружейныхъ пріемахъ

и в заключение выслушать наставление о том, как должен вести себя бравый солдат: любить Бога и своих начальников, начиная с дядьки и капрального сержанта"....

Ввиду такой грубости и суровости близкого начальника, невольно возникает тревожный вопрос, не подвергался ли Шевченко и более тяжелым, позорным взысканиям. Прямых и несомненных указаний мы не имеем; однако можно привести три случая, оставляющих этот вопрос по меньшей мере, под большим сомнением. Так некто М-ев рассказывает, что Шевченко, будто бы прислал из ссылки одной своей знакомой портрет, на котором нарисовал себя без рубашки, только в нижнем платье, с заложенными на голову руками, у ног его лежит солдатская амуниция, а с боков два солдата с поднятыми палками, внизу подпись: „от як бачите!" Затем существует еще другой рассказ, что будто бы в одном из писем Шевченко к Лидорову было нарисовано карандашом (и затем стерто), как унтер-офицер колотит Шевченко-солдата тесаком, а внизу подпись: „от так тоби". Наконец Лесков передает со слов самого Шевченка, будто бы Перовский, смягчивший Обручева, позволил себе даже самолично ударить поэта по лицу. Вообще, все эти сообщения остаются в области „будто бы", так как у самого Шевченко мы не находим подтверждения их ни в переписке и дневнике, ни в сочинениях. Может быть, в том дневнике, который он сжег (если еще и это не миф) мы бы и нашли страшную запись о позорных ударах Перовского и ему подобных, но все это только „может быть". Появившиеся в последнее время воспоминания о экзекуции поэта в сенях также молчат о подобных фактах. Скажем еще несколько слов об отношении Перовского к Шевченко. Им стоящие во главе управления краем и от него, конечно, зависимые будут ли низшие начальники взыскивать с Шевченко строго „без послабления", или станут делать ему всякие „послабления". Но на этот счет мы имеем два разноречивых свидетельства. Кроме приведенного выше самого подробного факта и собственноручной расправы, рассказывают еще, что однажды на столе в кабинете Перовского был замечен один из более удачных его степных рисунков; невзрослые друзья поэта рассчитывали, что они обратят на рисунок внимание и спросят, кто его рисовал и таким образом дадут возможность покровительствовать и дальнейшему

художникъ. Перовскій же, замѣтивъ рисунокъ, тотчасъ догадался, чей онъ, бросилъ его на полъ и сказалъ окружающимъ, чтобы они не смѣли напоминать ему объ этомъ негодяѣ. Съ другой стороны, Тургеневъ, въ своихъ воспоминаніяхъ о Шевченко, разсказываетъ нѣчто другое: какой то черезъ мѣру усердный генералъ, узнавъ, что Шевченко, несмотря на запрещеніе, нарисовалъ два-три эскиза, почелъ за долгъ донести объ этомъ Перовскому; но тотъ, грозно взглянувъ на усерднаго доносителя, значительнымъ тономъ промолвилъ: „генералъ, я на это ухо глухъ; потрудитесь повторить мнѣ съ другой стороны то, что вы сказали." Генералъ понялъ, въ чемъ дѣло, и, перейдя къ другому уху Перовскаго сказалъ ему нѣчто вовсе не касавшееся Шевченко.x)

Съ 1853 года положеніе Шевченко значительно улучшилось. Ротнаго командира, задавшагося цѣлью сдѣлать изъ него „образцоваго фрунтовика", перевели на другое мѣсто, его стали освобождать отъ тяжелыхъ работъ, даже отъ службы и призывали только въ экстренныхъ и необходимыхъ случаяхъ; онъ могъ жить внѣ казармы и цѣлое лѣто проводилъ обыкновенно на огородѣ каменданта, у котораго и обѣдалъ. Мало по малу съ нимъ перезнакомилось и сошлось все офицерское общество, такъ что его сослуживецъ-землякъ, солдатъ Оберемeнко, котораго Шевченко долго не могъ вызвать на разговоръ, говорилъ ему: „я самъ бачу, що ми свои, та не знаю, якъ до васъ приступиты; бо ви все то зъ офицерами, то зъ ляхами, то що." Такимъ образомъ самый тяжелый путь былъ пройденъ въ первые два три года пребыванія въ Новопетровскомъ укрѣпленіи. Но что нашелъ Шевченко въ обществѣ, перемѣнившемъ, въ концѣ концевъ, отчужденность на пріязнь и принявшемъ его, какъ своего человѣка? Это общество состояло человѣкъ изъ сорока, пятидесяти, считая не только всѣхъ офицеровъ съ женами, но и купцовъ съ чиновниками. „Днемъ, бывало, разсказываетъ бывшій его комендантъ, дѣлаемъ ученія, совершенствуя шагистику и ружистику, производимъ фортовыя работы, а по вечерамъ собираемся больше по семейнымъ домамъ, играемъ въ шашки, лото, профарансъ и фаламъ.... Иногда ѣздили на охоту.... Пѣвали по праздникамъ и въ церкви на клиросѣ; а то, когда у насъ впослѣдствіе составились изъ офицеровъ и солдатъ два маленькія оркестра, то случалось, что и танцовали и даже устраивали любительскіе спектакли въ пустопорожнемъ казармѣ...."

x)

Въ Воспоминаніяхъ Усковой, дочери бывшаго каменданта, мы находимъ подтвержденіе этого факта.

Народная мудрость учит: „с волками жить по волчьи выть". Хотя мы думаем, что наш читатель не разделяет этой ~~рабской~~ мудрости, однако спрасим, что действительно мог узнать в этом обществе Шевченко, потерявший всякую связь с людьми, лишенный да предписаний Новопетровского укрепления, и лишенный даже возможности поддерживать дружескую корреспонденцию с бывшими приятелями? Или должен был отстраниться от него или ... „по волчьи выть", но отстранится это значило возвратиться в казарму и в продолжение еще пяти лет терпеть жестокую николаевскую муштру и, в конце концов, действительно превратится в „образцового фрунтовика", т. е. в живую, движущуюся по всем правилам искусства, машину. И Шевченко вошел в общество и стал жить его жизнью. „Я уже успел сообщить вам, продолжает свой рассказ бывший ротный командир, что с 1852 г. Шевченко стал все больше и больше входить в наше маленькое общество, которое так, наконец полюбило его, что без него не затевали, бывало, уже ничего, — были то обеды ли ужины по какому либо случаю, любительский спектакль или пирушка на охоту, простое какое либо сборище холостяков, или хоровое пение". Не хочется ли ротный командир сказать, что он стал „душею" нашего общества, как это было некогда в Петербурге и в особенности на родине среди земляков? Мы прекрасно понимаем, что Шевченко, как чрезвычайно богато одаренный человек, мог служить украшением любого общества. Но „душею" общества, как у нас принято выражаться, становится только тот, кто идет на встречу стремлениям и желаниям данного общества; кто лучше всего умеет достигать интересов его. Чтим все ли Новопетровское общество, мы знаем. И так Шевченко разделял разговоры и рассказы скучающих офицеров и женщин, прорывавшиеся на пустынном берегу Каспия, сами недели дышать; а рассказывать он был мастер, когда чувствовал себя в духе: „и не нашему брату, простому офицеру, заштатному ротному, было бы не только приятно, но, можно сказать, и полезно посещать его". „Редкие тихие, редкая прогулка, читается в „Дуруй воспоминаний, совершались без его участия и в часы хорошего расположения духа не было конца его шуткам и остротам". Он поет задушевным голосом украинские песни, мастерски танцует трепака, восхищает всех в роли Расплюева и т. д. Правда, он в карты решительно не может играть, но за то в „дуруй" не менее важного дела Новопетровского общества урегулировать, подвигается успешно; этот успех, а он был также необходим, чтобы стать „душею" — обошелся ему особенно дорого. Ново-

петровские офицеры тоже, как настоящие „сочагоредцы" и требовали того же от своего сотоварища. „Фаф, знаете, стали выходку я, разрождает ротный, как в три ночи вздохнуть свежего воздуха. Только вдруг слышу пение. Надел я шапку, взял с собою фузею, да и пошел по направлению к офицерскому флигелю, откуда неслись голоса. И что же, вы думаете, вижу? Четверо несут на плечах дверь, снятую с петель, на которой лежит два человека, покрытые шинелью, а остальные идут по сторонам и поют: „Святый Боже, Святый крепкий!" Точно хоронят кого. „Что это вы, господа, офицера спрашивают их?" „Да, вот, говорят, цуценка у нас Бима, на которой две наших, Тарас да поручик Б., умели косарем, — ну вот, мы их и разносим по домам"... Такие грандиозные „цуценки" устраивались, конечно, нередко, но это нисколько не мешало маленьким, когда человек находил, по выражению ротного командира, „пар шерг", быть новичкам обычным времяпрепровождением. Одни хотели сорвать пар с нашего народного пара — „образцового фрунтовика", другие — „уму" своего общества, а, в конце концов, пьянству, — но ни тех, ни других не могли оградить от него. Они до конца своей жизни остался тем, чтим был на самом дне, а не тем, каким его сделать. Но все эти покушения на его талант и личность не могли пройти бесследно; в борьбе с ними он растерял много душевных и физических сил. Не всегда, однако, Шевченко готов был разделять фаворное времяпрепровождение новопетровских обывателей. Находит и на него „худой стих", как выражается бывший ротный командир. „Тогда хоть и назови его, говорит он. Сядет себе, хмурый-хмурый, да молча рисует или читает что-нибудь, а то, бывало, и пройдет как сядет, точно умерший, на месте, в какой-нибудь пустынной норе, да приворотившись, глядит куда-то вдаль"... Ясно, что это вовсе не в „худой стих", а в тот, что человек от горя до времени отчаивается на жизнь и ужасается. В письме к Бронеславу Залескому (от 10 фр. 1855 г.) Шевченко пишет: „Верь ли, иногда находит, что я и кости свои здесь положу, иногда просто одурь на меня находит, такая скучная, кровавая, сердечная боль, что я себе места не нахожу, и чтим дальше, тем больше эта отвратительная тоска усиливается. И что сказать: видеть перед собою постоянно эти тупые и в добавок пьяные головы — человеку и более сильному не мудрено с ума сойти; и я в самом деле опасаюсь видеть конец моим жестоким испытаниям". От тупых и пьяных голов Шевченко искал спасения в

восьми лет, кажется можно бы было приучить себя ко всякой неудачам и несчастиям, ничего не бывало... Настоящее горе так страшно потрясло меня, что я едва владею собою. Я до сих пор еще не могу прийти в себя ..." „Объяснительное помилование по случаю коронации, говорит он в другом письме, у нас еще ничего неизвестно. Я не ласкаю себя никакой надеждою. Чтоб и как я могу уничтожить предубеждение В. А. (Вас. Алек. Перовского)? Есть у меня на это оправдания, но я не смею привести их в исполнение. Необходимо, чтобы В. А. спросил у графа Орлова, на чей счет я воспитываюсь в академии и за что мне запрещено рисовать? Словом, чтобы граф Орлов пояснил мою темную конфирмацию. Но кто легко разстается со своими предубеждениями?..." Дело приняло сразу другой оборот, когда до хлопот об освобождении поэта-художника приступила графиня Толстая и ее муж, бывший тогда вице-президентом Академии художеств. Эти добрые люди оказались достаточно влиятельными и энергичными, на них пало их было обращено внимание и велено пересмотреть дело о ряд[овом] солдате Шевченко. Уже в 1855 г. некто художник Осипов, по поручению графа Толстого, писал нашему изгнаннику. „Граф Ф. П. Толстой поручил мне уведомить вас, что он искренно сожалеет о вашем несчастии и душевно рад употребить всех зависящих от него средства для облегчения вашей участи, если только степень вашего преступления не будет непреодолимым препятствием. Начало уже сделано." Затем уже сама графиня пишет: „торопясь отвечать вам (на письмо Шевченко к Осипову)... и просить вас принять в душу отрадную весть-надежду.... Вперед все к лучшее будущее!..." Шевченко пишет ей отчаянные письма, умоляет спасти его, или еще один год и он погибнет. Но проходит целый год, поэт конечно не погибает, а графиня пишет ему все в том же тоне: „Все, что можно было сделать, сделано. Надеюсь в скором времени дать вам вести, а может быть увидимся с вами лично, а до тех пор да не возмущается душа ваша безрассудно!..." Друзья и знакомые, возлагавшие справедливые нарекания со стороны Шевченко за молчание, теперь, когда взор поэта обратился в благоприятную сторону, напомнили ему о своем существовании и своих чувствах письмами и присылкой денег. Наконец, в 1857 г. в письме от 2 мая Лазаревский сообщает ему великую весть о свободе: „Поздравляю тебя с великою царскою милостью, писал он. По просьбе гр. Толстой и по заведующему гр. Толстого ты получаешь отставку и избираешь сам себе город жительства." Но только 21 июня было получено официальное извещение об его освобождении, и он после томительного ожидания и приготовлений, которые состояли в покупке сухарей, сапог, стеганки, вперед в ожидании и шестиканного чайника, выехался наконец 2 августа из Новопетровска и, по приказу, в данному комендантом, направился через Астрахань в Петербург. Первым своим долгом он считал засвидетельствовать лично Толстым горячее чувство благодарности, и словом, заочно вызванным в нем их благородным заступничеством.

Глава IV. По возвращении из ссылки (1857–1861)

Поездка и привязанность – Невольная остановка в Нижнем Новгороде – Свидание с Щепкиным – Лёгкова – В Петербурге – Настроение – Альбединцы – Будничность – У сестры – Арест – Трехдневное пребывание в Киеве – Снова в Петербурге – Последние дни в крепости – На берегу Днепра и Невы – Освобождение родных – Вторая кратковременная ссылка – Вечера у Гудима-Левковича – Забавы и нарядные одеяния – Бульвары – Смерть. —

Двойное дарование Шевченко получило в личной его судьбе совершенно особенное значение. Поэзия, как он сам говорит, увела его до подневольной солдатчины; художество же, на обороте, вот уже второй раз высвободило его из неволи, по крайней мере, так ему обстоятельства с оборотной стороны. Первый раз оно вывело его из крепостной зависимости на дорогу свободной жизни и свободного творчества, а второй раз возвратило к свободной жизни в столицу из действительно и гибельно во всех отношениях проклятого в прикаспийской пустыне. Мало того, поэзия, эта "божья муза" вновь угрожала ему возможностью новых и новых более или менее суровых испытаний. Казалось, чего бы проще: забыть эту поэзию, из-за которой приходилось столько страдать, и отдаться всецело художеству. Но в том-то и дело, что истинный поэт творит, потому что он не может не творить, он не сообразуется с тем, что сулит ему его вдохновенный стих, его песня, – иное благополучие или страдание; он не может руководиться соображениями о пользе и удовольствии, ни в жизни, ни в творениях своих; он, попросту сказать, исполняет свой долг, возвышая народу правду, и в одной только правде и может соображать свои поступки. Шевченко был истинным поэтом и поэтому – тем он не мог отвернуться от своей музы и обратиться к тому, что повидимому обещало ему спокойное существование. И страдая, покрываясь нам, людям не посвященным в тайны поэзии, поэт не только не ропщет на свою музу, но всегда приветствует ее, как свою "пречистую" и "святую благодетельницу". "Мать ты повсюду помогала, говорит он, за мной ты повсюду приглядывала. В степи, безводной степи, в далекой неволе ты сидела, красовалась как цветочек в поле. Из грязной казармы ты выпорхнула чистой, святой птичкой и полетела надо мною, золотокрылая, запылала и словно живой водой окропила мою душу. И я ожил и ты горишь надо мною, во всей своей бодрой красоте!...." Не оставляй

меня, ~~просить онъ~~, ни днемъ ни ночью и учи меня говорить чистыми ушами правду"....." И муза не оставила его. Напротивъ, какъ бы почувствовавъ обновленіе общественной жизни, которымъ ознаменованы наши шестидесятые годы, она пытается еще шире развернуться. [Глубоко заблуждаются тѣ, кто вмѣстѣ съ одинъ изъ его біографовъ находятъ, что „сила и мощь его (Шевченко) великаго таланта", развернувшагося вполнѣ и достигшаго своего апогея въ первые два періода его поэтической дѣятельности, въ послѣдніе годы жизни поэта замѣтно стало ослабѣвать", что „поэтъ въ послѣднихъ своихъ стихотвореніяхъ выражается — несмѣло, прибѣгая иногда къ иносказанію"..... и т. д. Если Тургеневъ и говоритъ нѣчто подобное на основаніи нѣкоторыхъ стихотвореній, читанныхъ самимъ поэтомъ въ Петербургскихъ кружкахъ, то всякій, кто дѣйствительно знакомъ со всѣми произведеніями Шевченко, а не случайно слышанными отвергнетъ это свидѣтельство знаменитаго беллетриста. ~~Однако теперь онъ~~ [Получивши свободу, Шевченко] направился въ Петербургъ что-бы заняться при академіи художествъ гравированіемъ. О своемъ художественномъ талантѣ онъ былъ не особенно высокаго мнѣнія. „Живописцемъ-творцомъ я не могу быть, — читаемъ мы въ черновомъ наброскѣ письма къ Толстому въ дневникѣ, объ этомъ счастьи не разумно было бы помышлять; но я, по пріѣздѣ въ академію съ Божьею помощью и съ помощью добрыхъ и просвѣщенныхъ людей, буду граверомъ à l'aqua tinta и, уповая, на милость и помощь Божью и на ваши совѣты и покровительство, надѣюсь сдѣлать что-нибудь достойное возлюбленнаго искуства, распространять посредствомъ гравюры славу славныхъ художниковъ, распространять въ обществѣ вкусъ и любовь къ доброму и прекрасному." [На пути въ столицу Шевченко встрѣтилъ однако неожиданныя препятствія. Изъ Астрахани онъ поѣхалъ пароходомъ по Волгѣ, воспользовавшись приглашеніемъ своего стараго знакомаго, а теперь астраханскаго богача Сапожникова сдѣлать вмѣстѣ съ нимъ эту поѣздку. Они отправились на спеціально абонированномъ Сапожниковымъ пароходѣ, въ тѣсномъ кругу лицъ, сопровождавшихъ послѣдняго. Но по пріѣздѣ въ Нижній ему было объявлено, что дальше ѣхать онъ не можетъ и что ему придется даже отправиться назадъ въ Уральскъ за полученіемъ своей отставки. Кромѣ нарушенія этой бумажной формальности, обнаружилось еще одно болѣе существенное обстоятельство: свобода, получивши Шевченко, оказалась

ограничений; надзор тайной учреждался полицейский надзор и ему запрещалось проживать в столицах. Если бы не нижегородские знакомые, то, „ мне, говорит он, пришлось бы теперь скрыться за границей и ослушаться указа об отставке, или просто броситься в объятия красавицы Волги. Последнее, кажется, было бы легче." В ожидании приезда указа и результатов хлопот, предпринятых графиней Толстой, Шевченко решил оставаться в Нижнем. Здесь он скоро завел довольно обширный круг знакомых, в обществе которых и проводил большую часть времени; затем он занялся чтением: пробелов оказалось масса; рисовал портреты по заказу и радушия нижегородских достопримечательностей; поэзия также не оставалась в забросе -; тут были написаны первую тронул „Неофиты", посвященные М. С. Щепкину, к которому он питал самое нежное чувство дружбы. Легко представить себе, поэтому, радость нашего поэта, когда Щепкин написал, что хочет навестить его в Нижнем. [Под 21 декабря 1857 г. читаем в дневнике:] „ Сегодня получил письмо от М. С. Щепкина. Он сегодня выехал из Москвы и послезавтра я обниму моего старого, моего искреннего друга, как я счастлив этой не лицемерной дружбой! Не многим из нас бог посылает такую полную радость и весьма немногие из людей, дожив до семидесяти лет, сохранили такую поэтическую свежесть сердца, как М. С., счастливый патриарх и артист." ..... [Под 24 декабря:] „ Праздновал праздник и торжество - из торжеств! В три часа ночи приехал Михайло Семенович — Щепкин." [Под 29 дек.:] „ В 12 часов ночи уехал — от меня М. С. Щепкин ..... Шесть дней, шесть дней полной, радостно-торжественной жизни ..... [Под 30 дек.:] „ Я всё еще не могу притти в нормальное состояние от волшебно-очаровательного впечатления ..... Но я горд и лучезарен великого артиста стоит великий человек кротко-улыбающийся, друг мой единый искренний мой незабвенный Михайло Семенович Щепкин." ..... [Именно великие человеческие души во всей их простоте и непосредственности тянулись к поэту и он покорно, как любящий сын, выслушивал наставления старика: „ Погано, дуже погано, говорит он последний; ты, кажуть, дуже кутишь" ... Никакая полиция меня бы так не оскорбила .... Не набрасывай этого на свою натуру и характер! ... За дуже, за дуже подбодрял его Тарас Григорьевич. И кто знает,

какая бы из него выработалась сила, если бы вместо всевозможного рода „почемучек", с которыми судьба его сводила так часто, он встретил более долгое время в обществе Щепкина и ему подобных людей... На досуге в Нижнем Шевченко увлекся одной молодой девушкой, Пиуновой, начинающей тогда актрисой. В дневнике под 11 янв. 1858 г. читаем: „..... я вскоре почувствовал, что я ищу из счастливцев мира сего: М. С. Щепкин, уезжая из Нижнего, просил полюбить его милую п — ву и я буквально исполнил его дружескую просьбу"... Пиуновой было всего лишь 16 лет. Шевченко часто бывал в доме ее отца, доставал книги для молодой девушки, знакомил ее с хорошими людьми, восхищался игрой в театре и т. д. Она, повидимому, искренно увлекалась; тогда как ее „пугала его впечатлительность: сапоги, сшитые дегтем, умопомрачительная шубка и большая лисица на плечах". Однажды Шевченко приехал к Пиуновым, и сосредоточенный и серьезный. Она собиралась уходить. — Погодите, девчина, вернись сказать ей поэт! — Пустите, мне надо на репетицию: стемнело, так увидят. — Серденько мое, погодите. Девушка вернулась в комнату, где сидел и отец ее. — Вот и батько, сказал Шевченко и попросил позвать „матирь". По просьбе его все сели. — Дядя вот товарь, а вот купець, сказал он, указывая на девушку и на себя; батько и матинь, отдайте ее мне! Мать — старалась знаками вывести дочку из комнаты и так быстро бросилась вон из дому, крича: — Мне некогда, меня лошади ждут, спешу на репетицию.... Так кончилась первая серьезная попытка Шевченко-женитьбы; их будет еще несколько; но всякий раз мысль о женитьбе умиляет его только издали и при соприкосновении с действительностью — рассеивается как мираж. Мать отказа Пиуновой Шевченко затоскует. „Я совершенно не гожусь для роли любовника, пишет он в дневник. Она вероятно, приняла меня за помешанного, или просто за пьяного, и вообразила за мерзавца..... Как растолковать ей, что я ни тот, ни другой, ни третье, и что я не только театральный любовник, а искренний, глубокосердечный ее друг?!.. Он пишет встречи с нею, посылает ей книги, но она видимо избегает его; а книги присылает обратно, не читая. „Я вас люблю, пишет он ей по поводу этого последнего обстоятельства, и говорю это вам прямо, без всяких возгласов и восторгов. В их

слишкомъ умны для того, чтобы требовать отъ меня пылкихъ изъясненій въ любви; я слишкомъ люблю и уважаю васъ, чтобы употреблять въ дѣло пошлости, такъ принятыя въ свѣтѣ. Сдѣлаться вашимъ мужемъ для меня величайшее счастье, и отказаться отъ этой мысли будетъ трудно. Но если судьба рѣшила иначе, если я имѣлъ несчастье не понравиться вамъ и если возвращенныя мнѣ вами книги выражаютъ отказъ, то нечего дѣлать. Я долженъ покориться обстоятельствамъ....." [И Шевченко покорился обстоятельствамъ, хотя и не безъ протеста, выразившагося въ кутежѣ. Скоро онъ однако успокоился, у него „все, какъ рукой сняло." Его поразило, что Піунова, объ устройствѣ которой на харьковской сценѣ онъ хлопоталъ вмѣстѣ съ Щепкинымъ, не дождавшись отвѣта, заключила условіе съ Нижегородскимъ антрепренеромъ. Послѣ этого кассажа у него не хватило духу даже поклониться при встрѣчѣ своей „любой дивчины". „Я скорѣе простилъ бы ей, говоритъ онъ самое бойкое качество (не опечатка ли: кокетство) нежели эту мелкую несостоятельность, которая меня, а, главное, моего стараго знаменитаго друга, поставила въ самое неприличное положеніе." Шевченко начиналъ уже тяготиться своимъ пребываніемъ въ Нижнемъ: „Боже мой, читаемъ въ дневникѣ, какъ бы мнѣ хотѣлось вырваться изъ этой тухлой грязи!" Это онъ писалъ 11 февраля, а 25 получилъ изъ Петербурга извѣстіе, что ему разрѣшается проживать въ столицѣ и заниматься въ академіи художествъ. „Пріѣзжайте скорѣе, писала ему графиня Толстая; не могу больше писать: руки дрожатъ отъ нетерпѣнія и радости"..... Съ такимъ нетерпѣніемъ ожидала поэта незнакомая еще ему заступница. Что же сказать о земляхахъ, друзьяхъ и бывшихъ товарищахъ по ссылкѣ, людяхъ слышавшихъ о поэтѣ и т. д..... Всѣ они встрѣтили въ высшей степени радушно и восторженно возвратившимся изгнанника. Они знакомятъ его съ массой новыхъ личностей, осыпаютъ приглашеніями угощаютъ лукулловскими обѣдами, однимъ словомъ, овладѣваютъ имъ всецѣло. [„Боюсь, говоритъ онъ, какъ бы мнѣ не сдѣлаться ~~людской~~ модной фигурой"..... Въ душѣ онъ теперь менѣе, чѣмъ когда либо чувствовалъ склонность разыгрывать „льва" новомодныхъ, либеральныхъ гостиныхъ. Конечно встрѣчались и тамъ люди прекрасные, достойные, и съ ними случалось ему заговариваться до глубокой ночи; но въ общемъ, если судить по напечатанному дневнику,

нельзя не поражаться крайней бѣдностью общественнаго элемента во всѣхъ этихъ встрѣчахъ и знакомствахъ и убожествомъ или даже полнымъ отсутствіемъ высшихъ умственныхъ интересовъ. Это было — своего рода пустыня, правда, шумящая, волнующаяся, говорящая, но тѣмъ не менѣе всё таки пустыня для Шевченко; онъ сразу почувствовалъ, что красная фраза — не жизнь, а на личномъ опытѣ, убѣдился въ чемъ наше коренное несчастіе и гдѣ слѣдуетъ искать выхода. Журналъ „Основа" напечатавшій дневникъ, выпустилъ изъ него нѣкоторыя мѣста, „гдѣ рѣзко высказывается и его негодованія, и ненависть, и желчные приговоры, и насмѣшка; мы увѣрены, замѣчаетъ редакція, что поэтъ не упрекнулъ бы насъ за это....." Конечно не упрекнулъ бы; скорѣе, наоборотъ, онъ можетъ упрекнуть теперь, когда какой нибудь наивный читатель дневникъ въ томъ видѣ, какъ онъ напечатанъ за время пребыванія поэта въ Петербургѣ, будетъ думать, что Шевченко въ самомъ дѣлѣ такъ безобидно и охотно принялъ эту новую Петербургскую жизнь. Нѣтъ. Уже изъ замѣчанія журнала мы видимъ, что онъ протестуетъ, смѣется, негодуетъ и даже ненавидитъ. Кое какія отрывочныя и, къ сожалѣнію, крайне скудныя воспоминанія, прибавляютъ еще нѣсколько черточекъ къ этому негодованію. Вотъ онъ въ мастерской одного художника, среди колоссальныхъ статуй, приготовляемыхъ для памятника 1000 лѣтія россіи; здѣсь идутъ горячіе споры о достоинствахъ и недостаткахъ разныхъ историческихъ лицъ. Шевченко, въ началѣ сдержанный и тактичный въ своихъ рѣчахъ, начинаетъ съ обостреніемъ спора, всё больше и больше волноваться; онъ нервно ходитъ взадъ и впередъ, мрачно поводитъ изъ подъ густыхъ бровей своими свѣтлыми глазами. Наконецъ усталая отъ преній компанія „почтенныхъ" личностей расходится; тогда онъ выступаетъ съ своими протестами, сначала лаконическими, отрывочными и циничными, но которые чѣмъ далѣе, тѣмъ становятся горячѣе, стройнѣе, пламеннѣе.... „Гигантская статуя императора Петра I, какъ привидѣніе, просто давила его, такъ что, впадая въ паѳосъ, онъ оканчивалъ часто поэтической декламаціей, обращенною къ глиняной статуѣ императора. Много было въ его рѣчахъ преувеличеній и жолчи; но возражать ему въ такія минуты было невозможно...." Въ тѣхъ же „Воспоминаніяхъ" читаемъ, что онъ громилъ въ это время на право и на лѣво и Пушкиныхъ и Державиныхъ и проч.... Наконецъ, ему, повидимому, надоѣдали всѣ эти гостиныя, мастерскія и т. д., гдѣ „почтенные" люди съ

прибавленіемъ случайныхъ ~~захваченныхъ~~ захваченныхъ литераторовъ, занимались преніями, и онъ отправлялся въ трактирчикъ около биржи и здѣсь въ обществѣ иностранцевъ-матросовъ „тихій и кроткій" Шевченко приходилъ въ страшно возбужденное состояніе, бранилъ всё, и старое и новое, и со всего размаху колотилъ кулакомъ по столу.... Обратите также вниманіе на знакомство Шевченко съ извѣстнымъ въ то время трагикомъ Ольдриджемъ. Словно бурный вихрь вырывается изъ сердца поэта при встрѣчѣ дѣйствительно родственной души. Они познакомились у Толстыхъ. Часъ спустя между ними завязалась самая трогательная дружба; они сидѣли въ углу на диванчикѣ или ходили обнявшись по залѣ; любопытно при этомъ, что Шевченко не говорилъ ни слова по англійски и вообще не объяснялся ни на одномъ изъ иностранныхъ языковъ, а Ольдридеръ не зналъ по русски. Между тѣмъ они бывали другъ у друга и обходились безъ переводчика. Игра знаменитаго артиста приводила поэта въ какой то-иступленный восторгъ; съ однимъ изъ своихъ пріятелей онъ поднималъ въ театрѣ такую возню, гамъ и крикъ, что не только обращалъ общее вниманіе и вызывалъ протесты публики, но однажды даже заставилъ даму, пригласившую ихъ къ себѣ въ ложу, искать спасенія въ бѣгствѣ.... Или напримѣръ, по окончаніи спектакля въ уборной трагика можно было созерцать такую картину: „въ широкомъ креслѣ, развалясь отъ усталости, полулежалъ „король Лиръ", а на немъ, буквально на немъ, находился Тарасъ Григорьевичъ; слезы градомъ сыпались изъ его глазъ; отрывочныя, страстныя слова ругани и ласки сдавленнымъ громкимъ шепотомъ произносилъ онъ, покрывая поцѣлуями раскрашенное масляною краскою лицо, руки и плечи великаго актера...." Шевченко ѣхалъ въ Петербургъ съ твердымъ намѣреніемъ заняться гравюрой; но, какъ видно изъ дневника дѣло шло не особенно успѣшно, вслѣдствіе постоянныхъ отвлеченій отъ работы. Что же касается поэзіи, то и ею Шевченко занимался немного. „Собственно поэтическій элементъ, говоритъ Тургеневъ объ этомъ времени, въ немъ проявлялся рѣдко. Шевченко производилъ скорѣе впечатлѣніе грубоватаго закаленнаго, обширнѣйшаго человѣка, съ запасомъ горечи на днѣ души, трудно доступной чужому глазу, съ непродолжительными просвѣтами добродушія и вспышками веселости. Теперь чаще въ немъ начали проявляться приливы чудачества и кутежа." Затѣмъ малую производительность творческаго генія и безалаборную жизнь поэта

Тургенев приписывает отчасти тому обстоятельству, что хотя он и „успел стать в уровень с новыми идеями, но продолжал в его образовании оставалось всегда очень много." Мы не понимаем причин в данном случае образования. На первый план Тургеневу следовало бы поставить десять убийственных лет, растраченных поистине гражданином образом нашим народным поэтом в солдатской шинели. А дальше, по правде говоря, мы не можем также признать особенно большой разницы между такой безрассудной жизнью, с ее „чудачествами и кутежами", наподобие описанною Шевченко и уточненной „светской" парижской жизнью, изображенной Тургеневым. Наконец, в одном стихотворении поэт сам говорит, что-дурь-вовсе не в его, якобы больших, а в том, что люди его видят что-то такое, а серце ему рвет, болить и плаче и не стить словно некакульменное дитя. Вкрадчиво, оно рвет чего-то недобрано, тяжкого..., „добра не жди," восклицает он затем, как бы прорываясь среди всеобщего возбуждения, что-не всё будет так хорошо, как казалось тогда восторженно настроенным людям. Такого образа мысли, никакой дурь у Шевченко не сторилась, а время уходило. Наконец, весною 1859 г. ему удалось вырваться из Петербурга. Он отправляется на родину и проводит несколько дней у сестры Ирины и братьев. Давно они не видались. У него промелькнули в голове тяжелые годы одиночества, тюрьма, унижения и тяжелых лишений. А как же проходила это время она, его любимая сестра. „Разскажи, сестра!" И вот начинается длинный и скорбный разсказ крестьянки про свою безталанную судьбу. А он, положивши голову ей на колени, слушает и время от времени прерывает её словами: „Ага-ага! Так, сестро-так!" Так, именно так он представлял себе всё, когда думал об ее горькой доле. „Напилась я в воду, разсказывала потом Ирина, тоже не договорила ей конца, — как умер мой муж." Тут Шевченко-подумал, посмотрел на небо, перекрестился и сказал: „Молись сестра, молись! И ты свободная и я свободен!" (У Ирины был муж пьяница). Разсказ терзал серце, — Ирина, как и братья его, всё еще оставались крепостными и барщинный труд отягощал их и без того нелегкое существование. В прекрасном стихотворении посвященном сестре, вылился его горькое чувство в виду контраста между тем, что могло бы быть и что было на самом деле. И как больно ему сейчас! Он слышит, как сестра его спокойно-отдыхает

„у тенному садочку, подъ вишнею, у холодочку" и высматриваетъ его, брата; а онъ плыветъ къ ней въ челнѣ по Днѣпру. „Мій братику! Моя ты доле!" кричитъ она радостно ему.... Но, увы, „мы проснулись, говоритъ поэтъ: ты на панщинѣ, а я въ неволи!...." И дѣйствительно, поэтъ скоро снова попалъ въ неволю, и самое стихотвореніе: „Сестри" написано во время этого кратковременнаго ареста. Вотъ какъ это случилось.... Отъ сестри Шевченко, измученный всѣмъ видѣннымъ и слышаннымъ, поѣхалъ къ родственнику Варфоломею Шевченко, что бы у него среди простой и не раздирающей душу обстановки отдохнуть нравственно. Онъ прожилъ у названнаго брата около двухъ мѣсяцевъ, предпринимая лишь по временамъ поѣздки для отысканія себѣ подходящаго усадебнаго мѣста, такъ какъ въ это время онъ серьозно уже рѣшилъ устроить собственное гнѣздо на берегу Днѣпра. За Шевченко, какъ находившимся подъ надзоромъ, приказано было конечно слѣдить; а между тѣмъ онъ не особенно осторожничалъ въ своихъ рѣчахъ. На него скоро былъ сдѣланъ доносъ, что онъ непочтительно отзывается о монахахъ или о полиціи, что то въ этомъ родѣ, и полиція стала его розыскивать. Узнавши случайно, что Шевченко находится у Максимовича на Михайловой горѣ, становой приставъ отправился туда. Онъ пріѣхалъ во время обѣда и хотѣлъ тотчасъ же арестовать „дорогого" гостя, не давши ему докончить обѣда; но хозяинъ упросилъ его обождать, когда онъ отъ него уѣдетъ: „Чтобы не у меня въ домѣ", шепталъ онъ приставу въ передней. Добржинскій (приставъ) ушелъ и сдѣлалъ на поэта засаду у Днѣпра. Едва Шевченко успѣлъ отплыть на нѣсколько саженъ отъ берега, какъ становой налетѣлъ на него, пересадилъ ~~на своего дуба~~ въ свою лодку[1] и отвезъ въ становую квартиру.... Затѣмъ его представили на ~~дверяхъ~~ допросъ къ жандармскому офицеру. „Про васъ говорятъ, что вы богохульствуете", спрашиваетъ тотъ. „Можетъ быть и говорятъ, — отвѣчаетъ Шевченко: относительно меня можно всякую всячину плести, такъ какъ я человѣкъ патентованный, а вотъ про васъ вѣрно ничего не говорятъ...." Въ концѣ концовъ его повезли къ генералъ губернатору въ Кіевъ. Выслушавъ объясненіе Шевченко, онъ велѣлъ освободить его изъ подъ ареста. „Поѣзжайте отсюда скорѣе въ Петербургъ сказалъ ему князь Васильчиковъ; тамъ, стала, люди болѣе развитые и не придираются къ мелочамъ изъ желанія выслужиться на счетъ ближняго". Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ позволилъ ему пробыть въ Кіевѣ, сколько будетъ нужно. Интересны и характерны

1) ~~Чинъ~~

некоторыя подробности изъ трехлѣтняго пребыванія поэта въ Кіевѣ, отъ генералъ губернатора онъ отправился прямо разыскивать себѣ квартиру (онъ не нашелъ уже своихъ друзей*). И вотъ на Крещатикѣ [illegible] попалась ему одна „хата", бѣлая какъ снѣгъ, садомъ обросшая, и на дворѣ суетящая дѣтскія рубашки рукавами помахивающая, словно не себѣ развѣшаютъ. "Такую-то именно хату ему и нужно. У него нѣтъ ни копѣйки денегъ и онъ проситъ хозяйку удержать и кормить его въ долгъ. „Кто-же вы такой?" спрашиваетъ она. „Человѣкъ себѣ, какъ видите" — отвѣчаетъ невозмутимо поэтъ. Хозяйка, пораженная вѣроятно такой откровенностью, приняла его. Скоро она, конечно, узнала, кто такой былъ ея случайный квартирантъ. Онъ велъ здѣсь, можно сказать, самый примѣрный образъ жизни. Вставалъ въ 4 часа утра, чтобы поспѣть къ раннему утру; а въ роскошныя украинскія ночи ходилъ иногда до зари по двору: его не пускали въ комнату „нечистивыя зоренькой"... Любовался на дворъ, выпустивъ изъ собственноручно изъ колодца ведра свѣжей воды... На самую простую птицу, а тѣмъ обѣдая разорялся подъ яблонями и сливами дѣтей „на разумову". (Корректура) Какъ только они засѣдали, дѣти по условію должны были тихо удалиться. А разъ созвавъ въ покоятныя ребятишекъ, онъ устроилъ цѣлый пиръ, на день рождѣнія случайно найденнаго въ грязной бѣлѣ и за обѣртками книгъ. Хотя онъ зрѣлъ въ это время въ долгъ, на „дурныя хроматы" рѣшился онъ, должно быть и „дурна дорога". И устроилъ дѣтское пированье на славу; накупилъ массу лакомствъ, прибралъ дворъ, высыпалъ свѣжей травой и сѣлъ забавляться съ своими гостями. Вѣроятно, у него никогда не собиралось такъ много и такихъ веселыхъ гостей.... Наконецъ хозяйка ихъ выпроводила со двора; захвативши съ собою цѣлый возъ яблоковъ, грушъ, пряниковъ, бубликовъ и пр. Они перебрались на выгонъ. Здѣсь Шевченко почувствовалъ себя еще свободнѣе; онъ бѣгалъ, суетился, хохоталъ, дурачился, и взрослые солидные люди, смотря со стороны, говорили: „этотъ старый, вѣроятно, того..... вѣроятно, немного не въ своемъ умѣ....."

Но самое любопытное во всемъ этомъ эпизодѣ поэта въ Кіевѣ то, что благородные люди не внушили его здѣсь тотчасъ-же. Можетъ быть, въ этомъ послѣдующемъ обстоятельствѣ совѣсть не слишкомъ-бы упрекала, такъ какъ произведенія Шевченко, не его отношенія къ людямъ не носятъ на себѣ никакой

шаго отпечатка его гибельнаго пристрастія; само-
же къ себѣ оно находитъ полное объясненіе въ его
злополучной жизни. „Муза Шевченко, говоритъ Костомаровъ,
не принимала на себя ни разу печальныхъ слѣдствій,
разстраивавшихъ тѣлесный организмъ поэта; она всегда
оставалась чистой, благородной, любила народъ, скорбѣла
вмѣстѣ съ нимъ о его страданіяхъ и никогда не грѣшила
неправдою и безнравственностью." Къ сожалѣнію,
многочисленные „друзья", напаивавшіе Шевченко при
жизни, не оставили въ покоѣ и его многострадаль-
ной тѣни; они въ своихъ сочиненіяхъ воспомина-
ніяхъ рѣчахъ и т. п., точно съ какимъ то удоволь-
ствіемъ, отмѣчаютъ факты его нетрезваго поведенія;
одинъ изъ нихъ даже на могилѣ поэта не постыдился
напомнить, что покойный „горилкою впывався дуже"
и тутъ же учитывая во славу его, а другой называетъ
даже самую музу его пьяною. Неразборчивые же
біографы всё валятъ въ одну кучу; такъ, читая одну
изъ наиболѣе подробныхъ біографій вы насилуемо
недоумѣваете, зачѣмъ ~~это~~ автору понадобилась вся
эта коллекція фактовъ, позорныхъ въ концѣ концовъ,
вовсе не для поэта, такъ какъ образъ его остается
всетаки чистымъ, даже по мнѣнію того же біографа,
а для самыхъ коллекціонеровъ, выдающихъ свои
вкусы.... Это то обстоятельство и заставляетъ
насъ говорить о злополучномъ порокѣ Шевченко.
И такъ, среди простой обстановки, природы,
дѣтей, его не видятъ пьянымъ; но тотъ же Шевченко
предается излишествамъ не только среди записныхъ
„мочемордъ", но даже и въ кругу своихъ интелли-
гентныхъ петербургскихъ, Кіевскихъ и иныхъ знакомыхъ
и друзей.... Мы думаемъ, что „ларчикъ просто
открывается"; за исключеніемъ отдѣльныхъ интелли-
гентныхъ людей, Шевченко и въ этомъ „избранномъ"
кругу было „нудно", какъ выражаются малороссы,
и нерѣдко вѣроятно онъ уходилъ изъ гостинной
господъ Максимовичей et tutti quanti въ дворницкую
или крестьянскую хату, 287 ужасающій контрастъ
поражалъ его и онъ не находилъ исхода своимъ чув-
ствамъ и мыслямъ..... А люди гостиныхъ говорили:
закутилъ нашъ „любый" поэтъ; къ своему же собствен-
ному положенію крѣпостниковъ они были не чутки,
ихъ не поражали контрасты.... Они соблюдали
свою чистоту.... Получивши деньги, Шевченко разсчи-
тался съ своей хозяйкой и отправился въ Петербургъ.
Но Петербургъ теперь уже не прельщалъ его. Онъ просто
слѣдовалъ благоразумному совѣту, который далъ ему

73

генералъ-губернаторъ. Пріѣхавши же Чуда онъ начинаетъ тосковать и снова рваться на родину. Поэту было уже 45 лѣтъ. Онъ, вѣчный скиталецъ, усталъ. Онъ искалъ теперь покоя и пріюта, въ которомъ такъ долго отказывала ему судьба. Признанный пѣвецъ своего народа, смѣшно сказать, незналъ куда ему голову преклонить. Его пріютила академія художествъ, гдѣ онъ, точно на бивуакахъ, расположился на антресолях. Но вѣдь не вѣчный же это былъ пріютъ. Наконецъ вести постоянно бивачную жизнь тяжело и человѣку не его лѣтъ. А затѣмъ эти гостиныя, эти разговоры, праздные разговоры, эта вѣчная сутолока и въ результатѣ эти приступы, опасные и вмѣстѣ съ тѣмъ роковые при данныхъ условіяхъ приступы разгула, всё это становилось невыносимо. Долго поэтъ искалъ своей доли и въ этихъ поискахъ блуждалъ, боролся и страдалъ въ лабиринтахъ русской культурной жизни; исходивши её вдоль и поперегъ, онъ наконецъ рѣшилъ. Онъ оставитъ шумный свѣтъ. Онъ возвратится туда, откуда пришелъ: тамъ, на берегу Днѣпра онъ построитъ себѣ хату и будетъ жить среди своего народа. Конечно, онъ и тамъ будетъ продолжать дѣлать свое дѣло, пѣть чудныя пѣсни и будить уснувшую мысль. Жизнь съ народомъ возвратитъ ему прежнюю силу и бодрость, а расширенная тяжкимъ опытомъ и усиленной работой мысль еще глубже проникнетъ въ существо народной жизни. Вообще рѣшеніе поэта переселиться на берега Днѣпра и жить среди народа, мы должны привѣтствовать, какъ въ высшей степени благодѣтельный поворотъ въ его жизни. Онъ усталъ, говорятъ намъ. Было отъ чего, отвѣтимъ мы. Но тяжкія испытанія не убили въ немъ творческой силы и способности „благовѣстить жечь сердца людей"... И кто знаетъ, какія бы пѣсни мы услышали изъ устъ его, если бы ему довелось осуществить свою мечту и пожить въ своей хатѣ надъ Днѣпромъ.... „Слава мнѣ не помогаетъ, пишетъ онъ Варфоломею Шевченко, и если, думается мнѣ, я не заведу собственнаго очага, то она меня и въ другой разъ погонитъ туда, куда Макаръ телятъ гоняетъ ~~часто~~ часто. Такъ или иначе, а необходимо же куда-нибудь приклониться. Въ Петербургѣ я не выжиду; онъ меня задавитъ. Тоска такая, что пусть Богъ хранитъ отъ ~~насъ~~ нея всякаго крещеннаго и некрещеннаго человѣка"..... И онъ торопитъ своего друга съ покупкой мѣста подъ усадьбу. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ осмотровъ и попытокъ купить они остановились

наконецъ на мѣстѣ возлѣ Канева на правомъ берегу Днѣпра. Тамъ на высокой горѣ, пишетъ ему Варфоломей Шевченко, есть лѣсочекъ, посрединѣ того лѣсочка полянка; далеконько отъ города; внизу нѣсколько рыбачьихъ хатъ. На горѣ очень много дикихъ яблокъ и грушъ; можно будетъ садокъ развести. Любый стараденный Днѣпро будетъ казаться тебѣ подъ самыми ногами. Криничная вода недалеко, а рыба каждое утро будетъ свѣжая, такъ какъ рыболовы ~~будутъ~~ повезутъ её въ городъ мимо твоего порога"... Такова была идилія Шевченко и она, казалось, близилась къ осуществленію. Скоро надъ этой горой дѣйствительно былъ водруженъ крестъ, не тотъ, который ставятъ плотники при постройкахъ, а печальный могильный крестъ..... Но одинокая бобыльская жизнь даже въ хатѣ надъ Днѣпромъ не могла особенно привлекать Шевченко; онъ не вынесъ бы одиночества. Отсюда понятна настойчивость и торопливость, съ какой онъ хочетъ, во что бы то ни стало, „одружиться." Онъ ищетъ, очевидно, уже не жену — подругу, а просто хозяйку; поэтому то и неудачи не особенно задѣваютъ его. Начинаетъ онъ съ Хариты, крѣпостной дѣвушки, служившей по найму у Варфоломея Шевченко; онъ спрашиваетъ въ письмѣ, не сватаетъ ли её кто, если нѣтъ, то пусть онъ выпытаетъ у нея, не пойдетъ ли она замужъ за него. Пріятель былъ озадаченъ такимъ выборомъ и пытается убѣдить его, что Харита ему не пара: „Человѣкъ ты письменный, — пишетъ онъ поэту, дѣло твое такое, что живучи надъ Днѣпромъ въ одиночествѣ, только съ женою, ты почувствуешь, можетъ быть, когда нибудь надобность похвалиться передъ женою, что вотъ тебѣ пришла такая то мысль, что вотъ что ты написалъ, да и захочешь прочесть ей. Что же тебѣ скажетъ Харита?... Тогда ты еще больше затоскуешь.... Или если Богъ дастъ дѣтокъ, кто же покажетъ имъ дорогу?..." На это поэтъ отвѣчаетъ: „твои разсужденія хороши, спасиба тебѣ! ты только забылъ одно; я по плоти и духу сынъ и родной братъ нашего безталаннаго народа, такъ какъ же я могу соединиться съ..... панскою кровью? Да и что такая образованная барышня будетъ дѣлать въ моей мужичьей хатѣ.... Мать — при всякихъ условіяхъ мать: если она любящая и разумная, то и дѣти выйдутъ въ люди.....; если же она, хотя бы и образованная, но лишена разума и сердца, то и дѣти выростетъ негодяемъ, всё равно какъ въ шинкѣ".... Онъ настоятельно и не въ одномъ

письмѣ, проситъ друга, чтобы тотъ устроилъ дѣло въ его пользу, а иначе угрожаетъ жениться на такой „шарети" что и ему стыдно станетъ. Однако Харита заупрямилась: она считала Шевченко за пана и боялась, что тотъ, хотя и выкупитъ её, чтобы жениться, но затѣмъ закрѣпоститъ на весь вѣкъ. Поэтому Харита оставлена, хотя и не безъ сожалѣнія; поэтъ проситъ высмотрѣть для него другую дивчину, даже вдову, лишь бы „чесного роду." И не одному только названному брату онъ даетъ такія порученія. Раньше онъ о томъ же просилъ жену Максимовича „Жените, проситъ онъ её, будьте такъ добры, а то, если не жените, то и самъ Богъ не женитъ, такъ и пропаду бурлакомъ на чужой сторонѣ"..... Наконецъ самъ поэтъ встрѣтилъ у знакомыхъ въ Петербургѣ одну дѣвушку, хахлушку, крѣпачку и сироту, т. е. именно то, что ему было нужно, и остановилъ на ней свой выборъ. Лукерья — такъ звали её — была очень миловидной, дѣвушкой, но лѣнивой, неряшливой и необыкновенно вѣтренной. Ей не нравился Шевченко, „старый та сердытый", но она готова была выйти за него замужъ, потому что считала его богачемъ. Шевченко объявилъ её громогласно своей невѣстой, возилъ даже къ Графинѣ толстой, помѣстилъ на отдѣльной квартирѣ, причемъ господа боялись отпустить дѣвушку и онъ присѣвши къ столу, тутъ же написалъ экспромтомъ стихотвореніе:

Моя ты любо! Мій ты друже!
Не'ймутъ намъ виры безъ хреста,
Не ймутъ намъ виры безъ попа,
Рабы, невольныкы недужи!....."

Онъ сталъ обшивать её и дарить ей разные подарки. Однако недолго продолжалось это увлеченіе. Неряшливость Лукерьи страшно бѣсила его и привела, въ концѣ концевъ, къ полному разрыву. Эта неудавшаяся женитьба закончилась слѣдующимъ траги-комическимъ объясненіемъ въ присутствіи постороннихъ людей.

— Лыкеро, говоритъ поэтъ, скажи правду, обращался ли я когда нибудь съ тобою вольно? — Нѣтъ, тихо отвѣчаетъ та, потупившись. — А, можетъ быть, я сказалъ тебѣ когда какое-нибудь неприличное слово? — Нѣтъ.... Тогда онъ вдругъ поднялъ кверху обѣ руки, затопалъ ногами и не своимъ голосомъ, въ исступленіи закрычалъ: — Такъ убирайся же ты отъ меня!... — иначе я задавлю тебя!.... Лукерья стрѣлой вылетѣла изъ комнаты. Поэтъ однако не примирился съ своими неудачами и до самой смерти, повидимому

продолжалъ розыскивать себѣ невѣсту. Много успѣшнѣе шли его хлопоты по освобожденію родныхъ братьевъ и сестры изъ крѣпостной зависимости. Какъ мучило поэта ихъ положеніе, видно изъ заключительныхъ словъ его автобіографіи: „И что же я купилъ у судьбы своими усиліями не погибнуть?" говоритъ онъ. Едва ли не одно страшное уразумѣніе своего прошедшаго. Оно ужасно, оно тѣмъ болѣе для меня ужасно, что мои родные братья и сестра, о которыхъ мнѣ тяжело было вспоминать въ своемъ разсказѣ, до сихъ поръ „крѣпостные"... Да, милостивый государь, обращается онъ не только къ редактору „Народнаго Чтенія", гдѣ помѣщена была эта автобіографія, но къ каждому читателю, они до сихъ поръ крѣпостные"... Мысль объ ихъ освобожденіи не покидаетъ его даже наканунѣ всеобщей „воли." Можетъ быть, онъ опасался, чтобы они не были отпущены на волю безъ земли. Впрочемъ и помимо этого, всякая минута, проведенная родными на панщинѣ, всякій часъ подневольной жизни, очень легко, какъ онъ хорошо зналъ, превращавшійся въ несчастіе цѣлой жизни, мучили его и онъ спѣшилъ высвободить ихъ. Планъ освобожденія обсуждался сначала поэтомъ совмѣстно съ Варфоломеемъ Шевченко. Помѣщикъ соглашался отпустить, но безъ земли и съ тѣмъ условіемъ, чтобы получившіе вольную немедлено выселились изъ его владѣній. Шевченко предупреждалъ родныхъ, чтобы они не соблазнялись такой свободой и предлагалъ помѣщику заплатить по 85 руб. за душу съ земельнымъ надѣломъ; тотъ не согласился. Дѣло измѣнилось, когда въ немъ приняло формальное участіе „Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ" и Шевченко получили свободу еще при жизни поэта за нѣсколько мѣсяцевъ до обнародованія Манифеста 19 февраля. Но не одни только личныя и семейныя дѣла занимали поэта въ эти послѣдніе годы его жизни. Еще раньше онъ задумалъ второе изданіе „Кобзаря", съ присоединеніемъ „Гайдамаковъ" и другихъ стихотвореній написанныхъ позже; онъ хотѣлъ выпустить ихъ подъ общимъ заглавіемъ „Поэзія Т. Шевченко". Не находилось только подходящаго издателя. Во время же поѣздки въ Малороссію онъ посѣтилъ сахарный заводъ Яхненко и Симиренка и здѣсь Симиренко предложилъ ему матеріальную поддержку. Согласно обѣщанію онъ выслалъ поэту въ Петербургъ 1100 руб. на изданіе съ тѣмъ, чтобы ему было прислано соотвѣтствующее число экземпляровъ книги. Много было хлопотъ еще съ цензурой,

стихотворенія пересылались изъ главнаго управленія въ комитетъ нѣсколько разъ, и дѣло затянулось бы вѣроятно на долго, еслибы Шевченко не обратился къ министру народнаго просвѣщенія Ковалевскому, который и разрѣшилъ печатаніе предоставленной ему властью. Новое изданіе „Кобзаря" хотя далеко не полное было встрѣчено малороссами съ восторгомъ. Такъ Кулишъ писалъ ему изъ Полтавы, что тамъ не только люди интелегентные, а „всяка душа письменна и щира" носится съ его „Кобзаремъ" какъ съ какой нибудь драгоцѣнностью, но что впрочемъ полтавцамъ скоро не нужна будетъ эта книга, такъ какъ они выучатъ всѣ стихи на память; да чуть ли не по „Кобзарю" они и Богу молятся, замѣчаетъ онъ. На этотъ разъ и столичная критика, въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, отнеслась сочувственно къ Шевченко. Она уже признавала за малороссами право и способность говорить на родномъ языкѣ, а на стихотворенія украинскаго поэта указывала, какъ на интересныя „не для однихъ только страстныхъ приверженцевъ малороссійской литературы, но и для всякаго любителя истинной поэзіи..."

Покончивши съ изданіемъ „Кобзаря", Шевченко приступилъ къ новому и огромному дѣлу, которое могло бы напомнить многіе годы его жизни. Когда идея объ освобожденіи крестьянъ была разработана литературой въ предѣлахъ предоставленной ей возможности и самое освобожденіе должно было совершиться не сегодня-завтра, то естественно, что мысль лучшихъ людей направилась на другую первостепенной важности вопроса, на просвѣщеніе народа. Сегодняшнему крѣпостному, живущему по указанію своего господина, завтра придется жить своимъ умомъ; важно и необходимо не только для него лично, но и для всего общества, чтобы онъ устроилъ свою жизнь добропорядочно, осмысленно, вообще разумно. Но возможно ли это, если свободный народъ будетъ пребывать въ такомъ же мракѣ невѣжества какъ и въ эпоху своего закрѣпощенія. Конечно нѣтъ. Необходимо заняться распространеніемъ грамотности и знанія. Въ ту пору это дѣло было еще совершенно новое и непочатая нива народнаго невѣжества казалась просто безпредѣльной. Но и увлеченіе и энергія среди проснувшагося общества были также не малы. Въ разныхъ мѣстахъ по селамъ и городамъ начали возникать школы. Тутъ то и

открылся новый пробѣлъ: не оказалось не только народной литературы (да и откуда она могла взяться при крѣпостномъ правѣ), но даже букварей, приспособленныхъ для народной школы. Шевченко, задолго еще до этого порыва, охватившаго русское общество, прекрасно сознавалъ и понималъ настоятельную необходимость для народа просвѣщенія. Читатель не забылъ, вѣроятно, что еще въ глухіе сороковые годы онъ обсуждалъ вмѣстѣ съ кіевскими пріятелями разные планы почасти освобожденія и просвѣщенія народа. Но всѣ юношескія мечтанія той поры погубила суровая дѣйствительность. Теперь было другое время. Еще въ Нижнемъ Новгородѣ, на пути изъ ссылки въ Петербургъ, Шевченко получилъ письмо отъ Костомарова, въ которомъ нашъ извѣстный историкъ между прочимъ говоритъ, что настало время проснуться нашему народу и начать дѣйствовать своимъ разумомъ. Въ царскомъ рескриптѣ, продолжаетъ онъ, сказано, что бы открывать повсюду школы и заботиться о просвѣщеніи народа и мы, хыркорусы, должны воспользоваться этой царской милостью: нужно заводить школы по деревнямъ и обучать дѣтей, а для этого нужно то, по чему учиться. А то теперь всякій станетъ насмѣхаться надъ нами: вотъ, скажетъ, писали, писали и повѣсти и комедіи, и романы, а самое главное забыли..... теперь намъ нужна своя граматика, краткая естественная исторія, краткая географія да космографія, да книжки о законахъ принаравленныхъ для народа....." А Кулишъ въ это же время предлагалъ ему заняться рисованіемъ картинъ для народа изъ исторіи малороссіи съ подписями изъ его „Думъ" или для этой цѣли составленными; самъ же брался отпечатать ихъ и пустить въ продажу по дешевымъ цѣнамъ. Но Шевченко тогда самъ находился на перепутьи и не зналъ, куда еще вынесетъ его житейская волна. Только побывавъ въ Малороссіи и возвратившись въ Петербургъ онъ снова обращается къ своему давнишнему намѣренію принять непосредственное участіе въ распространеніи грамотности среди народа. Составленный имъ хыркорусскій букварь представляетъ первую его попытку въ этомъ направленіи. Затѣмъ онъ задумалъ написать также на малорусскомъ языкѣ ариѳметику, этнографію съ географіею и исторію для народа. „Если бы Богъ помогъ мнѣ, говоритъ онъ въ письмѣ къ Г. Чалому, сдѣлать это маленькое дѣло, то большое сдѣлалось бы само собой"..... Но эти начинанія остались неоконченными,

79

Въ концѣ 1860 г. поэтъ сталъ серьозно недомогать; онъ не могъ уже лично принимать участія въ собраніяхъ по поводу новаго журнала „Основа", посвященнаго интересамъ южнорусской жизни, хотя изданіе такого журнала составляло его давнишнюю мечту. Доктора констатировали водянку и совѣтовали ему беречься. Онъ безвыходно сидѣлъ дома. 20 января 1861 г. ~~онъ~~ Шевченко съ трудомъ уже могъ написать письмо къ Варфоломею: „Утомился, говоритъ онъ, словно копну ржи за однимъ заходомъ смолотилъ." Болѣзнь быстро развивалась, бросилась на грудь; лѣкарства уже не облегчали положенія больного. 24 февраля онъ пишетъ къ одному знакомому: „..... Я боленъ другой мѣсяцъ: не только на улицу, меня и въ каридоръ не пускаютъ. И не знаю, чѣмъ кончится мое затворничество." 25 февраля въ день своихъ именинъ онъ не могъ уже встать; пришедшіе къ нему друзья застали его въ страшныхъ мукахъ: онъ сидѣлъ на кровати и тяжело дышалъ.... „Вотъ если бы мнѣ добраться домой, говорилъ онъ, выслушивая поздравленія и телеграммы отъ земляковъ, можетъ быть, я и поправился бы." *День прошелъ крайне безпокойно; больной не могъ найти себѣ мѣста на кровати; онъ то оставался одинъ и пробовалъ заснуть, то звалъ кого нибудь изъ пріятелей или доктора. Ночь-также боль въ груди не позволяла ему лечь и онъ просидѣлъ всё время на кровати, упершись въ неё руками. Наконецъ на слѣдующій день 26 февраля въ 5 часовъ утра онъ выпилъ стаканъ чаю и спустился внизъ, въ свою мастерскую; но здѣсь съ нимъ сдѣлалось дурно и онъ упалъ. Черезъ полчаса не стало Тараса Григорьевича Шевченко, не стало человѣка, но вмѣсто него остался на долгія времена „Кобзарь", трогательнымъ и ~~[illegible]~~ пламенными пѣснями которою будутъ зачитываться люди до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать малорусскій или даже вообще русскій: языкъ.....

Прахъ Шевченка похоронили сначала на Смоленскомъ кладбищѣ въ Петербургѣ; а потомъ перевезли во гробѣ, покрытомъ по казацкому обычаю, червоною (красной) китайкою, на Украину, исполняя волю умершаго, выраженную въ извѣстномъ стихотвореніи:

„Якъ умру, то поховайте
мене на могили,
Середъ степу широкого
На Вкраїні милій:
Щобъ лони широкополі
і Днипро, і кручи
Були видні, було чути
Якъ реве ревучій".....

И теперь всякій, проѣзжающій по днѣпру, даже ничего не слышавшій, о Шевченко невольно обращаетъ вниманіе на одинокій крестъ подымающійся къ небу надъ высокимъ обрывистымъ берегомъ, недалеко отъ Канева, по направленію къ Кіеву. Тамъ, подъ громаднымъ курганомъ напоминающимъ стародавнія „могилы", покоится прахъ народнаго поэта, а духъ его витаетъ „середъ степу широкаго, на Вкраіні милій." —

182 1/2
20 1/2
203.

Глава V. Шевченко, какъ поэтъ и Художникъ.

Мнѣнія нѣкоторыхъ писателей. Что какое великій народный поэтъ. Содержаніе поэзіи Шевченко. Отношеніе народа къ его личности. Шевченко, какъ Художникъ.

Три десятилѣтія прошло уже со времени смерти Шевченко, а наша литературная ~~хроника~~ критика все еще не оцѣнила и не можетъ оцѣнить въ полномъ объемѣ творческія произведенія этого своеобразнаго и самобытнаго таланта и дѣло совершенное имъ. Тѣмъ менѣе, конечно, читатель въ правѣ ожидать такой оцѣнки въ настоящей біографіи. Мы приведемъ мнѣнія нѣкоторыхъ компетентныхъ лицъ и ограничимся самыми общими замѣчаніями.

„Шевченко, говоритъ Добролюбовъ, — поэтъ совершенно народный, такой, какого мы не можемъ указать у себя. Даже Кольцовъ не идетъ съ нимъ въ сравненіе, потому что складомъ своихъ мыслей и даже своими стремленіями иногда отдаляется отъ народа. У Шевченко напротивъ весь кругъ его думъ и сочувствій находится въ совершенномъ соотвѣтствіи со смысломъ и строемъ народной жизни. Онъ вышелъ изъ народа, жилъ, съ народомъ и не только мыслью, но и обстоятельствами жизни былъ съ нимъ крѣпко и кровно связанъ. Былъ онъ и въ кругу образованнаго общества, малорусскаго и великорусскаго, но долгое время встрѣчалъ въ немъ лишь отталкивающую презрительную грубость, притѣсненія, насилія, несправедливость и за то, при первыхъ-же лучахъ нравственнаго свободнаго сознанія, тѣмъ сильнѣе устремился онъ душою къ своей бѣдной родинѣ, припоминая ея сказанія, повторяя ея пѣсни, представляя себѣ ея жизнь и природу."... Еще опредѣленнѣе и рѣзче выражается Костомаровъ. „Шевченко, говоритъ онъ, — какъ поэтъ — это былъ самъ народъ, продолжавшій свое поэтическое творчество. Пѣсня Шевченко была сама по себѣ народная пѣсня, только новая — такая пѣсня, какую могъ-бы запѣть теперь цѣлый народъ, какая должна была вылиться изъ народной души въ продолженіи народной современной исторіи. Съ этой стороны Шевченко былъ избранникомъ народа въ прямомъ значеніи этого слова.... Шевченко сказалъ то, что каждый народный человѣкъ сказалъ бы, еслибы его народное существо могло возвыситься до способности выразить то, что хранилось на днѣ его души.... Шевченко говоритъ такъ, какъ народъ еще и не говорилъ, но какъ онъ готовъ былъ уже заговорить и только ожидалъ, чтобы изъ среды его нашелся творецъ, который бы овладѣлъ его языкомъ и его тономъ; и въ слѣдъ за такимъ творцомъ точно такъ заговоритъ и весь народъ и скажетъ единогласно: это — мое; и будетъ повторять долго-долго, пока не явится потребность новаго видоизмѣненія его поэтическаго творчества. Поэзія Шевченко есть непосредственное продолженіе народной поэзіи..."

Шевченко, дѣйствительно, настоящій и типичный народный поэтъ въ общеупотребительномъ смыслѣ этого слова. Но въ томъ-то и горе, что этотъ общеупотребительный смыслъ, не такъ давно еще ясный и точный, въ настоящее время

много потерялъ въ своей опредѣленности. Раньше понятіе „народъ" (въ противоположность вообще культурнымъ классамъ) какъ бы объединяло и придавало конкретную форму такимъ, казалось, метафизическимъ концепціямъ, какъ справедливость, свобода, равенство и т.д. Но ближайшее изученіе обнаружило, что народъ въ этомъ отношеніи вовсе не представляетъ однородной среды, что здѣсь наблюдается не меньшее разнообразіе самыхъ противоположныхъ стремленій и инстинктовъ, даже цѣлыхъ міросозерцаній, чѣмъ въ такъ называемыхъ культурныхъ классахъ. Поэтому сказать, что народный поэтъ сохраняетъ связь съ міросозерцаніемъ и идеалами народа, изъ среды котораго онъ вышелъ, это значитъ говорить общія мѣста; ибо для человѣка вовсе незнакомаго съ разматриваемымъ поэтомъ, неизбѣжно возникаетъ вопросъ, съ какими же именно идеалами далее — развѣ можетъ истинный поэтъ не сохранять связи съ своимъ народомъ? Нынѣ, какъ извѣстно, самыя ретроградныя ~~стремленія~~ планы строятся на народныхъ идеалахъ и нельзя сказать, чтобы это были одни только мыльные пузыри... Но на ряду съ анализомъ, разложившимъ понятіе, недавно еще служившее девизомъ цѣлаго вполнѣ опредѣленнаго общественнаго ~~зна~~ теченія, слѣдуетъ отмѣтить и начинающій складываться синтезъ. Мы начинаемъ убѣждаться, что противопоставленіе народа и интеллигенціи по всѣмъ существеннымъ пунктамъ не выдерживаетъ критики, а практически не сулитъ ничего добраго, и по мѣрѣ роста этого убѣжденія, все больше и больше останавливаемся на томъ, что объединяетъ, а не разъединяетъ эти два общественныя слоя и такимъ образомъ мало по мало приближаемся къ дѣйствительному народному самопознанію, въ томъ смыслѣ, какъ это понятіе употребляется въ западной Европѣ, и представителями котораго служатъ, между прочимъ, Шекспиръ для англичанъ, Гете — для нѣмцевъ, Данте — для итальянцевъ и т.д. Такимъ образомъ мы, какъ бы возвращаемся къ понятію о народѣ, какъ націи; но съ тѣмъ громаднымъ различіемъ, что вносимъ въ него богатѣйшее содержаніе, добытое изученіемъ рабочихъ слоевъ общества. Мы почти всѣ теперь соглашаемся, что Пушкинъ нашъ народный поэтъ, въ томъ же смыслѣ европейская печать единогласно считаетъ Толстого народнымъ русскимъ писателемъ и ставитъ его на ряду съ перворазрядными геніями. Оба они рисуютъ намъ доподлинно истинными и неизгладимыми чертами внутреннюю душу и внѣшній бытъ русскаго общества, какъ оно окончательно сложилось на основѣ крѣпостнаго права, показываютъ, какимъ образомъ общечеловѣческіе характеры видоизмѣнялись, развивались, пріобрѣтали свои отличительныя особенности въ этой именно общественной атмосферѣ. Онѣгинъ, Татьяна, Пьеръ Безухій, Анна Каренина, Вронскій, Левинъ, Каратаевъ — все это продукты выросшіе на почвѣ крѣпостнаго права

Такой писатель становится всегда въ ряду перворазрядныхъ гнѣвъ всего человѣчества, такъ какъ онъ воплощаетъ въ своихъ произведеніяхъ цѣлую, закончившуюся, уже сказавшую свое послѣднее слово историческую эпоху извѣстнаго народа. Его устами говоритъ дѣйствительно весь народъ; онъ и есть истинно-великій народный поэтъ. Можемъ ли мы назвать въ этомъ смыслѣ Шевченко великимъ поэтомъ?

Въ исторіи Малороссіи, вообще бѣдной событіями, есть одна въ высшей степени замѣчательная, героическая страница; это — эпоха борьбы за вѣру и вмѣстѣ съ тѣмъ за свободу и самостоятельность, эпоха казачества. Если бы въ исторіи Малороссіи не было этой страницы, то, можно сказать, не было бы и самой исторіи. Существуетъ прекрасная пѣсня (сложенная въ позднѣйшее время) о бѣдной чайкѣ, которая вывела своихъ дѣтей при большой, проѣзжей дорогѣ; всякій, кому только не лѣнь, обижаетъ ея птенцовъ. Эта чайка и есть Малороссія. Въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ дѣтямъ ея приходилось терпѣть нашествія разныхъ народовъ, отражать ихъ или искать спасенія въ ~~бѣгствѣ~~ бѣгахъ. Но когда дѣло коснулось вѣры, т. е. говоря болѣе общимъ образомъ, свободы совѣсти, она возстала, какъ одинъ человѣкъ. Эта кровавая борьба за религіозную свободу ~~совѣсти~~, давшая въ сознаніи народа опору и для борьбы съ экономическими притѣснителями, представляетъ ~~еще~~ цѣлую эпопею, запечатлѣнную геройскими подвигами. Народъ воспѣлъ ее въ своихъ многочисленныхъ пѣсняхъ; но не нашлось еще такого индивидуальнаго пѣвца, который охватилъ бы ее во всей полнотѣ и создалъ бы изъ нея единое, величественное произведеніе слова. Шевченко былъ близокъ къ этому, и, по силѣ его дарованія, можно думать, что онъ достигъ бы этого, еслибъ не его злополучная судьба, державшая поэта до 24 лѣтъ въ тискахъ крѣпостничества, а затѣмъ игравшая человѣкомъ, точно мячикомъ, перекидывая его изъ Брюловскаго кабинета къ „мочемордамъ", а оттуда въ ряды подневольныхъ солдатъ, въ далекій пустынный край и т. д. Мы не говоримъ уже о томъ, что ему приходилось также бороться и за кусокъ хлѣба. Такія условія обыкновенно убиваютъ менѣе стойкія дарованія, но могучему Таланту Шевченко они помѣшали только подняться на ту высоту, съ которой онъ могъ бы обозрѣть судьбы своего народа и нарисовать цѣлую картину его героической борьбы. Его стихъ обладаетъ музыкою слова, составляющей отличительную особенность всякого великаго поэта. Поэтому то, даже не говорящіе по малорусски съ удовольствіемъ слушаютъ и читаютъ произведенія Шевченко, такъ какъ всякій, не понимая даже вполнѣ ихъ внутренней мелодіи, чувствуетъ внѣшнюю мелодію слова. Поэтому же многія изъ его стихотвореній, теперь чаще поются, чѣмъ

читаются. Такимъ образомъ мы признаемъ, что Шевченко располагалъ всѣми данными, чтобы стать великимъ народнымъ поэтомъ, героемъ въ своемъ родѣ, и сравнятся съ передовыми геніями человѣчества; но онъ не совершилъ всего, что могъ совершить и не совершилъ потому что люди поставили его въ невозможныя условія.)

Вообще, говоритъ вышеназванный критикъ, спокойная грусть не похожая ни на безплодную тоску, тоску нашихъ романическихъ героевъ, ни на горькія отчаянія, заливаемыя часто разгуломъ, но тѣмъ не менѣе тяжелая, сжимающая сердце, составляетъ постоянный элементъ стихотвореній Шевченко. Какъ вообще въ малороссійской поэзіи, грусть эта имѣетъ созерцательный характеръ, переходитъ часто въ вопросъ, въ думу. Но это не рефлексія, это движеніе не головное, а прямо выливающееся изъ сердца. Оттого оно не охлаждаетъ теплоты чувства, не ослабляетъ его, а только дѣлаетъ его сознательнѣе, яснѣе, — и оттого конечно еще тяжеле". Такимъ образомъ глубокое, сердечное чувство, проникнутое грустью и только изрѣдка юморомъ, составляетъ основной матеріалъ, изъ котораго ~~поэтъ~~ Шевченко возводилъ всѣ свои произведенія, стихія, въ которой онъ постоянно вращался. И въ этомъ отношеніи онъ былъ кость отъ кости и плоть отъ плоти своего народа. Любопытно, что въ произведеніяхъ написанныхъ по малорусски, это чувство, не смотря на всю свою силу, никогда не выходитъ изъ своихъ границъ, никогда не затопляетъ мысли и не сглаживаетъ архитектурныхъ очертаній самого произведенія; тогда какъ въ повѣстяхъ на общелитературномъ языкѣ, оно поглощаетъ, какъ мысль, такъ и архитектуру, теряетъ свои естественные берега и становится сентиментальностью.

Мы не думаемъ, чтобы характеристика и группировка произведеній Шевченко по шаблонамъ, выработаннымъ схоластической словесностью, представляла для читателя какой либо интересъ. Поэтому, оставляя этотъ вопросъ въ сторонѣ, укажемъ лишь въ общихъ чертахъ на содержаніе его поэзіи. Она, какъ замѣчаетъ цитированный уже критикъ, „содержитъ всѣ элементы украинской народной пѣсни," и является, какъ по формѣ, такъ и по содержанію прямымъ продолженіемъ послѣдней. Уже одно это показываетъ, какой великой силой долженъ былъ обладать поэтъ, чтобы стать съ своимъ индивидуальнымъ трудомъ въ уровень съ коллективнымъ народнымъ творчествомъ. Происхожденіе Шевченко изъ бѣдной крестьянской семьи, годы проведенные въ положеніи крѣпостнаго, никогда не прерывавшіяся связи его съ родной средой, наконецъ положеніе вообще народа, изъ котораго онъ вышелъ, все это опредѣляетъ въ существе

нѣйшихъ чертахъ и содержаніе его поэзіи. Крестьянскій міръ въ прошломъ и настоящемъ составляютъ центральный пунктъ ея; затѣмъ въ болѣе позднее время, когда личныя испытанія еще болѣе расширили его умственный горизонтъ, присоединяются нѣкоторыя новыя наслоенія. Такимъ образомъ, общія бытовыя картины, крѣпостная неволя, историческая судьба народа, затѣмъ личная неволя, со всей ея тоской и темы религіозныя и политическія — вотъ существеннѣйшія ~~черты~~ группы, между которыми распредѣляется все содержаніе поэзіи Шевченко. Мы не выдѣляемъ природы, хотя поэтъ относится къ ней всегда съ теплой любовью и у него немало встрѣчается прекрасныхъ строфъ, посвященныхъ описанію степей, Днѣпра и т. д., но онъ говоритъ о природѣ обыкновенно въ связи съ другими явленіями. И такъ, вся поэзія его проникнута ~~соціальнымъ~~ общественнымъ духомъ.

Сначала ~~онъ~~ поэтъ отзывается на явленія самого общаго характера; онъ сочувствуетъ вообще всякому горю и страданію. Любящая „дивчина" тоскуетъ по казаку, пропавшему безъ вѣсти; злая и развратная мачиха въ порывѣ ревности губитъ свою прекрасную подчерицу; дѣвушка любитъ своего „Петруся", а мать насильно хочетъ выдать ее замужъ за богатого; безталанный сирота тоскуетъ и не знаетъ съ кѣмъ раздѣлить ему свое горе; дѣвушка посадила на могилѣ своего жениха калину и ходитъ плакать туда, пока не умираетъ и т. д. — все это темы для общихъ бытовыхъ картинъ, въ которыхъ поэтъ рисуетъ радость и горе не осложненные еще разными общественными противорѣчіями. Но въ такихъ, напримѣръ, произведеніяхъ какъ „Хустына", „Русалка" тѣ же радость и горе рисуется уже на фонѣ соціальныхъ неправдъ и привиллегій. Въ „Хустынѣ" дѣвушка поджидаетъ своего возлюбленнаго чумака съ дальняго путешествія; но ему не повезло: его „молодую силу богачи купили"; „може и дивчину безъ мене, тоскуетъ онъ, зъ иншимъ одружилы", и умираетъ въ пути. Въ извѣстномъ всякому читающему украинцу, прекрасномъ стихотвореніи „Катерина" — передъ нами печальная картина любви дѣвушки къ „москалю". „Кохайтеся жъ, черноброви, та не зъ москалями, говоритъ поэтъ, бо москали чужи люде, сміються надъ вамы"... Въ „Русалкѣ" на сценѣ уже крѣпачка и ея незаконный плодъ отъ пана. Эта тема занимаетъ особенно видное мѣсто въ произведеніяхъ поэта; разрабатывая ее все шире и шире, онъ является непримѣримымъ и страстнымъ обличителемъ крѣпостничества. Къ этому же разряду стихотвореній относится и большая часть повѣстей, написанныхъ на русскомъ языкѣ въ свое время, когда онѣ могли имѣть значеніе, онѣ не были на-

печатаны, какъ и малорусскія произведенія поэта, затрагивающія крѣпостной бытъ; теперь же онѣ кажутся намъ черезъ чуръ растянутыми, сентиментальными, и потому производятъ слабое впечатлѣніе. Впрочемъ, по справедливому замѣчанію г. Пыпина, едвали мы вправѣ прилагать къ этимъ произведеніямъ обычныя требованія критики: „Это не столько повѣсти, говоритъ онъ, сколько наброски личныхъ воспоминаній, портретовъ видѣнныхъ лицъ, картинокъ любезнаго ему малороссійскаго быта и пейзажа, и съ этой точки зрѣнія мы найдемъ здѣсь много интереснаго и симпатичнаго и много для изученія самой личности поэта". Относительно же всѣхъ вообще произведеній Шевченко, направленныхъ противъ крѣпостнаго права, нашъ извѣстный историкъ по крестьянскому вопросу дѣлаетъ слѣдующее заключеніе:

„Такимъ образомъ, и въ стихахъ, и въ прозѣ Шевченко не уставалъ бичевать ненавистное для него крѣпостное право; онъ затронулъ, ~~какъ мы видимъ~~, всѣ стороны жизни крѣпостныхъ: и угнетеніе крестьянъ тяжелыми поборами и повинностями, и страданія во время недрожая безъ помощи помѣщика, и торговлю людьми, и проигрываніе ихъ въ карты и насилія надъ дѣвушками и женщинами, и печальное положеніе крѣпостнаго, получившаго образованіе. Поэтъ не ограничивался неприкрашеннымъ изображеніемъ этой горемычной жизни угнетеннаго народа; онъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ прочувственныхъ стихахъ убѣждалъ пановъ, что необходимо добровольно улучшить положеніе крестьянъ (иначе дѣло можетъ кончиться худо), что высшее сословіе должно слиться съ народомъ. Сравнивая эти неустанныя обличенія крѣпостнаго права съ тѣмъ, что мы находимъ за тѣ же самые годы (1848-1855) въ произведеніяхъ Некрасова, мы должны отдать преимущество украинскому поэту и по количеству и по качеству произведеній, затрагивающій крестьянскій вопросъ... Нельзя не пожалѣть, что ни одно изъ указанныхъ произведеній не было напечатано въ свое время, но, несомнѣнно, что по крайней мѣрѣ, тѣ, которыя были написаны до ссылки, тогда же расходились по Малороссіи во множествѣ списковъ."

Переходя отъ печальнаго настоящаго къ прошлымъ судьбамъ своего народа, поэтъ останавливается на той блестящей эпохѣ, когда народъ, вступивъ въ борьбу за свое существованіе съ чуждыми ему элементами, искалъ равной для всѣхъ правды. Въ многочисленныхъ стихотвореніяхъ онъ рисуетъ отдѣльные эпизоды этой борьбы, а въ большой поэмѣ „Гайдамаки" — цѣлое движеніе, извѣстное въ исторіи подъ тѣмъ же именемъ. Въ этихъ произведеніяхъ находятъ себѣ выраженіе завѣтныя убѣжденія самого поэта, заклятаго врага „панства" и всякого насилія человѣка надъ человѣкомъ, хотя бы и облеченнаго

въ форму права. Недостатокъ историческихъ свѣдѣній пополняло поэтическое чутье, такъ что, несмотря на отдѣльныя ошибки и неточности, историческія поэмы, думы и пѣсни Шевченко по духу своему и по внутренней правдѣ вполнѣ соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Относительно поэмы „Гайдамаки" профессоръ Антоновичъ говоритъ, что поэтъ прекрасно понялъ положеніе „трехъ группъ населенія въ то время и обрисовалъ отношенія крестьянъ къ уворянству и евреямъ, отношенія шляхты къ схозматикамъ и евреямъ, и вывелъ типъ еврея въ его отношеніи къ козаку и шляхтѣ. ~~Дворянство~~ Шляхтство представлено въ поэмѣ всесильнымъ сословіемъ, не умѣющимъ полагать ~~ограниченія~~ границы своей власти, своевольнымъ, не уважающимъ личности. Мы видимъ толпу конфедератовъ, ловящихъ еврея, издѣвающихся надъ нимъ, вламывающихся въ домъ почтеннаго человѣка, титаря, съ корыстною цѣлью замучивающихъ его. ~~Дворянство~~ Шляхтство изображены не уважающими человѣческой личности, недопускающими ни малѣйшаго отступленія отъ разъ принятой политической системы. Вторую группу составляютъ евреи. Они кланяются шляхтѣ, но презираютъ ее съ полной увѣренностью, что они умнѣе. Имѣемъ въ поэмѣ и крестьянскіе типы, типы людей, лишенныхъ просвѣщенія, но чувствующихъ свою правоту, долгое угнетеніе которыхъ довело до ожесточенія, прорывающагося безчеловѣчною ненавистью. Крестьянскій типъ лучше всего оттѣненъ авторомъ, какъ родной, на сторонѣ котораго была попранная правда. Наряду съ типами Желѣзняка и Гонта, обнаруживающаго крайнее самопожертвованіе въ сценѣ убіенія сыновей ради общаго блага, ложно, впрочемъ понятаго, встрѣчаемъ болѣе глубокіе образы, напримѣръ образъ благочиннаго, освящающаго народную правду сознательнымъ словомъ....."

Блескъ достаславной эпохи казачества не ослѣпилъ, однако, Шевченко, она не превратилась для него въ своего рода идола и фетиша, какъ это и посейчасъ еще встрѣчается. Глубокая любовь къ людямъ и поэтическая проницательность открыли ему, почти помимо какихъ бы то ни было историческихъ изслѣдованій, что какъ ни славно прошлое, однако не въ немъ слѣдуетъ искать идеала. Идеалъ лежитъ впереди, а не назадъ. Пусть прошлое питаетъ наше геройское чувство, и раскрываетъ намъ истинный духъ народа; но мы должны отрѣшиться отъ его роковыхъ заблужденій. Если „ляхи" были смертельными врагами свободолюбиваго казачества, то виноватъ ли въ этомъ польскій народъ вообще? Нѣтъ, отвѣчаетъ поэтъ, это пришли ксендзы и магнаты и именемъ Христовымъ предали пламени нашъ тихій рай,

разъединили и вооружили насъ, братьевъ, другъ противъ друга, а мы и до сихъ поръ жили бы мирно и любовно. Съ другой стороны, обращаясь къ родному казачеству, онъ и здѣсь далеко не все считаетъ прекраснымъ; онъ и здѣсь находитъ виновниковъ; это — „старшина", „гетманы", „усобники, ляхи поганы, недоуми", которые „безъ ножа и мутодофе людей закували та й мордують"... Такимъ образомъ, поэтъ вплотную подходитъ къ извѣстнымъ демократическимъ идеямъ, составляющимъ въ настоящее время достояніе всего передоваго человѣчества, и на основѣ ихъ мечтаетъ объ объединеніи всѣхъ славянъ. Этимъ же духомъ проникнуты и всѣ его остальныя произведенія написанныя во время ссылки и по возвращеніи.

Какъ поэтъ, Шевченко до сихъ поръ остается во главѣ малороссійской литературы, которая продолжаетъ развиваться и въ нашемъ отечествѣ, и въ Галиціи подъ сильнымъ вліяніемъ его творческаго генія. Затѣмъ, онъ оказалъ болѣе или менѣе замѣтное вліяніе на разныя родственныя славянскія литературы; такъ въ польской онъ содѣйствовалъ своимъ демократизмомъ образованію партіи поляковъ-хлопоманов; въ общерусской выступилъ самымъ передовымъ борцемъ своего времени за порабощенный крѣпостничествомъ народъ и т. д. Произведенія его переведены на болгарскій, сербскій, чешскій, польскій и русскій языки и, кромѣ того, еще на нѣкоторые не славянскіе. Одинъ изъ славянофильскихъ критиковъ превозглашаетъ его даже „первымъ великимъ поэтомъ новой великой литературы славянскаго міра"...

До сихъ поръ сдѣлано очень немного для распространенія поэзіи Шевченко среди народа; только ~~очень немногіе~~ нѣкоторыя изъ его произведеній — можно сказать на перечетъ — три-четыре, — имѣются въ дешевыхъ, народныхъ изданіяхъ, распродаваемыхъ, кстати ~~сказать~~ замѣтимъ, довольно бойко даже на сельскихъ ярмаркахъ. Нѣтъ поэтому ничего невѣроятнаго, что вокругъ имени поэта, по крайней мѣрѣ въ мѣстностяхъ ближайшихъ къ мѣсту его родины, народъ ~~начинаетъ~~ по своему стародавнему обыкновенію, начинаетъ создавать разныя легендарныя сказанія. Его представляютъ въ образѣ великаго воина, героя, на подобіе Мороженка, Нечая, Палія и другихъ. „Подводя итогъ всему тому, что мнѣ приходилось о немъ слышать, говоритъ одинъ наблюдатель, я видѣлъ, что онъ представляется народнымъ героемъ, стоящимъ за родной ему „сермяжный людъ"; онъ протестуетъ противъ угнетеннаго и бѣдственнаго положенія крестьянъ и ратуетъ за нихъ волю... Всѣ увѣрены, что Шевченко не похороненъ на Украинѣ: одни говорятъ, что онъ

остался живъ, а вмѣсто него былъ приведенъ кто-то другой, другіе, что его во время перевозки подмѣнили и украли, третьи — что онъ самъ, какъ „характерникъ" помощью своей чародѣйской силы всталъ невидимо изъ гроба..." И много еще подобныхъ таинственныхъ разсказовъ создаетъ народная фантазія вокругъ свѣтлаго имени поэта, пока его произведенія не станутъ общедоступнымъ достояніемъ, и пока народъ будетъ лишенъ возможности знать, какъ дѣйствительно жилъ, боролся и страдалъ одинъ изъ самыхъ вѣрныхъ, достойныхъ и любящихъ сыновъ его.....

Мы имѣли уже случай нѣсколько разъ указывать на то, что на ряду съ поэзіей Шевченко занимался и живописью; на нее онъ смотрѣлъ даже, какъ на свою будущую профессію, на свой насущный хлѣбъ. Дѣйствительно, это призваніе дважды „вызволило" его изъ самыхъ безвыходныхъ положеній; но этимъ, можно сказать, и ограничивается его значеніе въ жизни поэта; хлѣба, даже насущнаго, оно не обезпечивало ему, и тѣмъ менѣе еще мы можемъ говорить о его картинахъ, какъ о замѣчательныхъ произведеніяхъ искусства. „Изъ его сепій и гравюръ, говоритъ художникъ Микѣшинъ, можно заключить о замѣчательномъ дарованіи и можно смѣло сказать, что если бы судьба не сыграла съ нимъ столь злой шутки и если бы онъ мирно шелъ по дорогѣ совершенствованія въ художествахъ, то изъ него выработался бы замѣчательный „реалистъ", какъ по пейзажу, такъ и по жанру." Мы не станемъ, однако, сѣтовать вмѣстѣ съ художникомъ Микѣшинымъ на „злую шутку" судьбы; она своими путями, правда тернистыми и многострадальными, вела Шевченко къ неизмѣримо болѣе высокой цѣли. И кто же скажетъ, что она „зло" обманула юношу, когда впервые нашептывала ему въ холодной скверной Пальмирѣ чудныя мелодіи про знойныя степи, широкій и могучій Днѣпръ, „казацкія могилы"..., когда она отъ художественныхъ образовъ на полотнѣ увлекала его къ еще гораздо болѣе художественнымъ и возвышеннымъ образамъ человѣческой рѣчи..? Нѣтъ, она не шутила съ нимъ и не обманула его. Она подняла оборваннаго крѣпостнаго раба на высоту, которой никто не достигалъ ни раньше, ни позже изъ слѣдовавшихъ по тому же пути. А что на его долю выпали тяжелыя испытанія, — отъ этого не избавлена ни одна истинно отважная, геройская душа.

Конецъ.

Ленинградский Центральный Исторический
АРХИВ.

В этой единице хранения 14
пронумерованных
листов

"" 19 года.

Подпись

№ 1146
20 Іюля 92 г.

20 Іюля 1892

49

Ленинградский Центральный Исторический АРХИВ

Въ С. Петербургскій Цензурный Комитетъ

Не возвращать.

Прошеніе

Прошу С. Петербургскій Цензурный Комитетъ возвратить мнѣ рукопись: „Біографія Т. Шевченко" для нѣкоторыхъ исправленій.

20 Іюля 1892 г.

Валентинъ Яковенко.

№ 1172
23 Іюля 1892 г.

50

Въ С.Петербургскій
Цензурный Комитетъ

Дворянина Валентина Ивановича Яковенко

Прошеніе

Честь имѣю покорнѣйше просить С.Петербургскій Цензурный Комитетъ сообщить мнѣ, какъ автору, мотивы, въ силу которыхъ Комитетомъ запрещена къ напечатанію написанная мною „Біографія Т. Г. Шевченко".

Вал. Яковенко

23 Іюля,

Адресъ: Пушкинская улица, домъ № 3. кв. № 32.

Журн. Зав. 29 Іюнь 1892, Стр. 7

Доклад цензора Коссовича о рукописи под заглавіемъ: „Біографія Т. Г. Шевченко." — составленная В. Яковенко." —

Написанная г. Яковенко біографія Шевченко, этого великаго поэта народнаго, воспроизвела въ себѣ, по словамъ автора всю думы Малороссіи, отъ начала до конца предъявленія собою неоконченной картины Кровопролитія и удрученія.

Разсмотрѣвъ въ Цензурномъ отношеніи, Шевченко долгое время, нашъ рецензентъ повѣствуетъ біографію, почти безъ перерыва, повѣряется всѣми удачами безпощадной судьбы. Его скитанія, преслѣдованія, унизили высокими словами. Описаніе этого печальнаго періода, въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, посвящается 1-я глава. И эта часть біографіи демонстрируется собственно какъ неизбѣжный плодъ гнета рабства, давившаго на всю Россію и молчаливаго безпомощнаго гнѣва инсургентовъ. Въ данномъ случаѣ, Шевченко чувствуетъ индивидуальность при описаніи безправія, царившаго въ этому Кровопролитію права.

Во 2-й главѣ, озаглавленной „на свободѣ" разсказывается, какъ возвратившійся въ Кровопролитіе Шевченко сталъ на ровныя ноги, почувствовалъ внутреннія силы вдохновенія. „Одна за другой всплыли въ его воображеніи картины изъ славнаго прошлаго и мучительно несправедливаго. Чредъ этихъ картинъ мелькали мученическія тѣни братьевъ Бѣлозерскихъ." При такомъ исключительномъ настроеніи, тѣни въ Петербургѣ, „этомъ черномъ болотѣ", русскій поэтъ, „не любящій по полугрѣхамъ ее, одинъ изъ словаковъ все сталъ вникать для поэта невозможно. Послѣ первыхъ произведеній изъ народнаго языка, онъ устремляется въ родную Украину. Тамъ темныя впечатлѣнія его съ расторопностью объявляются. Его призванія на расправу во всѣ дома богатыхъ помѣщиковъ. Тамъ приливаетъ онъ къ политическому союзу, задуманному Кровопролитіемъ, федераціи всѣхъ славянъ. Этого было горячо преподаваемой солдатъ политической республики независимыхъ, равноправныхъ братьевъ славянъ. Въ этомъ же мѣстѣ біографіи пересказывается въ сокращеніи цѣликомъ стихотвореніе поэта „До меду вѣчъ и литеръ и непріятелемъ земли Кіевъ

моихъ въ Украйни, и не въ Украйни сущихъ мое дружее посланіе". Такимъ образомъ главный мотивъ 2-й главы — безглабашное украинофильство.

Заглавіе 3-ей главы — Въ ссылкѣ. Подневольный солдатъ. Въ этой части біографіи мрачныя краски еще болѣе сгущаются. Для характеристики достаточно привести слѣдующее мѣсто: „Десять лѣтъ поэтъ томился въ пустынныхъ киргизскихъ степяхъ. Томился, но это слово недостаточно рельефно обрисовываетъ его положеніе. Онъ не только былъ отрѣзанъ отъ всего живого и лишенъ возможности даже права заниматься тѣмъ дѣломъ, которому посвятилъ себя (живописью и поэзіей), но его насильно заставили надѣть солдатскую амуницію и отдать десять лѣтъ лучшихъ своей жизни дѣлу, къ которому онъ питалъ отвращеніе"

Само собой, въ этой же главѣ помѣщены всѣ малодостовѣрные анекдоты объ истязаніяхъ, которымъ подвергался будто бы поэтъ какъ солдатъ, упоминается даже о томъ, что его пороли. Офицеры этой эпохи описываются авторомъ біографіи какими то безпробудными пьяницами.

Въ главѣ 4-ой, озаглавленной „По возвращеніи изъ ссылки", описывается тяжкое разочарованіе и страдавшаго вконецъ поэта. Въ кружкѣ любящей его интеллигенціи онъ не находитъ того что искалъ. Все то же, хотя и благодушествующее крѣпостничество продолжаетъ его преслѣдовать. Лучшіе люди только болтаютъ, его родные по прежнему страдаютъ въ рабствѣ. Было отчего придти въ отчаяніе и онъ запилъ горькую.

Въ видѣ эпизода, на стр. 67, разсказывается, по поводу проэктированнаго Милютинымъ памятника тысячелѣтія Россіи, какъ ругалъ и поносилъ Шевченко всю исторію Россіи сплошь.

Глава пятая посвящена краткой оцѣнкѣ достоинствъ поэзіи Шевченки. Авторъ біографіи возноситъ своего героя на пьедесталъ великаго писателя народника-демократа. Біографія оканчивается слѣдующимъ дифирамбомъ: „Поэзія подняла оборваннаго крѣпостнаго раба на высоту, которой никто

не достигалъ раньше, ни позже изъ слѣдовавшихъ по тому же пути. А что на его долю выпали тяжкія испытанія — отъ этого неизбавлена ни одна истинно отважная, геройская душа.

Вообще чрезъ всю біографію Т. Г. Шевченки тянутся непрерывно красною нитью двѣ основныя идеи: Ужасное состояніе общества эпохи крѣпостничества въ царствованіе Императора Николая I и яркое Украинофильство. Жизнь Т. Г. Шевченки послужила автору біографіи удобнымъ только поводомъ для проведенія доходящихъ до чудовищныхъ размѣровъ демократическихъ украинофильскихъ тенденцій.

Въ виду изложеннаго, а также на основаніи ст. 96 Устава о цензурѣ и печати, Цензоръ полагалъ бы необходимымъ ~~бio~~ рукопись „Біографія Т. Г. Шевченко составленная г. Яковенко" запретить къ напечатанію отдѣльною брошюрой, тѣмъ болѣе что она назначается быть изданной въ дешевой серіи „Жизни замѣчательныхъ людей" издаваемой г. Павленковымъ и печатаемой обыкновенно въ 8000 экземпляровъ.

Цензоръ Коновичъ

29 Іюня
1892 года

Опредѣлено: на основаніи изложенныхъ Цензоромъ соображеній и имѣя въ виду, что біографія назначена къ изданію дешевою общедоступною брошюрою, рукопись, примѣнительно къ статьи 94 (вторая половина) и 96 Устава Цензурнаго, къ напечатанію не дозволять.

53

р. № 4646

Журн. зас. 15 Декабр 1893 г. ст. 8

Докладъ цензора Коловича о рукописи, подъ заглавіемъ „Біографія Т. Г. Шевченко", составилъ Яковенко"

Въ засѣданіи Комитета отъ 29 Іюля 1892 г. запрещена была по ~~моему~~ докладу цензора Коловича рукопись г. Яковенко подъ заглавіемъ „Біографія Т. Г. Шевченко." Главные мотивы запрещенія были слѣдующіе: изображеніе составителемъ біографіи царствованія Императора Николая I-го какъ времени ужаснѣйшаго крѣпостническаго гнета, а также неумѣренное и яркое украинофильство, проводимое во всей біографіи.

Въ представленной нынѣ въ цензуру, тѣмъ же самымъ авторомъ, біографіи Шевченко незамѣчается уже болѣе прежней рѣзкости при описаніи дурныхъ сторонъ крѣпостничества и оно пріурочивается вообще только къ личнымъ моментамъ жизни поэта. Также точно и украинофильство сильно урѣзано. Такъ напр. выпущены бранныя выходки противъ русскаго языка и отечественныхъ писателей, значительно ~~ослаблена~~ сглажена сцена у Микѣшина по поводу памятника тысячелѣтія Россіи и т. п.

Съ своей стороны Цензоръ находитъ не лишнимъ сдѣлать еще нѣкоторыя исключенія, изъ которыхъ самыя значительныя слѣдующія: на стр. 24 и 30 подробности о цѣляхъ Кирилло Меѳодіевскаго братства, на стр. 31 горькія сѣтованія, на то что солдатская жизнь Шевченко подрѣзала его поэтическое дарованіе, на стр. 38, 39 и 40 — намеки на тѣлесныя истязанія, которымъ будто бы подвергаемъ былъ поэтъ-солдатъ, и на стр. 62 — легендарныя сказанія, ходящія въ народѣ послѣ смерти Шевченко.

За сдѣланными исключеніями цензоръ полагаетъ, что біографія Шевченко, въ ея новомъ видѣ, уже не представляетъ собою произведенія рѣзко тенденціознаго, и можетъ быть разрѣшена къ напечатанію.

Цензоръ Коловичъ

15 Декабря 1893 года

Опредѣлено: предоставить цензору, сдѣлавъ необходимыя исключенія, дозволить рукопись къ печати.

М. В. Д.

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ
ЦЕНЗУРНЫЙ
КОМИТЕТЪ.

30 Іюля 1893 года

№ 1152.

Канцелярія СПб. Ценз. Комитета, по приказанію г. Предсѣдательствующаго, извѣщаетъ дворянина Валентина Ивановича Яковенко, что рукопись: „Біографія т. Г. Шевченко" не дозволена къ печати постановленіемъ Комитета, примѣнительно къ статьямъ 94 (вторая половина) и 96 Устава Цензурнаго, какъ выставляющая ~~въ крайне тенденціозномъ смыслѣ~~ будто бы чтетъ ~~высшихъ словъ~~ правительства и ~~народа~~ высшихъ сословій надъ ~~низшими~~ классами населенія.

На основаніи ст. 58 Устава Цензурнаго рукопись удержана при дѣлахъ Комитета.

Подписанъ

Цензоръ Поповъ

Секретарь [illegible]

Ленинградский Центральный Исторический
АРХИВ.

В этой единице хранения (54) пять десят четыре пронумерованных листов под листами 1–48 значится биография Шевченко.

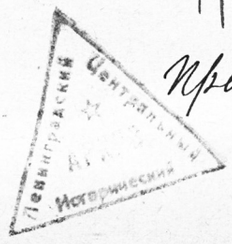
„19" мая 1930 года.

Подпись [illegible]

Пров. 15/V 30 г. [illegible]

Проверено 22/IX 31 Лаврентьев

Проверено 23/IX 31 г. [illegible]



Проверено 29/V 1933 г.
Лаврентьева

Карточка написана
26.III 933 [illegible]